

ПК
10к/

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

14|84

Министерство высшего и среднего
специального образования УССР

Харьковский ордена Трудового Красного Знамени
юридический институт имени Ф. Э. Дзержинского

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

ВЫПУСК 14

Республиканский
межведомственный
научно-технический
сборник

Основан в 1976 г.

код экземпляра

302512

національна юридична академія
України імені Ярослава Мудрого
**ФУНДАМЕНТАЛЬНА
БІБЛІОТЕКА**

Харьков
Издательство при Харьковском
государственном университете
издательского объединения „Вища школа“
1984

Сборник посвящен проблеме борьбы с преступлениями против социалистической собственности и хозяйственными преступлениями, которая включена в число республиканских комплексно-целевых программ научных исследований. Содержание статей охватывает широкий круг аспектов данной проблемы, относящихся к различным отраслям советского права: уголовному праву, криминологии, криминалистике, прокурорскому надзору. Публикуются также статьи молодых исследователей правовых проблем.

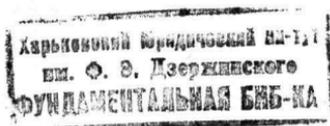
Для научных работников, специалистов.

Редакционная коллегия: В. Я. Тацкий (отв. ред.), М. И. Бару (зам. отв. ред.), Ю. М. Грошевой (отв. секр.), М. И. Бажанов, В. М. Горшенев, Л. Я. Носко, Р. С. Павловский, А. А. Пушкин, И. Е. Середа, Н. Н. Страхов, В. В. Штерн.

Ответственные за выпуск профессора *М. И. Бажанов* и *В. В. Сташис*

Адрес редакционной коллегии: 310024, Харьков-24, ул. Пушкинская, 77, юридический институт, тел. 40-41-01

Редакция гуманитарной литературы

П 1203000000-030
M226(04)-84 458-84 (подписное)

С Издательское
объединение
«Вища школа», 1984

**ОБ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
СОБСТВЕННОСТИ**

КПСС и Советское правительство осуществляют широкий комплекс мероприятий по укреплению социалистической собственности, составляющей основу экономической системы СССР, создают необходимые условия для ее развития и приумножения. Одной из функций социалистического государства является всемерная охрана социалистической собственности от преступных посягательств. На встрече с избирателями Куйбышевского избирательного округа г. Москвы Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко говорил: «Партия и государство... усилили борьбу с такими позорными явлениями, как разбазаривание государственных средств, очковтирательство и злоупотребление служебным положением, хищения и взятки. Это не временная кампания. Это — линия, которая будет проводиться постоянно и неукоснительно. Тут никому снисхождения нет и не будет» [13]. Для решения этой важной задачи нужна тщательная разработка научно обоснованных методов борьбы с преступлениями против социалистической собственности, четких рекомендаций по правильному применению уголовного закона к лицам, совершающим эти преступления. В связи со сказанным особое значение приобретают установление механизма причинения вреда отношениям социалистической собственности, глубокое выяснение на этой основе объективных и субъективных признаков преступлений, посягающих на данные отношения.

Социально-политическая сущность и юридическая природа этих преступлений определяются прежде всего их объектом. Отношения социалистической собственности как объект преступления имеют сложную экономическую и юридическую структуру. Поэтому характер рассматриваемых преступлений, их объективные и субъективные признаки различаются в зависимости от того, каким именно элементам или же сферам отношений собственности они причиняют вред. В связи с этим выяснение содержания и объема отношений социалистической собственности как родового объекта преступлений, предусмотренных в главе II Особой части УК УССР, установление тех ее сфер, которые в каждом конкретном случае нарушаются указанными общественно опасными деяниями, имеют большое теоретическое и практическое значение.

Однако эта проблема в теории советского уголовного права разработана недостаточно. Так, некоторые ученые, анализируя родовый объект преступлений против социалистической собст-

венности, ограничиваются определениями данного объекта в виде общих формул: «отношения социалистической собственности» [3, с. 25], «социалистическая собственность — экономическая основа социалистического общества» [5, с. 73], «общественные отношения собственности в смысле права собственности» [10, с. 23], «отношения социалистической собственности и существующая система распределения материальных благ» [7, с. 15—19]. Нетрудно заметить, что эти определения являются чрезмерно широкими по объему, не вскрывают содержания и структурных элементов отношений социалистической собственности, не показывают специфики нарушения указанных отношений преступлениями, предусмотренными в главе II Особенной части УК.

Вызывает возражения и определение родового объекта этих преступлений П. С. Матышевским как «права собственности в субъективном смысле» [4, с. 14—17]. Такой позицией фактически существующие экономические отношения собственности, которые терпят ущерб от преступных посягательств, подменяются юридической формой, закрепляющей и опосредующей эти общественные отношения. К. Маркс, отграничивая экономическое понятие собственности от юридического, указывал, что отношения собственности следует рассматривать «...не в их *юридическом* выражении как *волевых отношений*, а в их *реальной форме*, то есть как *производственных отношений*» [1, т. 16, с. 26], ибо содержание юридического отношения дано экономическим отношением [1, т. 23, с. 94]. Поэтому категорию «собственность» в качестве родового объекта следует анализировать как экономическое производственное отношение.

Среди ученых-криминалистов, рассматривающих социалистическую собственность как экономическую категорию, нет единства мнений в толковании объема общественных отношений, охватываемых понятием «собственность». Так, одни из них отождествляют отношения социалистической собственности со всей совокупностью производственных отношений, включающих в себя отношения по производству, распределению, обмену и потреблению материальных благ [8, с. 14]. Другие считают, что социалистическая собственность заключается в определенной форме общественного производства материальных благ и распределения продуктов труда [6, с. 9—13]. Третьи приходят к выводу, что социалистическая собственность выражается в общественной форме производства материальных благ, т. е. в общественных экономических отношениях по производству материальных благ [11, с. 112—114]. Последняя точка зрения наиболее предпочтительна. Понимание собственности как определенной формы производства материальных благ вытекает из указаний К. Маркса, который писал: «Поскольку собственность является только сознательным отношением к условиям производства как

к своим собственным... постольку она осуществляется только через само производство. Действительное присвоение совершается сперва не в мысленном, а в активном реальном отношении к этим условиям, это есть действительное использование их человеком как условий своей субъективной деятельности» [1, т. 46, с. 482—483]. К. Маркс и Ф. Энгельс в своих работах применяли понятия «производство», «присвоение» и «собственность» как равнозначные [1, т. 12, с. 713]. Следовательно, понятия «производство» и «присвоение» выражают одни и те же общественно-экономические отношения собственности.

Отметим, что общественные отношения по производству материальных благ неразрывно связаны с отношениями распределения, обмена и потребления, определяют их характер и в то же время проявляются в них. Распределение, обмен и потребление опосредуют отношения собственности и одновременно в них выражаются. Так, распределение средств производства есть необходимое условие производства материальных благ, выражает распределенность их по классам и группам общества, влияет на характер производства. Потребление в сфере общественного производства означает использование в процессе производства различных средств и орудий труда, входит поэтому в процесс производства и определяется им. Обмен как взаимное отчуждение продуктов труда выступает опосредствующим звеном между производством и потреблением и, таким образом, представляет собой момент производства [1, т. 12, с. 716—717, 721, 725]. Из этого следует, что характер общественного производства определяется в первую очередь принадлежностью материальных благ (средств производства) соответствующим субъектам, т. е. их «присвоенностью» («распределенностью»), показывающей, каким именно общественным группам (классам) они принадлежат, относятся ли последние к средствам производства как к своим или же как к чужим.

Собственность, выступая в форме средств производства (прошлый овеществленный труд), является материальным фактором, необходимой предпосылкой производства, в процессе которого создается новая стоимость путем производственного использования средств и орудий труда (средств производства). Это использование означает потребление средств и предметов труда, с перенесением их стоимости на вновь создаваемый продукт. Следовательно, использование средств производства составляет содержание процесса производства материальных благ [1, т. 12, с. 716—720].

Изложенное позволяет заключить, что структурными элементами отношений социалистической собственности как общественной формы производства материальных благ являются прежде всего принадлежность материальных благ соответствующим субъектам (государственным или общественным организациям), а также использование этих благ в процессе произ-

водства. В этой связи нельзя согласиться с Е. А. Фроловым, который считает, что социалистическая собственность как родовой объект включает в себя только принадлежность материальных благ (статика производства). Фактическое же использование этих благ в процессе производства (динамика производства), по его мнению, не терпит ущерба от преступлений против собственности, в связи с чем эту группу общественных отношений он предлагает отнести к сфере хозяйства, а посягательства на них — к хозяйственным преступлениям [11, с. 112—116]. Подобным решением круг отношений собственности необоснованно суживается. Необходимо иметь в виду, что принадлежность материальных благ находит свое правовое опосредование и юридическое закрепление в праве собственности. Следовательно, если признать, что преступления против социалистической собственности посягают только на принадлежность материальных благ, то это значит вновь свести объект данных преступлений к праву собственности в субъективном смысле, как это и предлагает П. С. Матышевский.

Однако принадлежность материальных благ и их производственное использование не исчерпывают отношений социалистической собственности как объекта уголовно-правовой охраны. Социалистическое расширенное производство осуществляется путем как интенсивного использования социалистического имущества в процессе производства, так и увеличения фондов социалистической собственности при помощи различных обязательных платежей, поступающих от граждан. Обязательные платежи являются одним из способов создания фондов социалистической собственности, представляют собой один из методов мобилизации денежных средств для финансирования социалистического производства. Конкретными видами обязательных платежей выступают в первую очередь платежи, поступающие от граждан за пользование имущественными услугами (имуществом) государственных или общественных учреждений, предприятий, организаций на договорных условиях, а также платежи (пошлины) за оказываемые государственными организациями неимущественные услуги, налоги, местные сборы и т. п. Отношения, возникающие по поводу обязательных платежей, опосредуют процесс производства, являются видом экономических отношений. Эти отношения существуют по поводу материальных благ, которые должны поступить в фонд собственности социалистических организаций, т. е. являются отношениями по формированию фондов социалистической собственности. Поэтому нарушение этих отношений выступает одновременно и нарушением отношений социалистической собственности [2, с. 36—38; 4, с. 158—161].

Некоторые юристы считают, что неплатеж налогов и т. п. (непередача должного) следует относить к преступлениям против порядка управления либо к числу посягательств на финан-

совые интересы государства [11, с. 115—116]. Приведенная позиция представляется неубедительной. Объектом преступлений против порядка управления, как известно, является нормальная деятельность органов управления (государственных, общественных, кооперативных организаций) при реализации ими задач коммунистического строительства [9, с. 6]. В отличие от этого уклонение от уплаты обязательных платежей причиняет вред не нормальной деятельности управленческого аппарата государственных или общественных организаций, а прежде всего отношений по формированию фондов социалистической собственности, так как непередача гражданами материальных благ социалистическим организациям в первую очередь препятствует пополнению этих фондов.

Так же существенно уклонение от уплаты обязательных платежей отличается по объекту посягательства от преступлений в области финансов. В частности, если последние нарушают установленный порядок, социалистические принципы ведения финансовой деятельности государственных или общественных организаций, то неуплата должного посягает на интересы собственников — государства или общественных организаций, которые должны были получить имущество (денежные платежи) от отдельных граждан для пополнения фондов социалистической собственности. Неполучение же обязательных платежей свидетельствует, что вред причинен непосредственно собственности государственных или общественных организаций. Именно поэтому такого рода общественно опасные деяния следует относить к преступлениям против социалистической собственности.

Изложенное позволяет заключить, что структурными элементами социалистической собственности как общественных отношений по производству материальных благ являются: принадлежность материальных благ государственным или общественным организациям, производственное использование этих благ, формирование фондов социалистической собственности. Все указанные элементы в своем единстве и образуют родовой объект преступлений, предусмотренных в главе II Особенной части УК.

Названные преступления нарушают общественное производство путем причинения вреда тем или иным его элементам. Так, хищения (ст. 81—86¹ УК) и уничтожение социалистического имущества (ст. 89, 90 УК), а также присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного государственного или общественного имущества (ст. 88 УК) посягают на принадлежность материальных благ государственным или общественным организациям. Здесь нарушение процесса производства материальных благ заключается в том, что социалистическое имущество противоправно выбывает из сферы производства вследствие безвозмездного обращения его виновными в свою или других лиц пользу, либо же от такого воздействия на имуще-

ство, в результате которого последнее приводится в полную непригодность, навсегда утрачивает свою хозяйственно-экономическую ценность и не может быть использовано по своему социальному назначению, либо вследствие незаконного присвоения тех ценностей, которые были из сферы общественного производства помимо воли виновного и должны быть им возвращены собственнику. Таким образом, государственные или общественные организации лишаются принадлежащих им на праве собственности материальных благ и не могут использовать их в процессе производства. Нарушается при этом и право собственности, ибо собственник не может реализовать свои правомочия по пользованию, владению, распоряжению принадлежащим ему имуществом.

Отношения по использованию социалистического имущества могут нарушаться такими преступлениями, как повреждение государственного или общественного имущества (ст. 89, 90 УК) и причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 87 УК). В первом случае процесс производства нарушается тем, что социалистическое имущество не может использоваться в соответствии с его народнохозяйственным назначением в результате такого противоправного на него воздействия, которое нарушает физическую целостность вещи, вызывает ухудшение ее качества, делает вещь частично или временно непригодной к использованию без восстановления или исправления¹. Нарушение отношений по использованию социалистического имущества преступным причинением имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием заключается в том, что социалистическое имущество незаконно используется, эксплуатируется не в соответствии с его социальным назначением, т. е. не в интересах производства материальных благ, а в целях, противоречащих задачам производства, как правило, для незаконного обогащения.

Укажем, что принадлежность материальных благ и их использование (возможность использования) в процессе производства иногда нарушаются вследствие того, что лица, обязанные воспрепятствовать этому, не выполняют возложенных на них обязанностей. Так, при преступно-небрежном отношении к охране государственного или общественного имущества (ст. 91 УК) виновный вследствие невыполнения возложенных на него обязанностей непосредственно своим поведением не причиняет вреда отношениям социалистической собственности, но создает для этого соответствующие условия.

Нарушение отношений по формированию фондов социалистической собственности может выразиться, в частности, в уκλο-

¹ Уничтожение и повреждение социалистического имущества хотя и посягают на различные сферы отношений государственной или общественной собственности, тем не менее в силу сходства объективных и субъективных признаков этих преступлений обоснованно предусмотрены в одном составе (ст. 89, 90 УК).

нении граждан путем обмана или злоупотребления доверием от уплаты обязательных платежей (налогов, пошлин и т. п.), которые они обязаны были передать в собственность государства или общественных организаций. Фонд социалистической собственности при этом не пополняется личным имуществом граждан. Иногда имеет место одновременное нарушение отношений и по использованию государственного или общественно-го имущества, и по формированию фондов социалистической собственности. Например, в случаях, когда виновный путем обмана или злоупотребления доверием (водитель такси, автобуса, контролер стадиона, кинотеатра и т. д.) противоправно завладевает денежными средствами, которые должны были поступить государственным или общественным организациям от граждан за полученные ими имущественные услуги (пользование имуществом). Эти действия причиняют ущерб отношениям социалистической собственности и образуют при всех необходимых условиях преступление, предусмотренное ст. 87 УК.

Выявление механизма посягательства преступлений, предусмотренных в главе II Особенной части УК УССР, на отношения социалистической собственности показывает, что характер нарушения этих отношений различен в зависимости от того, какая именно сфера общественного производства, т. е. отношений социалистической собственности, подвергается преступному воздействию. Различны, следовательно, и фактические признаки, а также характер и степень общественной опасности таких преступлений.

Решая вопрос о непосредственном объекте преступлений против социалистической собственности, следует исходить прежде всего из того, что он составляет часть родового объекта. Социалистическая собственность, как известно, выступает в двух формах: государственной и колхозно-кооперативной. Следовательно, преступления, предусмотренные в главе II Особенной части УК, посягают на отношения государственной либо общественной собственности, которые и выступают в качестве непосредственных объектов данных преступлений. Однако здесь нельзя не учитывать, что хищение, уничтожение социалистического имущества, а также присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного государственного или общественного имущества причиняют вред непосредственно отношениям, выражающим принадлежность материальных благ; повреждение социалистического имущества — отношениям по использованию социалистического имущества, а причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием — отношениям по использованию социалистического имущества и по формированию фондов социалистической собственности. Поэтому указанные отношения государственной или общественной собственности (принадлежность материальных благ, их производственное использование, а также формирование фондов со-

циалистической собственности) и выступают в качестве непосредственных объектов соответствующих преступлений.

Хищения, присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного государственного или общественного имущества, а также причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, посягая на отношения социалистической собственности, нарушают также и неразрывно связанные с ними отношения по распределению материальных благ в социалистическом обществе. Отношения по распределению основываются на конституционном принципе «От каждого — по способностям, каждому — по труду». Говоря об этих отношениях, Ю. В. Андропов в работе «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР» писал, что они «...прямо и непосредственно затрагивают интересы всех и каждого. Характер распределения является одним из важнейших показателей степени социального равенства, возможностей при социализме» [12, с. 15]. Нарушение этих отношений названными преступлениями состоит в том, что виновные незаконно обогащаются, получают в личную пользу материальные блага (имущество, принадлежащее государственным или общественным организациям) без соответствующих затрат на это своего труда или же уклоняются от обязательной передачи своего личного имущества социалистическим организациям и извлекают тем самым имущественные выгоды. Отношения по распределению материальных благ в социалистическом обществе защищаются нормами УК, которые предусматривают указанные преступления; в связи с тем, что эти отношения неизбежно нарушаются или ставятся в опасность нарушения при совершении посягательств на основной непосредственный объект и поэтому выступают в качестве дополнительного непосредственного объекта. Нарушение или же поставление в опасность нарушения данного дополнительного объекта указанными преступлениями свидетельствует о их корыстной направленности и, как правило, о более высокой степени общественной опасности по сравнению с другими преступлениями против социалистической собственности, которыми отношения по распределению материальных благ в социалистическом обществе не нарушаются.

Итак, выяснение содержания и объема отношений социалистической собственности как родового объекта, характера и механизма нарушения этих отношений преступлениями, предусмотренными в главе II Особенной части УК, установление непосредственных объектов (основного и дополнительного) названных преступлений способствуют уяснению фактических признаков, характера и степени общественной опасности каждого из посягательств на социалистическую собственность, правильной их квалификации и индивидуализации наказания.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, 16, 46. 2. Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества. — М.: Юрид. лит., 1974.—336 с. 3. Куринов Б. А. Уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества. — М.: Госюриздат, 1954.—120 с. 4. Матышевский П. С. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в Украинской ССР. — К.: Изд-во Киев. ун-та, 1972.—202 с. 5. Некипелов П. Т. Советское уголовное законодательство в борьбе с хищениями социалистической собственности. — М.: Госюриздат, 1954.—136 с. 6. Пинаев А. А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. — Харьков: Вища школа, 1975.—191 с. 7. Сергеева Т. Л. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в СССР. — М.: Госюриздат, 1954.—156 с. 8. Сирота С. И. Преступления против социалистической собственности и борьба с ними. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1968.—230 с. 9. Стаиш В. В., Вазанов М. И. Преступления против порядка управления. — Харьков, 1971.—75 с. 10. Тарарухин С. А. Социалистическая собственность неприкосновенна. — К.: Изд-во АН УССР, 1963.—140 с. 11. Фролов Е. А. Объект и преступные последствия при посягательствах на социалистическую собственность. — Сб. уч. тр./Свердл. юрид. ин-т, 1968, вып. 8, с. 112—114. 12. Коммунист, 1983, № 3. 13. Правда, 1984, 3 марта.

Поступила в редколлегию 17.01.83.

А. А. Пинаев, канд. юрид. наук

Харьков

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХИЩЕНИЯ**

Необходимость всемерной охраны социалистической собственности как одной из основных функций Советского государства обуславливается тем, что посягательства на нее, прежде всего такие наиболее опасные и распространенные из них, как хищения, причиняют большой ущерб народному достоянию и занимают значительный удельный вес в динамике преступности [7, с. 377; 8, с. 332]. Эта необходимость объясняется также высокой степенью опасности виновных, которые, совершая хищения, проявляют самые низменные паразитические устремления, несовместимые с моральными устоями нашего общества. Вот почему успешная борьба с хищениями — важная предпосылка охраны экономической основы СССР от преступных посягательств и один из факторов воспитания трудящихся в духе коммунистического отношения к народному достоянию.

В решении указанной задачи существенная роль отводится уголовному законодательству, которое призвано охранять социалистическую собственность от преступных посягательств посредством определения общественно опасных деяний в качестве преступлений и установления наказания для лиц, их совершивших. При этом успех уголовно-правовой охраны социалистической собственности от хищений зависит как от эффективности применения закона на практике, так и от соответствия его современному этапу развития нашего общества [4, с. 13—24].

Устанавливая точные рамки уголовной ответственности, законодатель должен исключить возможность назначения наказания, которое бы не соответствовало тяжести преступления и личности виновного. Формулировка закона должна точно, в соответствии с содержанием конкретного деяния определять его границы, а санкция — отражать характер и степень общественной опасности [3, с. 3, 19, 22]. Этим обусловлено большое значение правильного определения конкретных составов преступлений непосредственно в законе и установления за них такого наказания, которое бы полностью соответствовало решению задачи охраны социалистических общественных отношений от посягательств на них.

В этой связи при конструировании норм, во-первых, следует избегать их дробления в зависимости от тех признаков, которые фактически не влияют на социальную или уголовно-правовую оценку содеянного. Такое дробление объективно ведет к необоснованному усложнению закона, вызывает трудности и разночтения в его толковании и применении на практике. Во-вторых, важно не только выяснить признаки, определяющие общественную опасность преступления, но и установить основные из них — в первую очередь те, которые в наибольшей мере выражают антисоциальную сущность посягательства, и второстепенные, правильно отразив в законе объективно существующую между ними субординацию. От того, насколько полно будут выяснены основные и второстепенные признаки преступления, насколько правильно они будут отражены в формулировке закона, зависит действенность последнего, его способность решать стоящие перед ним задачи.

Однако практическое конструирование закона с учетом изложенных требований нередко вызывает существенные затруднения: в процессе применения уголовно-правовой нормы в ее диспозиции или санкции обнаруживаются определенные недостатки. Это влечет за собой уточнение, дополнение или иное изменение закона. Причем такое его совершенствование не указывает на нестабильность законодательства. Советское право, в том числе уголовное, в полной мере может выполнить свою роль в строительстве коммунизма при условии соответствия потребностям общественного развития, на что указывал В. И. Ленин [2, т. 36, с. 504; т. 54, с. 165—166], и правильного отражения конкретных общественных явлений в правовых нормах. Ф. Энгельс писал: «В современном государстве право должно не только соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть *внутренне согласованным* выражением, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий» [1, т. 37, с. 418]. Только в этом случае уголовно-правовая норма будет эффективным средством борьбы с преступностью.

Совершенствование законодательства, обусловленное развитием советского уголовного права, наглядно прослеживается и в нормах об ответственности за хищения: издаваемые законы по общему правилу учитывали пробелы, допущенные в законе, действовавшем ранее. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» [13, с. 430], например, не давал ни общего определения этого преступления, ни отдельных его форм, что влекло за собой чрезмерное расширение понятия хищения. Таковым нередко теорией [9, с. 28] и практикой [15, 1952, № 11, с. 3—4; 1956, № 3, с. 1—3] признавались и случаи присвоения найденного социалистического имущества, и некоторые корыстные должностные преступления, не связанные с хищением, и даже самовольное сенокосение в крупных размерах. УК союзных республик, принятые в 1959—1961 гг., устранили недостатки приведенного Указа. В них дается исчерпывающий перечень, а также определение большинства форм хищения. Этим законодатель обязал судебно-следственные органы в каждом конкретном случае устанавливать признаки, присущие только данному преступлению, что в значительной мере ограничило возможность расширительного толкования закона.

Однако через некоторое время после принятия УК определенные недостатки были обнаружены и в них. Так, УК в специальной норме не предусмотрели ответственность за хищения в особо крупных размерах — наиболее тяжкий вид этого посягательства. Поэтому 5 мая 1961 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями», в соответствии с которым в УК всех союзных республик были включены статьи, предусматривающие самостоятельную ответственность за такое деяние (ст. 86¹ УК УССР).

Несмотря на это, более чем двадцатилетняя практика применения УК вскрыла в конструкции норм об ответственности за анализируемые посягательства и другие недостатки, отрицательно сказывающиеся на решении задачи охраны социалистической собственности. К таким прежде всего относится отсутствие в законе определения понятия хищения, которое заменено целым рядом равноценных, существенно не влияющих на общественную опасность этого преступления понятий (кража, мошенничество, присвоение и др.¹) [11, с. 95—103]. Не повторяя известных доводов в пользу законодательного опре-

¹ Исключение составляет разбой, который, думается, к преступлениям против собственности не относится [11, с. 40—49].

деления понятия хищения [10, с. 50; 16, с. 67]¹, укажем, что наличие в УК исчерпывающего перечня форм данного посягательства с определением большинства из них отнюдь не означает, что все признаки хищения в законе названы. Так, в них не говорится о безвозмездности обращения имущества в пользу отдельных лиц, о корыстном характере поведения виновного и некоторых других признаках. Отсутствие же указания на них в законе допускает расширительное его толкование. В качестве хищения, например, могут рассматриваться (и на практике такие случаи встречаются) факты завладения имуществом в одной из указанных в статьях УК форм (тайно, открыто, путем обмана и др.) для временного его использования или факты завладения им для передачи социалистической организации и т. п. Вот почему Верховному Суду СССР и Верховным Судам союзных республик особенно часто приходится прибегать к разъяснению рассматриваемого законодательства.

При применении УК было также установлено, что в ряде ситуаций, а они на практике встречаются довольно часто, конструкция закона исключает уголовную ответственность за деяния, представляющие значительную общественную опасность, либо предполагает использование норм, в которых предусмотрены различные меры наказания, к равным по опасности случаям хищения. Более того, нередко, в силу конструкции закона, судебно-следственные органы вынуждены применять за хищения, представляющие повышенную общественную опасность, те уголовно-правовые нормы, которые предусматривают несоразмерно мягкие санкции.

Так, Р. в ночь на 27 августа 1971 г. в поселке Тельмана из магазина № 1 ОРСа совершил хищения путем кражи различных товаров на сумму 757 р. и в ночь на 10 сентября того же года аналогичным образом из магазина № 10 поселка Приамурский похитил ценностей на 2292 р. Следственные органы, народный суд Смидовического района и судебная коллегия по уголовным делам областного суда Еврейской автономной области усмотрели в данном случае состав повторного хищения в значительных размерах, поскольку ущерб, причиненный каждым отдельным посягательством, не выходил за пределы значительного хищения, и квалифицировали действия Р. по ч. 2 ст. 89 УК РСФСР. По протесту заместителя прокурора РСФСР Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР отменила приговор и кассационное определение, направив дело на дополнительное расследование. Обосновывая такое решение, коллегия отметила, что в общей сложности Р. причинил социалистической собственности ущерб на 3049 р., что соответствует

¹ Отметим, что в ряде республик при подготовке действующих УК была предпринята попытка устранить данный недостаток. Так, в одном из проектов УК УССР хищение определялось как «умышленное незаконное обращение государственного или общественного имущества в свою пользу или по корыстным мотивам в пользу другого лица» [12, с. 35].

составу хищения в крупном размере. Действия же лица, совершившего несколько хищений, «причинивших в общей сложности ущерб в крупном размере, квалифицируются по статьям уголовного кодекса об ответственности за хищения в крупном размере, если они совершены одним способом и при обстоятельствах, свидетельствующих об умысле совершить хищение в крупном размере» [14, с. 175]. Правильность такого вывода не вызывает сомнения, ибо совершение нескольких хищений, в результате которых причиняется крупный ущерб, представляет не меньшую общественную опасность, чем совершение хищения на такую же сумму в один прием. Поэтому квалификация действий Р. по ч. 2 ст. 89 УК РСФСР, в соответствии с которой ему могло быть назначено не более 6 лет лишения свободы, явилась бы очевидной недооценкой опасности содеянного и личности виновного. Квалификация же действий Р. по ч. 3 ст. 89 УК РСФСР как крупного хищения (предусматривающей наказание в виде лишения свободы на срок до 15 лет) соответствовала бы фактической тяжести совершенного посягательства.

Однако в силу своеобразия конструкции действующего закона подобное решение вопроса в данном и аналогичных случаях возможно лишь тогда, когда все преступления совершены в одной форме — или путем кражи, или путем грабежа и т. п., ибо в соответствующих статьях УК говорится о хищении путем кражи «в крупных размерах» (ч. 3 ст. 81 УК УССР), о хищении путем грабежа «в крупных размерах» (ч. 3 ст. 82 УК УССР) и др., а не о хищениях, совершенных в различных формах, но в совокупности причинивших крупный ущерб. Поэтому Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР по делу Р. специально указала на то, что он совершил посягательства *одним способом*.

В свою очередь, квалификация действий Р. как хищения в крупном размере была бы невозможна, если бы в магазине № 1 ОРСа поселка Тельмана он похитил имущество путем кражи, а в магазине № 10 поселка Приамурский — путем грабежа, так как здесь нет ни хищения путем кражи в крупном размере, ни такого же вида грабежа. Более того, даже если бы Р. совершил ряд хищений в значительных размерах, но в различных формах (например, каждый раз похищал имущества на 2000 р. путем кражи, грабежа, мошенничества и присвоения — всего 8000 р.), его действия все равно нельзя было квалифицировать как единое хищение в крупном размере и в соответствии с законом он подлежал бы ответственности за повторные значительные хищения.

Очевидно, что в такой уголовно-правовой оценке содеянного неверно отражается фактическая опасность преступления. Получается, что хищение на сумму немногим более 2500 р., совершенное в один прием или повторными действиями, выраженными в одной форме, признается единым крупным, влекущим

наказание до 15 лет лишения свободы. Причем это посягательство признается тяжким преступлением (ст. 7¹ УК УССР). Хищения же, совершенные в различных формах и причинившие в совокупности ущерб на сумму свыше 2500 р. и до 10 000 р., квалифицируются только как повторные, наказуемые лишением свободы не более чем на 6—7 лет, и тяжкими преступлениями они не признаются.

Аналогичная ситуация складывается и при малозначительных повторных обращениях имущества в пользу отдельных лиц, причинивших социалистической собственности в сумме ущерб, характерный для мелкого или более значительного хищения, и при мелких хищениях, причинивших значительный или крупный ущерб, и т. д.

Приведенные соображения дают основание сделать вывод: в действующем законе недостаточно точно отражены признаки, определяющие характер и степень общественной опасности рассматриваемых преступлений, в законодательной конструкции их составов не соблюдена объективно существующая между этими признаками субординация, что в целом отрицательно сказывается на борьбе с хищениями.

К сказанному следует добавить, что и сам закон подчас не дает четкого ответа на вопрос, какие же из признаков, определяющих общественную опасность хищения (его вид, форма или квалифицирующие признаки), являются в том или ином составе основными, а какие — дополнительными. Это влечет за собой разноречивое толкование норм УК. Например, в одном из научно-практических комментариев к УК РСФСР 1960 г. отмечается: «В ч. 3 ст. 89 говорится о краже (а не о кражах), совершенной в крупных размерах, поэтому эта часть статьи неприменима в тех случаях, когда налицо несколько краж, совершенных не из одного источника, каждая из которых не может быть признана совершенной в крупных размерах, хотя в общей сложности эти кражи дают крупный размер похищенного имущества. В таком случае применяются положения об ответственности за повторное совершение кражи» [6, с. 213]. Очевидно, что здесь за основу определения опасности хищения и его квалификации взята повторность посягательства, а не размер ущерба, причиняемого социалистической собственности, — не вид хищения. В другом же комментарии написано: «Лицо, совершившее одновременно или разновременно несколько краж, ни за одну из которых оно не было судимо, несет ответственность по ч. 3 ст. 89, несмотря на то, что в этой части статьи сказано о краже, а не о кражах» [5, с. 214]. Этим авторы комментария подчеркивают, что опасность такого хищения и его квалификация определяются размером причиненного ущерба, а не повторностью. Столь противоречивое толкование одного и того же вопроса в теории, разумеется, влечет за собой разноречивость в судеб-

ной практике со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями.

Изложенное позволяет утверждать о необходимости дальнейшего совершенствования советского уголовного законодательства об ответственности за хищения. Причем наиболее важными из вопросов, которые должны быть решены в этом плане, представляются следующие: 1) разработка и включение в закон определения понятия хищения, что позволило бы не придавать самостоятельного квалификационного значения его формам, поскольку они существенно не влияют на общественную опасность этого преступления; 2) конструирование норм об ответственности за хищения на основе размера ущерба, причиненного социалистической собственности (видов хищения), который в оценке тяжести данного посягательства всегда занимает доминирующую роль, учитывая остальные признаки в качестве дополнительных.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, 54. 3. Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.—320 с. 4. Козаченко И. Я. О системе и системном подходе в исследовании эффективности уголовно-правовых норм. — В кн.: Вопросы повышения эффективности уголовного законодательства в современных условиях. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1979, с. 13—24. 5. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. — М.: Юрид. лит., 1971.—590 с. 6. Комментарий УК РСФСР. — М.: Юрид. лит., 1964.—574 с. 7. Криминология. — М.: Юрид. лит., 1968.—472 с. 8. Криминология. — М.: Юрид. лит., 1976.—460 с. 9. Куринов Б. А. Уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества. — М.: Госюриздат, 1954.—120 с. 10. Матышевский П. С. Ответственность за преступления против социалистической собственности. — К.: Изд-во Киев. ун-та, 1968.—130 с. 11. Пинаев А. А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. — Харьков: Вища школа, 1975. — 189 с. 12. Проект. Кримінальний кодекс Української РСР. — К.: МВС УРСР, 1959.—92 с. 13. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917—1952.— М.: Госюриздат, 1953.—464 с. 14. Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1964—1972.— М.: Юрид. лит., 1974.—648 с. 15. Судебн. практика Верховн. Суда СССР. 16. Фролов Е. А. Объект уголовно-правовой охраны и общее понятие хищения социалистического имущества. — Сб. уч. тр./Свердл. юрид. ин-т, 1969, вып. 9, с. 66—117.

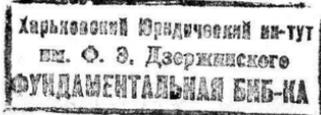
Поступила в редколлегию 14.01.83.

И. Н. Даньшин, д-р юрид. наук

Харьков

ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ КОРЫСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Криминологическое изучение корыстных преступлений против социалистической собственности несколько облегчается благодаря ряду отчетливых, присущих им характерных черт.

Во-первых, общественная опасность этих посягательств на уровне как их фактической совокупности, так и каждого конкретного деяния велика и вполне очевидна — они причиняют вред, ущерб социалистической собственности и представляют серьезную опасность для советского общества, лишают государство возможности использовать социалистическое имущество в полном объеме для успешного решения народнохозяйственных задач и дальнейшего подъема материального и культурного уровня населения. Общественная опасность хищений социалистического имущества — это не субъективная оценочная категория, а их объективное, реально проявляющееся свойство.

Во-вторых, уголовно-правовые запреты в сфере отношений социалистической собственности являются социально обоснованными, постоянными и общеизвестными. Юридическая конструкция этих норм уголовного закона нередко изменялась, но социально-политическая и правовая оценка анализируемых общественно опасных деяний оставалась неизменной и принципиальной. Законодатель на протяжении всей истории Советского государства без всяких колебаний признавал их уголовно наказуемыми, четко отграничивая их от непреступного поведения. Законодательство об ответственности за преступления против социалистической собственности вытекает из моральных принципов социалистического общества и соответствует нравственным воззрениям подавляющего большинства советских людей. Охрана и укрепление всенародного достоинства возведены в ранг их конституционной обязанности, основанной на моральном долге каждого члена социалистического общества (ст. 61 Конституции СССР). Уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за преступления против социалистической собственности, включают в себя, следовательно, два момента: юридическое установление, веление и нравственное долженствование.

В-третьих, качества и свойства личности тех, кто совершает эти преступления, не связаны с какими-то особо разрушительными, трудно поддающимися объяснению деформациями психики. Их преступное поведение находится под контролем сознания и воли. Бывают весьма редкие случаи, когда сознание этих лиц носит не актуальный, а потенциальный характер. Но и здесь их поступки в надлежащий момент могут быть осознаны и волимы. В противном случае они не имеют правового значения [8, с. 85—86].

Социальная сущность и механизм преступного поведения субъектов хищений государственного и общественного имущества, не признающих социалистический принцип распределения общественных благ, в конечном счете сводятся к удовлетворению дисгармоничных, социально неадекватных материальных потребностей. Искажение этих потребностей приобретает различные формы: нарушение в структуре личности гармоничности

самих потребностей, когда материальные потребности подавляют, вытесняют на задний план потребности духовные; когда они приобретают гипертрофированное, явно преувеличенное значение, противоречащее общественным интересам, и удовлетворяются в порядке и способами, которые не одобряются обществом и государством.

В-четвертых, КПСС и Советское государство рассматривают борьбу с преступными посягательствами на социалистическую собственность в качестве важной и ответственной задачи. Так, большое внимание этому вопросу было уделено в решениях XXVI съезда КПСС, постановлении ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями» [12, 1979, 11 сент.], а также в декабрьском (1982 г.) решении Политбюро ЦК КПСС, принятом по поступившим в ЦК КПСС письмам трудящихся, сообщавшим о фактах хищений социалистического имущества [12, 1982, 11 дек.]. В этих и других партийных документах указывалось на необходимость выявлять обстоятельства, способствующие совершению хищений, разрабатывать меры по их устранению, в том числе уголовно-правового воздействия.

В нашей действительности, как известно, имеются такие обстоятельства, которые вызывают существование и совершение корыстных преступлений против социалистической собственности. Подобная разновидность преступности (речь в дальнейшем будет идти не о конкретном, индивидуальном поведении, а об этой группе преступлений в целом) объективно связана с другими экономическими, социальными и психологическими явлениями и процессами, которые в своей совокупности детерминируют ее. Детерминировать (от лат. *determinare* — определять) означает предопределять, обуславливать. Исходя из философского понятия детерминизма [10, с. 7; 5, с. 44—45] все явления и процессы либо отдельные их структурные элементы, взаимосвязанные с преступностью, в которых последняя коренится, можно называть детерминирующими, производящими факторами преступности, в частности преступности в сфере отношений социалистической собственности. В связи с этим трудно согласиться с мнением некоторых криминологов, обозначающих термином «фактор» только причины и условия преступности [6, с. 71], или тех, которые под «факторами» имеют в виду конкретные явления или процессы, а не причины или условия [4, с. 174].

В системе преступности на различных ее уровнях, как известно, действуют различные детерминистические связи: взаимодействие, корреляция, системно-структурная связь, связь состояний и т. д. Понятие «фактор», как представляется, применимо на любом уровне криминогенной детерминации. На уровне причинно-следственных связей преступности и отдель-

ных видов преступлений их детерминирующие факторы принято называть причинами и условиями.

Причина — это относительно активный фактор, продуцирующий, порождающий преступность (преступление), а условие — относительно пассивный фактор, влияющий на результат, вызываемый причиной (в данном случае — преступность), и способствующий возникновению и существованию последней. Отметим, что между криминогенными причиной и условием абсолютного различия нет, оно (различие) относительно, ибо зачастую они трансформируются из одного качества в другое — одно и то же явление может выступать в зависимости от времени, места и иных обстоятельств в роли как причины, так и условия. Причина обусловлена, условие — причинно [11, с. 162; 7, с. 20—21]. Таким образом, криминогенным фактором выступают всякое социальное явление и процесс, имеющие любое детерминирующее, в том числе каузальное (причинно-следственное), значение для объяснения преступности.

Конечно, наиболее важными факторами являются именно причины и условия преступности. Но криминология, опираясь на философскую методологию социального детерминизма [9, с. 9—11], при объяснении преступности не должна ограничиваться только их изучением. Она обязана учитывать все детерминирующие факторы, не забывая, разумеется, что они действуют опосредованно, через ряд промежуточных звеньев, не однозначно и носят вероятностный характер.

С учетом сказанного перечислим все детерминирующие, т. е. предопределяющие, обуславливающие, порождающие, способствующие, факторы корыстной преступности в сфере отношений социалистической собственности. Они по своему содержанию, как представляется, могут быть сведены к пяти группам: экономические, социально-экономические, социально-психологические, идеологические и организационно-управленческие.

В первую очередь укажем на факторы экономического порядка, потому что с позиций марксизма-ленинизма определяющей, движущей силой всей общественной жизни является ее экономический базис. К. Маркс писал: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [1, т. 13, с. 7]. К числу таких факторов относятся прежде всего противоречия между уровнем производства материальных и культурных благ и постоянно растущими потребностями членов нашего общества. Эти противоречия являются следствием недостаточно высокого по сравнению со зрелым коммунизмом уровня развития производительных сил, что неизбежно влечет за собой неудовлетворение потребностей отдельных людей, а чаще — неполное удовлетворение. Поэтому

и намечается разрыв между потребностями граждан и легальными возможностями их удовлетворения.

Экономическими факторами, детерминирующими преступность, следует считать и свойственные социалистическому обществу противоречия между равным отношением его членов к средствам производства и их неравенством в распределении материальных благ. Применяемый в этой связи исторически прогрессивный принцип распределения по труду — единственно возможная форма распределения в социалистическом обществе — страдает известной ограниченностью, не устраняет остатки социального неравенства между людьми, приводит к определенной контрастности в материальном положении людей и некоторых социальных групп. В. И. Ленин отмечал: «Справедливости и равенства ...первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве остаются и различия несправедливые...» [2, т. 33, с. 93]. Обстановка, когда человек живет в окружении материально более обеспеченных людей, может толкнуть его на хищение социалистического имущества как на наиболее простой способ достижения такого же материального уровня жизни.

К двум названным противоречиям тесно примыкают и противоречия, связанные с существованием на данном этапе развития социалистического общества остаточных явлений общественного разделения труда: товарно-денежных отношений и института личной собственности граждан, которые в сочетании с нарушением принципа распределения по труду побуждают отдельных лиц обращать в свою пользу государственное и общественное имущество.

Под социально-экономическими факторами мы имеем в виду нежелательные последствия быстрых темпов урбанизации и миграции на фоне небывалого в истории ускоренного развития индустриализации в нашей стране. В предельно сжатые сроки, охватывающие собой жизнь трех человеческих поколений, она превратилась в высокоразвитое индустриальное и урбанизированное общество. В жизни государства урбанизация и миграция, безусловно, играют положительную роль. Однако эти процессы многогранны и сложны. Поэтому неудивительно, что они таят в себе некоторые темные, отрицательные черты, имеющие определенное криминологическое значение.

Так, урбанизация, как известно, вызвала небывалый рост материальных потребностей граждан. Потребности людей сегодня значительно шире и по объему и по «ассортименту», чем несколько десятков лет тому назад. Это — в целом положительный момент. Между тем ему сопутствуют негативные стороны роста материальных потребностей. Их структура характеризуется неустойчивостью в силу нестабильности запросов населения и возросших технических возможностей промышленности производить с каждым годом все новые образцы различных

товаров. Многие лица приобретают предметы потребления в большем объеме, чем им требуется для выполнения присущих им социальных ролей. Другие испытывают ощущение недостаточности (порой иллюзорной) в некоторых вещах и изделиях. Пространственная доступность предметов потребления при незначительной социально-экономической дифференциации членов общества приводит к одновременному притязанию многих на один и тот же объект. Отсюда возникает проблема дефицита.

Анонимность городской жизни, как одно из последствий урбанизации, значительно снижает социальный контроль за поведением, моральным обликом личности в неформальных группах и ситуациях, например в личной жизни, бытовой обстановке, в сфере добычи средств и выбора путей приобретения предметов потребления.

Порожденная миграцией и урбанизацией полезная социальная мобильность граждан по вертикали (переход снизу вверх по иерархическим ступеням общественного положения) и по горизонтали (переход с одной социальной группы в другую) имеет и обратную сторону: отдельные лица, не имея соответствующих данных для профессионального роста и все же желая добиться существенных перемен в своей жизни, становятся на путь совершения корыстных преступлений, в том числе против социалистической собственности.

Далее, мигрант и переселенец в урбанизированную среду сталкиваются со множеством новых для него правил поведения. В связи с этим у него происходит переоценка нравственных ценностей. Личность иногда теряет при этом сопротивляемость к внешним влияниям и оказывается под воздействием не лучших из них и тех, которые порождают неуважительное отношение к социалистической собственности.

Нельзя не отметить, что вынужденная необходимость быстрого перехода отсталой аграрной страны на уровень современной передовой индустрии повлекла за собой такие временные недостатки в экономике, как отставание производства предметов потребления от производства средств производства. Такое положение, в свою очередь, сказывается на количестве и качестве изготавливаемых предметов потребления и высокой продажной стоимости отдельных из них. Эти обстоятельства следует также учитывать при криминологическом изучении преступности в сфере отношений социалистической собственности.

К социально-психологическим факторам преступности мы относим существующие и поныне в общественном сознании пережиточные вредные взгляды, представления, привычки и обычаи, сложившиеся еще в условиях прежних эксплуататорских общественно-экономических формаций и противоречащие социалистическому общественному бытию и коммунистической нравственности. Применительно к интересующей нас группе преступлений это главным образом корыстолюбие, стяжательство,

жадность, проявление паразитизма, пьянство, так как постоянное и неумеренное потребление спиртных напитков требует дополнительных, помимо заработной платы, средств для их приобретения.

Общественное сознание в структурном отношении неоднородно. В нем выделяется, с одной стороны, теоретически систематизированное сознание, которое полно и достоверно выражает закономерности развития социалистического бытия, с другой — обыденное сознание, ограничивающееся рамками повседневного опыта, узкопрактической будничной деятельности, отражающее специфику индивидуального бытия человека. Обыденное сознание охватывает мораль, обычаи и общественную психологию. Когда мы говорим о наличии отживающих вредных взглядов и представлений в общественном сознании, не соответствующих социалистическому мировоззрению и образу жизни, то подразумеваем именно эти наиболее консервативные сферы общественного сознания советского общества. Пережиточные взгляды, привычки и представления, имеющиеся в обыденном общественном сознании, проникают в результате неблагоприятного нравственного формирования в индивидуальное сознание отдельных людей и при определенном стечении обстоятельств могут выступать в качестве непосредственных причин совершения конкретных преступлений.

Подобное положение является результатом противоречия между общественным бытием и общественным сознанием. Последнее обладает относительной самостоятельностью, которая проявляется в его отставании от общественного бытия. Социально-экономические условия, породившие те или иные вредные взгляды и привычки, полностью устранены либо коренным образом изменены в нашей стране, но они (эти взгляды и привычки) в порядке подражания, преемственности, по инерции, по традиции продолжают существовать в обыденном общественном сознании. В частности, переворот в отношении собственности — процесс длительный и сложный. Он сам по себе не устраняет столетиями накапливавшихся негативных черт человеческого общежития. «Даже тогда, когда окончательно устанавливаются социалистические производственные отношения, кое у кого еще сохраняются, а то и воспроизводятся индивидуалистические привычки, стремления поживиться за счет других, за счет общества» [3, с. 12].

Следующая группа факторов, детерминирующих рассматриваемую корыстную преступность, — идеологические. Они включают в себя проявления противоречий между системами социализма и капитализма. Уже само существование капиталистического мира способствует живучести отсталых антиобщественных взглядов и представлений среди некоторых слоев населения. Кроме того, определенные империалистические круги, прибегая к клевете и демагогии, предпринимают попытки прямого воз-

действия на сознание советских людей путем идеологических диверсий. С этой целью они используют всевозможные каналы для распространения буржуазных эталонов жизни, частнособственнических взглядов, психологии вещизма, пропагандируют нездоровые потребительские вкусы и настроения.

Противоречия между социализмом и капитализмом могут выливаться, как свидетельствует история, в скрытую подрывную и даже открытую враждебную, вплоть до развязывания военных конфликтов, деятельность агрессивных сил. В этой связи Советскому государству приходится нести огромные затраты на поддержание обороноспособности страны, что, естественно, ведет к снижению расходов, направленных на удовлетворение потребностей граждан.

Организационно-управленческие факторы корыстной преступности вытекают из противоречий, свойственных организационной деятельности государственных и общественных органов. Таких факторов, имеющих криминогенное значение, много. Укажем на некоторые из них: недостатки в планировании, случаи нарушений социалистического принципа распределения общественного продукта, плохая постановка контрольно-ревизионной работы, недостатки в учете и хранении товарно-материальных ценностей, бесхозяйственность, разбазаривание социалистического имущества, снисходительное, безучастное отношение окружающих к фактам хищений, недостатки в деятельности правоприменительных и правоохранительных органов, включая нарушение принципа неотвратимости наказания и т. д. Особенно следует остановиться на ослаблении контроля за мерой труда и мерой потребления — основного принципа социализма. Данное обстоятельство дает возможность отдельным лицам безбоязненно и беспрепятственно пользоваться нелегальными доходами, плодами преступлений — похищенными ценностями и предметами. Будь такой контроль постоянным и строгим, не было бы смысла совершать преступления. Необходимость его усиления и неукоснительного соблюдения — задача важная и актуальная [12, 1981, 15 окт.].

Перечисленные факторы, детерминирующие преступность в сфере отношений социалистической собственности, как правило, связаны с временными противоречиями социализма. Одни из них унаследованы от прежних общественно-экономических формаций, другие являются следствием развития и поступательного движения самого социалистического общества, издержками его роста. Все они, за исключением противоречий между социализмом и капитализмом, носят неантагонистический характер. Причем отличительная особенность социалистического общества заключается в том, что указанные противоречия планомерно разрешаются по мере создания объективных предпосылок в рамках данного строя и в целях его укрепления. В настоящее же время еще отсутствуют необходимые объективные

предпосылки для устранения отдельных противоречивых явлений в жизни советского общества. Социализм ликвидирует антагонистические противоречия общественного развития, неразрешимые в рамках капитализма. Однако это отнюдь не означает, что тем самым упраздняются вообще противоречия в развитии общества. Пренебрегать такими противоречиями, игнорировать их в политике нельзя. «Жизнь учит, — указывал Ю. В. Андропов, — что при подобном невнимании и противоречия, не являющиеся по своей природе неантагонистическими противоречиями, могут порождать серьезные коллизии» [3, с. 21]. Некоторые стороны проявления этих реально существующих противоречий выступают в роли факторов преступности в сфере отношений социалистической собственности. Эти факторы, преломляясь в сознании отдельных людей с учетом их личностных качеств и свойств и под воздействием конкретной жизненной ситуации, приводят к совершению конкретных общественно опасных деяний.

Список литературы: 1. Маркс., Энгельс Ф. Соч., т. 13. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33. 3. Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. — Коммунист, 1983, № 3, с. 9—23. 4. Аванесов Г. А. Криминологическая и социальная профилактика. — М.: Изд-во Академии МВД СССР, 1975.—517 с. 5. Аскин Я. Ф. К вопросу о категориях детерминизма. — В кн.: Современный детерминизм и наука. Новосибирск: Наука, 1975, с. 35—49. 6. Коробейников Б. В., Селиванов Н. А., Скворцов К. Ф. Изучение факторов, влияющих на изменение уровня и структуры преступности. — Сов. гос-во и право, 1982, № 1, с. 71—78. 7. Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. — М.: Наука, 1976.—284 с. 8. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. — М.: Наука, 1982.—258 с. 9. Паркин В. Ф. Социальный детерминизм как проблема развитого социализма. — М.: Наука, 1981.—208 с. 10. Парнюк М. А. Концепция детерминизма в диалектическом материализме. — В кн.: Современный детерминизм и наука. Новосибирск: Наука, 1975, с. 5—34. 11. Свечников Г. А. Проблема современной концепции причинности. — Там же, с. 159—164. 12. Правда.

Поступила в редколлегия 29.12.82.

**Н. И. П а н о в, канд. юрид. наук,
В. П. Т и х и й, канд. юрид. наук**

Харьков

**СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА, ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ,
БОЕПРИПАСОВ, ВЗРЫВЧАТЫХ И НАРКОТИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ**

Способ совершения преступления является обязательным признаком хищений путем кражи, грабежа, разбоя, мошенничества, присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением. В нормах УК (ст. 81—84, 86 УК УССР) содержится указание на тайный, открытый, насильственный способ (насилие, угроза

применения насилия), а также на обман, злоупотребление доверием. В литературе названные способы рассматривались преимущественно при анализе форм хищений. Общее же понятие способа хищений (в пределах общего понятия хищения) не разрабатывалось, что не могло не повлиять на глубину исследования и отдельных (конкретных) способов хищений, а также на выяснение их уголовно-правового значения.

Поэтому разработка понятия способа хищений, определение его наиболее существенных признаков, выяснение влияния способа на правильное применение уголовного закона имеют большое значение. Данное понятие важно также при анализе способов хищения огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ (ст. 223), а равно и хищения наркотических веществ (ст. 229² УК), которые, хотя и имеют особенности, обусловленные объектом и предметом этих преступлений, однако по своим основным и существенным признакам однотипны по способам хищений государственного или общественного имущества.

При решении указанных вопросов необходимо исходить из общего понятия способа совершения преступления как понятия родового. Под способом совершения преступления понимают определенный порядок, метод, последовательность движений и приемов, применяемых лицом при осуществлении преступного посягательства на охраняемые законом социалистические общественные отношения, сопряженных с избирательным использованием средств совершения преступления [3, с. 60—69; 6, с. 44]. Способ хищений, как и способ всякого преступления, выступает в роли признака, характеризующего качественное своеобразие, индивидуальные особенности общественно опасного, противоправного посягательства на отношения социалистической собственности и указывает, как, каким образом, в каких объективно-предметных условиях, с использованием каких сил и средств выполнено действие, образующее объективную сторону состава хищения, каков именно порядок и последовательность движений и приемов, примененных виновным для противоправного, безвозмездного обращения государственного или общественного имущества в свою или других лиц пользу.

Способ хищений имеет сложную структуру, что обусловлено прежде всего особенностями объекта и предмета этих преступлений. Так, хищения государственного или общественного имущества посягают на общественные экономические отношения социалистической собственности, выражающиеся в принадлежности материальных благ (имущества) государственным или общественным организациям, а также на принципы распределения материальных благ в социалистическом обществе. Нарушая эти отношения, лицо применяет такие приемы, методы и движения, посредством которых изымает, извлекает социалистическое имущество из фондов собственности государства или об-

ственных организаций, противоправно устанавливает над ним свое физическое господство в целях личного обогащения или обогащения других лиц. Исходя из этого способ хищений наиболее общим образом может быть определен как «изъятие» государственного или общественного имущества из фондов социалистической собственности. Данный способ имманентен всякому действию, образующему объективную сторону конкретных составов хищений: похищению государственного или общественного имущества при краже и грабеже, завладению таким имуществом при мошенничестве и разбое, хищению путем присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением, составляет содержание этих действий. Вместе с тем способ хищения не тождествен действию. Последнее шире по объему, указывает не только на объект, которому оно причиняет вред, но и на характер этого вреда, т. е. общественно опасные последствия, а также и на другие объективные и субъективные признаки преступления. Способ же — это образ действия при хищении, его объективная характеристика, указывающая на специфические черты действия, которыми оно отличается от смежных преступлений против социалистической собственности, например причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 87 УК), умышленного уничтожения или повреждения государственного или общественного имущества (ст. 89 УК) и др.

Изъятие государственного или общественного имущества как способ хищения выражается всегда в непосредственном воздействии на имущество как на предмет отношений собственности, вследствие чего это имущество выбывает из сферы общественных ценностей и поступает в пользу отдельных лиц. Изъятие, исходя из особенностей объективно-предметных условий его осуществления, может быть тайным либо открытым, что с учетом различной степени общественной опасности такого изъятия обусловило выделение тайного способа хищения при краже и открытого при грабеже. Здесь способ неотделим от самого действия, составляет с ним неразрывное единство и вместе с тем определяет специфический характер указанных форм хищений в целом.

Отметим, однако, что изъятие как непосредственное воздействие на государственное или общественное имущество отнюдь не исчерпывает содержание понятия «способ хищения», ибо хищение нередко сопряжено с воздействием и на субъектов отношений социалистической собственности — государственные или общественные организации, учреждения, предприятия (или на их представителей) либо на отдельных граждан. Являясь субъектами общественных отношений, граждане либо осуществляют по поручению собственника имущества его правомочия по владению, пользованию, распоряжению, хранению, оперативному управлению имуществом или охраняют его, или же выпол-

няют конституционную обязанность беречь и укреплять социалистическую собственность, бороться с хищениями и расточительством государственного и общественного имущества, бережно относиться к народному добру. Поэтому для обращения государственного имущества в свою или других лиц пользу виновный иногда прибегает к совершению насильственных действий в отношении этих граждан (насилие или угроза применения насилия — ч. 2 ст. 82, ст. 86 УК) или же применяет обман либо злоупотребляет их доверием (ст. 83 УК), без которых хищение в таких случаях объективно невозможно. Здесь насилие, угроза насилием, обман, злоупотребление доверием являются необходимым условием, приемом, операцией, «средством», обеспечивающим обращение государственного или общественного имущества из фондов социалистической собственности, т. е. выступают в качестве способа хищений, хотя при этом и не оказывают непосредственного воздействия на имущество.

Иногда хищение совершают лица, которым имущество в силу их должностного положения, договорных отношений или специального поручения было вверено государственными или общественными организациями или же находится в их ведении. Здесь между собственником имущества и соответствующими лицами устанавливаются и существуют специальные отношения доверия. Используя эти отношения вопреки интересам доверителя, т. е. собственника, виновный совершает хищение, которое может выразиться в присвоении, растрате, а также в хищении путем злоупотребления служебным положением (ст. 84 УК). Способом этих хищений является злоупотребление доверием.

Изложенное позволяет заключить, что способ хищения выражается прежде всего в изъятии государственного или общественного имущества. Изъятие лежит в основе любого действия, образующего объективную сторону всякого хищения, и указывает на черты сходства, общие для каждого из способов конкретных форм хищений. Кроме того, способ хищения образуют также насилие (физическое или психическое), обман, злоупотребление доверием, а также тайное и открытое похищение государственного или общественного имущества. Они обладают индивидуальными, отличительными признаками, которыми существенно различаются между собой, свидетельствуют об операционном своеобразии поведения виновного в процессе осуществления хищения. В единстве и сочетании они и составляют способ хищений. Причем, если изъятие позволяет относить определенный класс общественно опасных деяний по способу их совершения к хищениям, то открытый, тайный способ похищения, а также насилие, обман, злоупотребление доверием дают возможность дифференцировать все эти деяния (хищения) на

отдельные, отличающиеся между собой (прежде всего по способу их совершения) формы хищений.

Способ в составе хищения принадлежит действию и может различным образом соотноситься с ним. Иногда он является существенным признаком действия, образует внутренне присущее ему операционное своеобразие его исполнения, «скрыт» в нем, составляет его специфическое содержание (тайное, открытое похищение государственного или общественного имущества). В других же случаях способ выступает в виде «отдельного» действия — насилие, угроза применения насилия, обман, злоупотребление доверием, которые при соответствующих условиях могут рассматриваться как самостоятельные преступления, посягающие на присущий им объект уголовно-правовой охраны (ст. 100—102, 106, 107, 165, 190 УК и др.). Однако способ хищения в таких случаях представляет собой не нечто самостоятельное, отдельно стоящее от действия, образующего объективную сторону соответствующего хищения. Здесь действие, выступающее как способ хищения, включается в другое действие более высокого уровня в качестве обслуживающего его и, являясь приемом, необходимым условием осуществления последнего, находится с ним в неразрывном единстве. Причем способ в таком случае всегда выполняет функцию вспомогательного характера. Он «обеспечивает» исполнение, осуществление «основного» действия, составляющего объективную сторону хищения, находится с ним в необходимой причинной связи. Как действие «вспомогательного» характера способ хищения по общему правилу совпадает с «основным» действием во времени и пространстве, составляет с ним органическое единство. Их сочетание образует единый акт общественно опасного поведения — «сложное» действие, посягающее в итоге на отношения социалистической собственности.

В пределах сложного действия основное и вспомогательное действия объединены объектом и целью хищения. Известно, что грабеж, соединенный с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия (ч. 2 ст. 82 УК), разбой с целью хищения (ст. 86 УК) помимо отношений социалистической собственности посягают и на дополнительный объект этих преступлений — здоровье человека. Точно так же хищение путем злоупотребления служебным положением (ст. 84 УК) нарушает не только отношения государственной или общественной собственности, но и нормальную деятельность советского государственного или общественного аппарата. Причинение (либо угроза причинения) в указанных случаях действиями вспомогательного характера, выступающими в качестве способа хищений (насилие, угроза применения насилия, злоупотребление служебным положением), вреда дополнительным объектам уже ставит в непосредственную опасность нарушения и основной объект, т. е. отношения

социалистической собственности, и является необходимым этапом в процессе посягательства на этот основной объект, который в конечном счете определяет социально-политическую сущность и юридическую природу соответствующих преступлений. Отметим также, что и цели действий вспомогательного характера (способа хищений) не имеют в пределах сложного действия самостоятельного значения. Они выполняют функцию промежуточных (частных) целей, выполнение которых является только условием достижения конечной цели при хищении — противоправного, безвозмездного обращения государственного или общественного имущества в пользу отдельных лиц.

Так как в составе хищения способ принадлежит непосредственно действию, является его качественной характеристикой, то о способе хищения можно вести речь лишь применительно к стадии исполнения хищения, когда лицо своими действиями выполняет объективную сторону соответствующего состава хищения. Поэтому нельзя согласиться с теми, кто в содержание способа хищения включает и действия по подготовке и сокрытию хищения [1, с. 28—32; 4, с. 165]. Приготовление к хищению, как известно, еще не ставит отношения социалистической собственности в непосредственную опасность нарушения, а лишь создает для этого соответствующие условия. Приготовительные действия не являются элементом объективной стороны состава хищения. При каких бы то ни было подготовительных действиях еще не осуществляется действие, непосредственно приводящее к обращению государственного или общественного имущества в пользу отдельных лиц, т. е. виновный еще не начинает совершать действия, составляющего объективную сторону хищения. Поэтому действия, создающие условия для осуществления хищения, например подлог документов, приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов, совершенные с целью хищения, не могут быть отнесены к способу хищений в строгом смысле этого слова. Они еще не ставят социалистическую собственность в непосредственную опасность причинения вреда, не совпадают с хищением во времени и пространстве, хотя и объединены с ним общностью цели. Ввиду того что подлог документов и приписки предусмотрены в УК в качестве самостоятельных преступлений (ст. 172, ч. 1 ст. 194, 147¹ УК), посягают на самостоятельный, присущий им объект уголовно-правовой охраны и не являются обязательным признаком соответствующих составов хищений, необходимо прийти к выводу о наличии в данном случае реальной совокупности преступлений. Из этого исходит и Пленум Верховного Суда СССР в разъяснениях о квалификации хищений, сопряженных с подлогом документов, а также приписками и другими искажениями отчетности о выполнении планов, которые выступают специальным видом служебного подлога [7, с. 156, 212]. Поэтому необоснованным представляется утверждение о необходимости квалифицировать

хищение путем злоупотребления служебным положением, сопряженное с подлогом документов, только по ст. 84 УК без применения ст. 172 УК.

Нельзя также признать, что действия, направленные на сокрытие хищения, являются составной частью способа совершения данного преступления. Безотносительно к тому, совершены ли такие действия после окончания хищения либо при его осуществлении, они не входят в объективную сторону этого преступления и не могут рассматриваться как составные элементы способа совершения преступления.

Способ хищений во многом определяет фактические признаки этих преступлений, а также характер и степень их общественной опасности. В частности, способ уточняет, конкретизирует действие, образующее объективную сторону соответствующих хищений, обеспечивает закрепление в нормах УК в обобщенном виде лишь единичную форму (вариант, вид) преступного посягательства на отношения социалистической собственности. Способ придает хищениям качественную определенность, индивидуализирует их, вследствие чего каждое из хищений является данным, а не иным, обладает устойчивыми индивидуальными признаками, которыми отличается от других хищений и иных смежных преступлений. Тем самым способ позволяет в самом законе конкретизировать хищение, точно определять его пределы, сформулировать точные составы хищений с четко определенными признаками, что является важным условием правильной квалификации этих преступлений.

Далее, способ существенно влияет на общественную опасность хищений. Так, открытый способ хищения объективно представляет бóльшую общественную опасность, чем тайное похищение, что отражается в наказании — за хищение путем грабежа предусмотрено более строгое наказание, чем за кражу. Еще более отличаются по степени общественной опасности хищения, совершаемые путем применения насилия (насильственный грабеж, разбой), от хищений, не сопряженных с насилием (кража, мошенничество и др.). Различаются также по степени общественной опасности и, соответственно, наказуемости хищения, совершаемые путем присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением, от кражи и мошенничества, разбой от насильственного грабежа. Указанное различие хищений позволяет, в частности, дифференцировать в УК ответственность за эти однородные преступления в зависимости от способа их совершения путем выделения форм хищения. Здесь же укажем, что проникновение в помещение или иное хранилище при краже, грабеже, разбое существенно повышает общественную опасность этих хищений, в связи с чем указанный способ выделен законодателем в качестве квалифицирующего обстоятельства в ч. 3 ст. 81, ч. 3 ст. 82, ч. 2 ст. 86 УК.

Способ лежит в основе выделения форм хищений (кража, грабеж, мошенничество, присвоение, растрата, хищение путем злоупотребления служебным положением, разбой с целью хищения), которые различаются как по фактическим признакам, так и по степени их общественной опасности. Поэтому он является обязательным признаком этих преступлений и его установление необходимо в каждом конкретном случае при решении вопроса об уголовной ответственности за хищение. Перечень форм хищений государственного или общественного имущества (как и способов их совершения), указанных в законе, исчерпывающий и расширительному толкованию не подлежит [2, с. 89—98; 5, с. 37—41, 51—53].

Отметим применительно к хищениям огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых, наркотических веществ (ч. 1 ст. 223, ч. 1 ст. 229² УК), что в отличие от хищений государственного или общественного имущества ответственность за эти преступления в законе не дифференцирована в зависимости от форм и способов их совершения. Такое решение обусловлено прежде всего объектами этих преступлений, которыми выступают соответственно общественная безопасность и народное здоровье. В данном случае более важно не то, каким способом осуществлено хищение, а то, что виновный своими противоправными действиями обращает в свою или других лиц пользу указанные предметы, вследствие чего они выбывают из сферы социального контроля. Исчерпывающий перечень форм и способов хищения социалистического имущества и определение их законом в ст. 81—84, ст. 86 УК о хищениях государственного и общественного имущества позволили законодателю при обрисовке простых составов хищений огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых и наркотических веществ не указывать на их формы и способы. В то же время санкции ч. 1 ст. 223, ч. 1 ст. 229² УК построены таким образом, что при назначении наказания дают возможность суду учитывать характер и степень общественной опасности этих хищений с учетом форм и способов их совершения. Вместе с тем наиболее опасные формы и способы данных хищений специально выделены законодателем в качестве отягчающих обстоятельств и образуют квалифицированные составы — хищение огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ путем разбойного нападения (ч. 2 ст. 223 УК), хищение наркотических веществ с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, или лицом, которому указанные вещества были вверены в связи с его служебным положением или под охрану (ч. 2 ст. 229² УК), а также хищение таких веществ путем разбойного нападения (ч. 3 ст. 229² УК).

Как обязательный признак составов хищений, способ выполняет функцию ограничения пределов хищений и тем самым пределов уголовной ответственности за эти преступления. Иначе говоря, от способа совершения преступления во многом зави-

сит решение вопроса о том, относится ли данное общественно опасное деяние к классу хищений или нет. В этой связи выяснение способа важно также при квалификации тех хищений, ответственность за которые установлена прежде всего с учетом размера похищенного — мелкое хищение (ст. 85 УК), хищение в особо крупном размере (ст. 86¹ УК). Игнорирование способа при квалификации указанных хищений может привести к признанию хищениями тех деяний, которые таковыми не являются. Поэтому неубедительно утверждение, что для названных хищений способ обращения государственного или общественного имущества в пользу отдельных лиц имеет второстепенное значение и на квалификацию деяния по общему правилу не влияет [2, с. 90]. Отметим, что анализ способа важен и при квалификации хищений огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых и наркотических веществ. Его выяснение позволяет установить пределы самого действия, образующего объективную сторону данных хищений. При этом необходимо исходить из тех же способов и форм, которые характерны для хищений государственного или общественного имущества. Объясняется это тем, что способы и формы хищения огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых и наркотических веществ и хищения государственного или общественного имущества в целом совпадают. Поэтому для наличия составов преступлений, предусмотренных ст. 223, ст. 229² УК, необходимо установить, что они выполнены способами и в формах, закрепленных в ст. 81—84, 86 УК.

Список литературы: 1. *Зуйков Г. Г.* К вопросу об уголовно-правовом понятии и значении способа совершения преступления. — Тр. МВД СССР, 1975, вып. 24, с. 24—45. 2. *Кригер Г. А.* Квалификация хищений социалистического имущества. — М.: Юрид. лит., 1974. — 336 с. 3. *Кудрявцев В. Н.* Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение. — Сов. гос-во и право, 1957, № 8, с. 60—69. 4. *Куранова Э. Д.* Об основных положениях методики расследования отдельных видов преступлений. — Вопр. криминалистики, 1962, № 6—7, с. 152—166. 5. *Матышевский П. С.* Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в Украинской ССР. — К.: Изд-во Киев. ун-та, 1972. — 202 с. 6. *Панов Н. И.* Способ совершения преступления и уголовная ответственность. — Харьков: Вища школа, 1982. — 161 с. 7. *Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977.* — М.: Известия, 1978. — Ч. 2. 528 с.

Поступила в редколлегию 17.01.83.

**В. А. Ломако, канд. юрид. наук,
А. А. Пинаев, канд. юрид. наук**

Харьков

ПРИМЕНЕНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ НАКАЗАНИЙ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ

Практика показывает, что в отношении лиц, совершивших хищения государственного или общественного имущества, суды

нередко применяют ст. 25¹ и 45 УК УССР. Это объясняется тем, что в динамике данных посягательств на социалистическую собственность немало преступлений не представляет повышенной общественной опасности (ч. 1 ст. 81—84, ст. 85), и лица, их совершившие, не требуют применения реальных мер наказания. Действующие же законодательные нормы об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением к труду (ст. 25¹ УК) и условном осуждении (ст. 45 УК) позволяют достаточно эффективно добиваться исправления и перевоспитания таких лиц без изоляции от общества.

При любом из названных видов условного осуждения сам процесс привлечения к уголовной ответственности, угроза реального исполнения назначенного судом наказания, контроль и надзор за поведением со стороны соответствующих органов, положительное влияние коллектива способствуют исправлению и перевоспитанию осужденных и достижению превентивных целей [2, с. 76—83]. Поэтому вполне оправдано применение данных норм к тем лицам, которые совершили хищение впервые, менее опасным способом, не в крупных или особо крупных размерах и др. Прав Г. А. Кригер, который пишет, что «условное осуждение не может быть применено к исполнителям и активным участникам крупных и особо крупных хищений, особо опасным рецидивистам и злостным расхитителям, совершавшим систематические хищения в значительных размерах, ранее судимым за хищения и вновь совершившим это преступление» [1, с. 336].

Специфика хищений указывает и на необходимость применения в ряде случаев к лицам, осуждаемым за них, таких дополнительных наказаний, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, конфискация имущества и штраф.

В соответствии с законом лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может назначаться в качестве дополнительного наказания при любом виде условного осуждения. Не касаясь вопросов эффективности данного наказания в целом, заметим, что его применение к лицам, совершившим хищение путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением (ст. 84 УК), весьма целесообразно.

Изучение практики свидетельствует о значительном рецидиве хищений, в том числе при осуждении по ст. 84 УК. Объясняется это достаточно высоким и устойчивым уровнем паразитических устремлений, присущих значительной части расхитителей. Для таких лиц необходимо создавать такие условия, чтобы совершение ими хищений было исключено или существенно затруднено на протяжении длительного времени. Известно, что уже сама невозможность совершать хищения «атрофирует» корысть, являющуюся побудительной причиной данных посягательств [3, с. 143—155]. Применение же в этот период к осуж-

денным иных принудительных и воспитательных мер позволяет добиться полного подавления в их психике паразитических устремлений. Отметим, что должностные или материально-ответственные лица, которые могут быть субъектами хищений путем присвоения, растраты и злоупотребления служебным положением, как правило, не становятся на путь совершения хищений в иных формах (путем краж, грабежей и др.). Поэтому назначение таким лицам при условном осуждении дополнительного наказания в виде лишения права занимать должности или заниматься деятельностью, используя которые они совершили хищение, вполне обоснованно. Не вызывает сомнения, например, правильность приговора народного суда Коминтерновского района г. Харькова по делу Р., который, будучи экспедитором, совершил ряд хищений вверенных ему ценностей. На момент осуждения Р. работал уже шофером. Однако суд, применяя к нему условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду, счел необходимым определить дополнительное наказание в виде трех лет лишения права занимать должности, связанные с обслуживанием товарно-материальных ценностей (Архив за 1979 г.).

В пользу таких решений можно привести еще ряд соображений. Известно, что наличие судимости за хищение не позволяет лицу после отбытия наказания занимать такие должности или заниматься такой деятельностью, при которых оно получило бы возможность вновь совершить подобное преступление. Лица, осужденные к лишению свободы условно с обязательным привлечением к труду, считаются несудимыми с момента истечения назначенного судом срока лишения свободы (п. 3¹ ч. 1 ст. 55 УК). Поэтому если само условное осуждение любого вида не возымело должного действия и лицо не исправилось, то оно может поступить на соответствующую работу (поскольку по закону считается несудимым), что увеличивает опасность рецидива хищения. Наличие же указанного дополнительного наказания его практически исключает.

Далее, само условное осуждение, особенно предусмотренное ст. 45 УК, определенным кругом лиц воспринимается как прощение совершенного преступления. Поэтому неприменение такого дополнительного наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, в ряде случаев ослабляет общепреventивное значение условного осуждения.

Наконец, нередко должностные лица, ставшие на путь хищений, уже по роду своей деятельности не могут в дальнейшем занимать подобные должности, хотя, возможно, применять к ним реальное лишение свободы нецелесообразно. Правильно, например, поступил народный суд Каховского района Херсонской области, который, осуждая мастеров производственного обучения СПТУ № 11 М. и Р. за совершенные хищения к лишению

свободы условно с обязательным привлечением к труду, дополнительно запретил им на определенный срок в течение трех лет занимать должности, связанные с воспитанием молодежи (Архив за 1982 г.). В подобных случаях применение к условно осужденному в качестве дополнительного наказания лишения права занимать соответствующие должности также будет играть значительную исправительную и предупредительную роль. Не вызывает возражений сделанный В. И. Тютюгиным вывод о том, что «лишение права занимать определенные должности обладает довольно существенными карательными свойствами, которые служат целям исправления и перевоспитания осужденных, общего и специального предупреждения преступлений» [5, с. 9].

Специфическая задача в борьбе с хищениями принадлежит и таким дополнительным наказаниям, которые могут назначаться при условном осуждении, как конфискация имущества и штраф. Не повторяя известных соображений о высокой эффективности указанных наказаний, отметим, что в искоренении хищений, как, впрочем, и других корыстных преступлений, им принадлежит особая роль [1, с. 342].

Значительной части расхитителей свойствен высокий и устойчивый уровень устремлений, направленных на паразитическое существование. Это значит, что для их исправления и перевоспитания, как и для достижения превентивных целей, необходимо в первую очередь подавить в психике виновного именно эти устремления. И одним из способов такого подавления является создание сдерживающего контрмотива, каковым и может быть сознание лицом того, что само хищение принесет значительно меньше материальных благ по сравнению с возможной их потерей при конфискации имущества.

По действующему закону конфискация имущества в соответствии со ст. 35 УК возможна лишь при условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением к труду. При условном же осуждении в порядке ст. 45 УК такая конфискация недопустима. И это обуславливается не только тем, что первый вид условного осуждения (ст. 25¹ УК) применяется к сравнительно более опасным случаям хищений. Позиция закона в значительной мере может быть объяснена также тем, что при этом виде условного осуждения лицо направляется в места, определяемые органами, ведающими исполнением приговора. Здесь осужденные обеспечиваются жильем и всем необходимым, получают заработную плату, что создает условия для нормального проживания и без того имущества, которое по приговору суда было конфисковано. При условном осуждении, предусмотренном ст. 45 УК, лицо продолжает проживать по прежнему месту жительства. Поэтому конфискация имущества, особенно полная конфискация, могла бы поставить осужденного в тяжелое материальное положение и даже стать причиной рецидива хищений.

Однако запрет закона применять конфискацию имущества в соответствии со ст. 35 УК к осуждаемым условно в порядке ст. 45 УК не исключает возможности назначения специальной конфискации.

В общей форме вопрос о специальной конфискации решен в ст. 81 УПК УССР. В ней, в частности, указано, что деньги, ценности и иные предметы, нажитые преступным путем, передаются в доход государства, а принадлежащие виновному орудия преступления конфискуются. Поэтому, например, автомобили, мотоциклы и иные транспортные средства, принадлежащие лицам, привлеченным к уголовной ответственности за хищения, в случаях, когда они использовались в процессе изъятия и обращения имущества в личную пользу и признаны орудием совершения преступления, подлежат конфискации.

Причем при любом виде условного осуждения специальная конфискация должна применяться независимо от того, указана она в качестве основного или дополнительного наказания в санкции соответствующей статьи УК или нет. К сожалению, суды прибегают к специальной конфискации лишь при осуждении к реальному наказанию или условному осуждению к лишению свободы с обязательным привлечением к труду. При условном же осуждении в порядке ст. 45 УК такая конфискация практически не применяется. Подобное положение не только является нарушением закона и неоднократных указаний вышестоящих судебных инстанций, но и объективно ведет к ослаблению борьбы с хищениями. Отмеченный недостаток мог бы быть устранен путем введения в уголовное законодательство специальной конфискации с предоставлением судам права ее применения исходя из обстоятельств конкретного дела, как это сделано в ст. 33 УК ЭССР.

Не менее эффективным по делам о хищениях было бы сочетание любого вида условного осуждения с дополнительным наказанием в виде штрафа. Тем не менее, несмотря на положительное решение вопроса о возможности применения штрафа при условном осуждении, он не может быть назначен как дополнительное наказание за хищения, поскольку не предусмотрен в качестве такового в ст. 81—86¹ УК. Это прямо вытекает из смысла ст. 32 УК, где говорится, что штраф налагается «судом в случаях и пределах, установленных законом». И хотя в литературе высказывалось мнение, что в качестве дополнительной меры наказания штраф может быть назначен в любом случае, когда суд найдет нужным усилить меру наказания за счет дополнительного денежного взыскания [34, с. 249], судебная практика по этому пути не идет.

Однако такое положение закона едва ли можно признать удовлетворительным, тем более, что штраф в качестве дополнительного наказания указан лишь в двух статьях УК (163¹ и 201). Невозможность назначения штрафа по делам о преступ-

лениях, за совершение которых он в виде дополнительного наказания в санкциях не указан, фактически исключает возможность реализации в этой части предписаний ст. 25¹ и 45 УК. В то же время применение штрафа за хищения, впрочем, как и за иные корыстные преступления, при условном осуждении целесообразно. Ведь он для многих лиц был бы именно тем сдерживающим фактором, который нейтрализует корыстные побуждения и решимость совершить хищение, а в случае его совершения — убедительным подтверждением материальной невыгоды и даже ущерба для преступника.

Отметим, что применение штрафа приобретает особое значение при условном осуждении в порядке ст. 45 УК, поскольку здесь закон исключает возможность конфискации имущества по основаниям, изложенным в ст. 35 УК. Имел бы он значение и при условном осуждении в порядке ст. 25¹ УК в тех случаях, когда виновный привлекается к ответственности за хищение по такой норме, в санкции которой конфискация имущества в виде дополнительного наказания не предусмотрена.

Сказанное говорит о целесообразности дополнения ст. 27 Основ и соответствующих статей УК союзных республик указанием на то, что штраф в установленных законом размерах может применяться в качестве дополнительного наказания за любое совершенное по корыстным мотивам преступление, за исключением случаев, когда он назначается судом в качестве основного наказания.

В качестве дополнительных наказаний, назначаемых за хищения, штраф или конфискация имущества могут сочетаться с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. По этому пути нередко идет и судебная практика. Так, осуждая Т. за хищение вверенных ему материальных ценностей, народный суд Коминтерновского района г. Харькова в виде дополнительных наказаний к лишению свободы назначил ему лишение права занимать в течение двух лет должности, связанные с обслуживанием материальных ценностей, и конфискацию всего личного имущества (Архив за 1977 г.).

Список литературы: 1. Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества. — М.: Юрид. лит., 1971. — 360 с. 2. Ломако В. А. Цели наказания и особенности их обеспечения при условном осуждении. — Проблемы социалистической законности, 1976, вып. 1, с. 76—83. 3. Пинаев А. А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. — Харьков: Вища школа, 1975. — 189 с. 4. Советское уголовное право. Часть общая. — М.: Юрид. лит., 1964. — 482 с. Тютюгин В. И. Назначение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. — Харьков, 1976. — 38 с.

Поступила в редколлегию 14.01.83.

**ХИЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА
И ХИЩЕНИЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ, БОЕПРИПАСОВ, ВЗРЫВЧАТЫХ
И НАРКОТИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ (РАЗГРАНИЧЕНИЕ СОСТАВОВ)**

Наряду с ответственностью за хищение государственного и общественного имущества действующее законодательство предусматривает ответственность за хищение огнестрельного оружия (кроме гладкоствольного охотничьего), боеприпасов, взрывчатых и наркотических веществ. Ст. 223 и 229² УК УССР помещены не в главе о посягательствах на социалистическую собственность, а в главе X Особенной части УК «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и народного здоровья».

Хищения огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых и наркотических веществ существенно отличаются от хищений государственного и общественного имущества по целому ряду признаков и представляют собой самостоятельные деликты. Прежде всего различие проходит по объекту и предмету посягательства. Уголовная ответственность за хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых и наркотических веществ обусловлена их посягательством не на собственность, что всегда имеет место при хищении имущества, а на другие общественные отношения. Экономическая ценность этих предметов, как правило, невелика, нередко ничтожна. Поэтому их хищение далеко не всегда причиняет ущерб собственности. И если бы потребовалось квалифицировать подобные действия по статьям о преступлениях против социалистической собственности, то в ряде случаев нельзя было бы говорить даже о мелком хищении и пришлось бы применять ч. 2 ст. 7 УК. Посягательство на собственность отсутствует и тогда, когда указанные предметы похищаются у лиц, незаконно изготовивших или незаконно их хранивших после такого изготовления. Государство не признает за этими лицами права собственности на данные предметы и в то же время последние не являются ни социалистической, ни личной собственностью. Следовательно, собственность не всегда терпит ущерб. Если же этим отношениям причиняется вред, собственность выступает в качестве факультативного непосредственного объекта. Однако очевидно, что при прочих равных условиях хищение таких предметов, сопряженное с причинением вреда собственности, всегда опаснее, чем то же преступление, не связанное с посягательством на собственность. Поэтому хищение огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ в крупном или особо крупном размере следует всегда квалифицировать по совокупности преступлений, т. е. по ст. 223 УК и соответствующей статье об ответственности за хищение соци-

алистического имущества в крупных или особо крупных размерах. Хищение наркотических веществ в особо крупном размере также должно влечь ответственность по совокупности преступлений, т. е. по ч. 3 ст. 229² и ст. 86¹ УК. Именно такой квалификацией дается полная юридическая и социально-политическая оценка содеянному. Речь здесь, конечно, идет о квалификации хищения данных предметов, являющихся социалистическим имуществом или хотя и личным имуществом, но находящимся на ответственном хранении у социалистических организаций. Хищение же оружия, боеприпасов, взрывчатых и наркотических веществ у граждан, как их личного имущества, независимо от стоимости, должно квалифицироваться соответственно по ст. 223 или ст. 229² УК.

Уголовная ответственность за хищение огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ установлена для предотвращения возможности их попадания в руки преступных элементов и применения их в преступных целях, для того чтобы исключить неосторожные преступления и несчастные случаи, сопряженные с данными предметами, гарантировать их использование по назначению и лишь в общественно полезных целях. Уголовная ответственность за хищение наркотических веществ обеспечивает их применение по целевому назначению как лекарственных средств и предотвращает тем самым их использование во вред народному здоровью [1, с. 3—4].

Как правильно отметил П. С. Матышевский, при установлении уголовной ответственности за хищение таких предметов законодатель специально поставил под усиленную защиту не столько материальную ценность самих предметов, сколько определенные их свойства [2, с. 305].

Таким образом, в отличие от хищения государственного и общественного имущества объектом хищения огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ является общественная безопасность, а объектом хищения наркотических веществ — народное здоровье.

Хищения рассматриваемых предметов существенно отличаются от хищения имущества и по объективной стороне. Хотя законодатель в главе II Особенной части и ст. 223, 229² УК пользуется одним и тем же термином «хищение», содержание его различно. Огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывчатые и наркотические вещества являются не только собственностью государства, социалистических организаций, но и отдельных граждан, а также могут находиться в их неправомерном владении. Однако ни действующее законодательство, ни теория и практика не пользуются общим понятием хищения личного имущества граждан, отдельно говоря лишь о краже, грабеже, разбое, мошенничестве. Понятие же хищения, сконструированное применительно к посягательствам на социалистическую собственность, к преступлениям против личной собственности не

употребляется. Вместе с тем объективная сторона хищения оружия, боеприпасов, взрывчатых и наркотических веществ охватывает изъятие и завладение ими, когда они не являются социалистическим имуществом, а принадлежат отдельным гражданам. Это обусловлено тем, что формы хищения данных предметов у отдельных граждан — кража, грабеж, разбой и мошенничество — ничем не отличаются от тех же форм, когда названные предметы похищаются у социалистических организаций. Отсюда следует важный вывод о том, что с объективной стороны преступления, указанные в ст. 223, 229² УК, охватывают обращение опасных предметов не только из собственности социалистических организаций, но также из собственности или незаконного владения отдельных граждан. Именно так решает данный вопрос Пленум Верховного Суда СССР в постановлениях о судебной практике по делам о преступном обращении с оружием, боеприпасами, взрывчатыми и наркотическими веществами [4, с. 279, 293].

Характер объекта и предмета этих преступлений определяет и другое их отличие от хищений социалистического имущества и преступлений против личной собственности граждан. Эти посягательства, как известно, всегда связаны с причинением материального ущерба государству, общественным организациям или отдельным гражданам. При хищении же рассматриваемых предметов материальный ущерб большей частью отсутствует или является незначительным. Далее, хищение таких предметов, как правило, безвозмездно. Однако даже возмездное их обращение в свою или других лиц пользу следует квалифицировать по ст. 223 или 229² УК. Огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывчатые и наркотические вещества изъятые или ограничены в обороте, их хищение всегда посягает соответственно на общественную безопасность или народное здоровье. Поэтому даже при отсутствии вреда собственности, в частности при возмездности, свидетельствующей об этом, действия виновных охватываются ст. 223, 229² УК. Возмездность при таких хищениях возможна, например, в случаях самовольного обмена непригодного оружия на пригодное, уплаты стоимости наркотиков и т. п.

Наконец, хищение огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых и наркотических веществ отличается от хищения имущества и по субъективной стороне. Хищение названных предметов может совершаться в силу различных мотивов и преследовать различные цели. Поэтому указанные преступления не могут быть отнесены к числу корыстных посягательств и по этим признакам они существенно отличаются от хищения социалистического и похищений личного имущества, которые, как известно, могут совершаться лишь при наличии корыстного мотива и корыстной цели.

Следует также иметь в виду, что хищение, предусмотренное ст. 223 УК, охватывает и те случаи, когда виновный изымает из чужого владения оружие, боеприпасы или взрывчатые вещества на время. Поступление здесь оружия в неправомерное владение лица позволяет распоряжаться им по своему усмотрению. Виновный или другие лица имеют возможность владеть, пользоваться и распоряжаться оружием, могут с его помощью совершить преступление. При обращении с ним может быть совершено неосторожное преступление или произойти несчастный случай. Изложенное позволяет заключить, что временное позаимствование оружия также посягает на общественную безопасность, создавая угрозу причинения ей вреда. Поэтому подобные действия и влекут ответственность по ст. 223 УК. Именно такое решение вытекает из постановления Пленума Верховного Суда СССР по данной категории дел, в котором сказано, что под хищением оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ следует понимать противоправное завладение ими любым способом с намерением виновного присвоить похищенное либо передать его другому лицу, а равно распорядиться им по своему усмотрению иным образом, когда это создавало угрозу общественной безопасности [4, с. 278—279]. Таким образом, если временное позаимствование социалистического имущества не может рассматриваться как его хищение, то такие же действия в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ образуют преступление, предусмотренное ст. 223 УК, т. е. хищение этих предметов.

Анализ составов преступлений, указанных в ст. 223 и 229² УК, дает основание сделать вывод о том, что понятия хищения огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых и наркотических веществ, на первый взгляд, тождественны тому понятию хищения, которым пользуется законодатель в главе II Особенной части УК, но в действительности же по своим объективным и субъективным признакам не совпадают с ним. Отсюда следует, что в ст. 223 и 229² УК предусмотрены самостоятельные деликты, деликты особого рода. Поэтому необоснованно мнение, согласно которому, хищение огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых и наркотических веществ является специальным видом хищения социалистического имущества [3, с. 206]. Возможно, есть основания говорить, что эти деликты выделались, так сказать, отпочковались, от хищений социалистического имущества. Но они так существенно от них отличаются, что не могут рассматриваться как специальные их виды.

Список литературы: 1. Дружинин И. Н. Ответственность за хищение наркотических веществ по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Харьков, 1980. — 16 с. 2. Матышевский П. С. Ответственность за посягательства на социалистическую собственность по советскому уголовному праву: Дис. ... д-ра юрид. наук. — Киев, 1970. Машинопись. 3. Фролов Е. А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления. —

Поступила в редколлегию 14.01.83.

Э. С. Тенчов, канд. юрид. наук

Иваново

РАЗМЕР ХИЩЕНИЙ И ОБЪЕКТИВНЫЕ КРИТЕРИИ ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Размер хищений служит важнейшим показателем уровня их общественной опасности. В связи с этим в уголовном законе выделяются, а на практике получают различную квалификацию четыре вида хищений: мелкое (ст. 85 УК УССР), в значительных (ч. 1, 2 ст. 82—84, ч. 1 ст. 86 УК), крупных (ч. 3 ст. 81—84, ч. 2 ст. 86 УК) и особо крупных (ст. 86¹ УК) размерах. Дальнейшая градация размера хищения в пределах, свойственных его отдельным видам, обуславливает степень общественной опасности преступных деяний и хотя и не влияет на их юридическую оценку, но в силу ст. 39 УК имеет существенное значение для индивидуализации наказания.

В теории и судебно-следственной практике размер хищений обычно определяется величиной положительного имущественного вреда, наносимого государству или общественным организациям, и адекватного ему незаконного обогащения отдельных лиц, разумеется, если такие последствия охватываются умыслом субъекта. Ряд советских криминалистов считает объективным мерилom указанной величины исключительно стоимость похищаемого социалистического имущества [5, с. 17; 8, с. 110; 13, с. 125—140]. Это полностью соответствует обоснованному К. Марксом принципиальному положению о том, что мерой содержания преступлений против собственности является именно стоимость [1, т. 1, с. 124]. Однако в литературе отстаивается и другое мнение, согласно которому стоимость материальных ценностей выступает важным (и даже основным), но не единственным критерием определения размеров хищений. При разграничении смежных видов хищения наряду с нею рекомендуется принимать во внимание в качестве дополнительных критериев потребительские свойства, значимость похищаемого имущества и его количество в натуральных единицах измерения [4, с. 65—66; 10, с. 144—147; 12, с. 63—68]. Аналогичной позиции придерживается Пленум Верховного Суда СССР, который в п. 17 постановления от 11 июля 1972 г. по данной категории дел разъяснил, что «при решении вопроса о том, является ли хищение мелким или значительным, следует учитывать не только стоимость, но и размер похищенного в натуральном виде (вес,

количество предметов и т. д.), а также значимость похищенного для народного хозяйства» [16, с. 159].

Между тем социально-экономическая категория стоимости, охватывающая овеществленный в материальных ценностях общественно необходимый труд людей, есть, как писал К. Маркс, «гражданское бытие собственности», в котором она «впервые приобретает общественный смысл и способность передаваться от одного к другому» [1, т. 1, с. 124]. Представляя собой понятие высокого уровня абстракции, эта категория не может быть поставлена в один ряд с такими более конкретными явлениями, как потребительские свойства и количество товарных единиц. Вместе с тем следовательно и суд не имеют возможности непосредственно воспринимать стоимость, ибо она воплощает совокупные затраты общества на производство всей массы соответствующего вида имущества, приобретающего товарный характер. В реальной жизни о стоимости конкретных предметов, профильтрованных человеческим трудом, мы можем судить по их цене, которая есть только форма, денежное выражение стоимости.

Пленум Верховного Суда СССР в п. 22 названного постановления разъяснил, что при определении стоимости похищаемого социалистического имущества следственные и судебные органы должны исходить из его розничной цены, а при ее отсутствии руководствоваться порядком исчисления цен, установленным указаниями Государственного комитета СССР по ценам № 660 от 28 декабря 1976 г. [16, с. 160—161]. Но для того чтобы установить цену похищенных материальных ценностей, прежде всего нужно определить их социальную значимость, качество, потребительские свойства. Лишь после этого на основе действующих прейскурантов можно выяснить существующую цену на единицу указанного имущества. Затем следует точно определить натуральную величину данного имущества в единицах измерения, принятых при ценообразовании (в штуках, килограммах, кубометрах и т. п.). Только это позволит подсчитать общую стоимость похищенных материальных ценностей.

Таким образом, при установлении размера хищения, определяемого стоимостью похищенного социалистического имущества, необходимо в каждом случае использовать три критерия — экономический (цена), качественный (назначение материальных ценностей) и количественный (их натуральные размеры).

Принципиальное решение вопроса о размежевании видов хищений, определении характера их общественной опасности зависит от правильного установления стоимостных пределов, характерных для каждого из этих видов. В литературе преобладает мнение о том, что термины «мелкий», «крупный», «особо крупный» в законодательном описании видов хищений относятся к числу так называемых оценочных понятий, содержание которых определяется не законом или подзаконным актом,

а раскрывается следователем и судом на основе конкретных обстоятельств дела и с учетом критериев, разрабатываемых в теории и судебной практике [11, с. 104—105]. Действительно, в науке и практике последних двух десятилетий достаточно четко сложились стоимостные границы отдельных видов хищений. Хищение принято называть мелким, если стоимость похищаемых ценностей не превышает 50 р., небольшим — при их стоимости до 100 р., крупным или особо крупным — если достигает или превышает соответственно 2500 или 10 000 р.

Ряд специалистов высказывается за установление непосредственно в уголовном законе стоимостных границ отдельных видов хищения, исходя из того, что формальная определенность понятий как раз характерна для уголовного права и обеспечивает равенство граждан перед законом [3, с. 66; 7, с. 53].

Но для обеспечения равного подхода и единообразного понимания анализируемых понятий следователями и судьями во все не обязательно фиксировать стоимостные пределы видов хищения непосредственно в нормах уголовного закона. Законодатель пошел по иному пути. Он дает следственным и судебным органам толкование терминов, обозначающих размер хищения, и прямо приводит указанные выше цифровые лимиты в специальных актах, издаваемых в связи с провозглашением амнистий или внесением изменений в УК [14, с. 110—111; 6, с. 90; 9, с. 59]. Уже опубликован акт аутентического толкования, определяющий максимальный стоимостный предел мелкого хищения [15].

Итак, следственной и судебной практикой принимаются во внимание сформулированные законодателем, хотя и в различных актах, стоимостные пределы, позволяющие на основе экономического, качественного и количественного критериев установить принадлежность хищения к определенному виду и дать ему надлежащую уголовно-правовую оценку. В принципе эти указания известны правоприменительным органам, но в интересах укрепления законности целесообразно объединить акты аутентического толкования, предусматривающие размер хищений государственного или общественного имущества, в единый нормативный акт.

Не вызывает сомнений, что если исчисленная с помощью трех критериев стоимость похищенного достигает или превышает минимальные пределы, свойственные тому или иному виду хищения, например крупному, то такая ее величина, охватываемая умыслом субъекта, обуславливает и квалификацию содеянного лицом как хищения данного вида. Но встречаются случаи, когда определенная по существующим ценам стоимость похищенных товаров не достигает минимального предела, характерного для более тяжкого вида хищения, но отличается от него незначительно, скажем, составляет 46 р. или 2430 р. При юридической оценке хищений в подобных пограничных си-

туациях учитывается, что розничные цены не всегда в полной мере отражают действительную стоимость имущества, его значимость для народного хозяйства или удовлетворения потребностей населения. Государство часто берет на себя существенную часть расходов по обеспечению важнейших потребностей граждан и устанавливает розничные цены на основные товары народного потребления (продукты питания, предметы гигиены и массовой культуры, товары детского ассортимента и др.) на таком уровне, который не возмещает общественно необходимых затрат на их производство и доведение до потребителей. Естественно, с ростом количества похищаемых материальных ценностей расхождение между фактической стоимостью имущества и ее денежным выражением в розничных ценах еще более увеличивается.

Именно с этих позиций следует рассматривать приведенное разъяснение Пленума Верховного Суда СССР, согласно которому большие натуральные размеры имущества, имеющего особую значимость, могут обусловить квалификацию хищения как значительного, если цена похищенного будет несколько ниже его минимального стоимостного предела. Пленум прямо не говорит о возможности подобных решений при разграничении других смежных видов хищения, но практика поступает таким же образом в случаях, когда требуется определить, совершено хищение в значительных или крупных размерах. Что касается хищений в особо крупных размерах (ст. 86¹ УК), то к лицам, их совершившим, может применяться исключительная мера наказания, ввиду чего при отграничении этих деяний от крупных хищений вряд ли допустим учет иных обстоятельств, кроме стоимости похищаемого имущества, исчисленной по существующим ценам.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, 33. 3. Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. — М.: Юрид. лит., 1967. — 240 с. 4. Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И. Социалистическая собственность под охраной закона. — М.: Юрид. лит., 1979. — 200 с. 5. Замосковцев П. В. Содержание отношений социалистической собственности как объекта уголовно-правовой охраны. — Тр. Омск. высш. школы МВД СССР, 1977, вып. 24, с. 9—20. 6. Квашиш В. Е. Гуманизм советского уголовного права. — М.: Юрид. лит., 1969. — 150 с. 7. Коган В. М. Логико-юридическая структура советского уголовного закона. — Алма-Ата: Казахстан, 1966. — 82 с. 8. Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. — М.: Юриздат, 1958. — 219 с. 9. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. — 232 с. 10. Матышевский П. С. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в Украинской ССР. — К.: Изд-во Киев. ун-та, 1972. — 202 с. 11. Панов Н. И. Оценочные понятия и их применение в уголовном праве. — Проблемы социалистической законности, 1981, вып. 7, с. 99—106. 12. Пинаев А. А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. — Харьков: Вища школа, 1975. — 189 с. 13. Фролов Е. А. Объект и преступные последствия при посягательствах на социалистическую собственность. — Сб. уч. тр./Свердл. юрид. ин-т, 1968, т. 8, с. 102—175. 14. Шляпочников А. С. Толкование советского уголовного закона. — М.:

Ю. Е. Полянск и й, канд. юрид. наук

Одесса

**ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О СОХРАННОСТИ ГРУЗОВ, ПЕРЕВОЗИМЫХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ
ТРАНСПОРТОМ**

Одним из основных направлений деятельности транспортных прокуратур, осуществляющих высший надзор за соблюдением законности на железнодорожном транспорте, является борьба с нарушениями законодательства о сохранности перевозимых грузов. Несοхранность нередко приводит к их хищениям, на предотвращение которых и направлены усилия транспортных прокуратур.

Изучение практики борьбы с хищениями социалистической собственности на железнодорожном транспорте показало, что при осуществлении общего надзора работники транспортных прокуратур должны обращать особое внимание на проверку исполнения должностными лицами возложенных на них обязанностей по обеспечению охраны вверенных им грузов. Из-за халатности данных лиц создаются реальные условия для хищений материальных ценностей с контейнерных площадок, грузовых дворов станций, парков отправления и других мест. Этому в ряде случаев способствуют недостаточная освещенность объектов грузового хозяйства, их некачественное ограждение, отсутствие пропускного режима.

Необходимо осуществлять повседневный надзор за исполнением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 24 августа 1981 г. «Об административной ответственности за нарушение правил, направленных на обеспечение сохранности грузов на транспорте», определившего круг проступков, за совершение которых наступает административная ответственность в виде штрафа. Кроме начальников органов внутренних дел на транспорте и их заместителей, правом наложения штрафов наделены начальники железнодорожных станций, а также старшие в месте расположения станции должностные лица военизированной охраны. Однако практика свидетельствует, что должностные лица железнодорожного транспорта редко используют предоставленные им права. Поэтому в актах прокурорского надзора нужно обращать внимание руководителей транспортных предприятий на необходимость более активного применения данных им прав, что будет содействовать предупреждению хищений.

Следует также усилить надзор за исполнением требований законодательства о порядке и сроках ведомственного расследования коммерческих браков и составления коммерческих актов. Несоблюдение сроков такого расследования создает атмосферу безответственности и безнаказанности, хищения грузов часто совершаются работниками транспорта путем составления фиктивных коммерческих актов. Так, в 1981 г. была задержана с поличным приемосдатчик С., которая, находясь в преступном сговоре с водителями, длительное время похищала различные ценные грузы. Следствием было установлено, что С. составляла в таких случаях фиктивные коммерческие акты на недогруз, в то время как грузы расхищались.

Важным фактором сохранности перевозок служит сопровождение поездов военизированной охраной МПС. Однако соответствующие грузы часто транспортируются без такой охраны. Например, в первом квартале 1982 г. на Одесской железной дороге было сопровождено лишь немногим более 56% составов, предъявленных для охраны. Особенно страдают составы с автотракторной техникой, разукомплектование которой наносит большой ущерб хозяйству и приводит к продолжительному простаиванию новых дорогостоящих машин. Так, на автосборочный завод в г. Фрунзе с Горьковского автозавода поступают по железной дороге автошасси. Только за 1981 г. из 22 тыс. автошасси, полученных на заводе, 5 тыс. оказались разукомплектованными, в связи с чем ущерб составил около 40 тыс. р. [1].

Хищениям грузов способствует и низкая дисциплина работников военизированной охраны. К сожалению, и среди них встречаются лица, совершающие хищения. Так, стрелки С. и М. в ночь с 23 на 24 июля 1981 г. должны были обеспечить сопровождение грузов. После употребления спиртных напитков М. уснул на посту, а С. похитил радиоприемники из двух автомашин, вверенных под его охрану. Сменившись с поста, они совместно продали украденное.

Значительный ущерб народному хозяйству страны причиняется из-за разъединения грузов и сопроводительных документов. Такое положение возможно вследствие низкого уровня трудовой и технологической дисциплины, халатности приемосдатчиков, работников технических и товарных контор, отсутствия надлежащего контроля за их деятельностью. В результате вагоны, прибывшие не по адресу, простаивают в ожидании документов, надолго, подчас на месяцы, выбывают из оборота, а грузы нередко расхищаются либо портятся. На отделениях Одесской железной дороги в среднем в сутки среди поступающего по регулировке порожняка оказывается до 30—45 груженых бездокументных вагонов¹.

¹ По данным МПС, в первом полугодии 1981 г. поступило 14 тыс. телеграмм на бездокументные вагоны и более 15 тыс. телеграмм на документы без вагонов. В бюро по розыску грузов МПС в сутки поступает 400—500 таких телеграмм [2].

Транспортные прокуроры своевременно реагируют на подобные факты. Так, со станции Кантемир была отправлена как порожняя цистерна, выгружавшаяся колхозом им. Жданова. Позднее было установлено, что приемосдатчик станции Б. приняла от представителя получателя цистерну, якобы выгруженную, однако ее не проверила и отправила как порожнюю. На станции Бензин Куйбышевской железной дороги обнаружили, что в цистерне находились остатки груза патоки в количестве 30 т [3]. По представлению прокурора Б. была привлечена руководителем станции к дисциплинарной ответственности.

Особое значение для сохранности грузов имеет подбор на материально ответственные должности и на работу, связанную с грузовыми операциями, лиц, заслуживающих доверия и ранее не судимых за корыстные преступления. Это требование не всегда выполняется. Так, 7 августа 1981 г. Одесским областным судом был осужден по ст. 86¹ УК УССР бывший заведующий контейнерным отделением станции Усатово Г. Как установлено, Г. был в 1973 г. судим по ч. 2 ст. 168 УК УССР, однако был принят на работу, связанную с хранением грузов. В марте 1981 г. он организовал преступную группу из семи человек, которая похитила три контейнера с товарами на сумму 42800 р. [4].

Следует согласиться с высказанным в литературе предложением о принятии срочных мер по созданию на стыках дорог и отделений пунктов коммерческого осмотра, что способствовало бы своевременному выявлению хищений грузов.

Список литературы: 1. *Лангев П. В.* Разоренные машины. — Соц. индустрия, 1982, 23 июля. 2. *Гудок*, 1981, 3 окт. 3. *Архив Ленинск. транспортной прокуратуры*, 1981, дело № 54-п. 4. *Архив Одесск. транспортной прокуратуры*, 1981, дело № 7/14.

Поступила в редколлегию 14.01.83.

В. Е. Коновалова, д-р юрид. наук, В. Д. Пчелкин

Харьков

СЛЕДСТВЕННЫЕ ВЕРСИИ КАК ОСНОВА ПЛАНИРОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИМУЩЕСТВА

Процесс расследования конкретного преступления подчинен тем версиям, для проверки которых осуществляется система следственных действий и оперативно-розыскных мер. Роль следственных версий в расследовании состоит в том, что они являются исходными положениями, определяющими направление в поиске истины. Именно поэтому авторы, исследующие проблему следственных версий, рассматривают их как основу, ядро, направляющее начало планирования, отмечая при этом, что расчленение версии и планирования на самостоятельные, отдельно существующие теории лишает теорию планирования исходных положений и низводит ее до уровня совокупности праг-

матических положений [1]. Таким образом, следственная версия как обоснованное предположение о событии либо его частностях неразрывно связана с планом расследования и обуславливает всю систему его построения и выполнения. Логика взаимосвязи версии и планирования прослеживается главным образом в том, что вся совокупность обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании, проистекает из тех следствий, которые выводятся из построенного предположения. Эти обстоятельства создают в случае их соответствия выведенным следствиям ту цепь доказательств, которая является основой расследования. Указанное положение в известной мере объясняет теоретическую основу единства следственной или криминалистической версии и планирования.

Версия в процессе расследования осуществляет познавательную функцию, с одной стороны содействуя аккумуляции данных, необходимых для ее выдвижения, с другой — логически развивая выдвинутое предположение системой выводимых из него допущений. В этом отношении версия представляет собой двуединый процесс — логическое развертывание мыслительной деятельности и действий, направленных на проверку результатов мышления.

Структура построения следственной версии, несмотря на достаточно простую логику ее развития, сложна для практического применения. Это обусловлено несколькими обстоятельствами: а) необходимостью анализа незначительного и нередко сложного материала (исходных данных); б) определением этапа возможного конструирования одной или нескольких версий; в) выдвижением версий по степени их сложности (объему) относительно события в целом, способов совершения, способов сокрытия лиц либо отдельных деталей, проверка которых позволит более точно и правильно сформулировать впоследствии версию общего характера; г) соотношением выдвинутых версий с типовыми версиями в целях проверки действительности последних и др. Все это относится к конструированию следственных версий при расследовании хищений государственного и общественного имущества, совершенных в различных формах.

Многообразие отраслей народного хозяйства, специфика производства, различные формы учета создают в каждом случае такой индивидуальный комплекс данных, связанных с обнаружением хищения, который требует глубокого и вдумчивого анализа, предшествующего выдвижению версий.

Планирование расследования хищений, совершенных путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением, обладает рядом специфических черт, отличающих его от планирования при расследовании хищений путем кражи, грабежа, разбоя. Это отличие определяется не только характером совершенного преступления, способами его совершения и сокрытия, но и той следственной ситуацией, которая перво-

начально существует. Она достаточно специфична и несет в себе информацию различного характера. Так, для хищений, совершенных путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением, наиболее типична ситуация, при которой признаки хищения обнаружены в результате проверок, ревизий, выявления неучтенной продукции, задержания с личным и т. п. При хищении путем кражи, грабежа или разбоя следственная ситуация характеризуется иным комплексом данных: наличием следов взлома, показаниями потерпевшего, в отношении которого предпринималось насилие, а также показаниями очевидцев.

Комплекс исходной информации в каждом случае хищения определяет и те первоначальные действия, которые проводятся для ее проверки и дополнения. Их виды и направленность определяются целями, которые они должны выполнить. Так, при хищении путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением к числу таких действий относятся: назначение ревизии [2], осмотр документов, производство допросов, проведение обысков у подозреваемых и т. п. При расследовании хищений путем кражи, грабежа, разбоя первоначальные следственные действия носят иной характер. Это осмотр места происшествия, допрос потерпевшего, допросы свидетелей, назначение криминалистических экспертиз и др. В этом случае при проведении указанных действий наиболее важна их координация с оперативно-розыскными мерами, направленными на отыскание необходимой информации.

Создание следственных ситуаций в результате взаимодействия ряда факторов преступного события, обнаруживающих свои признаки, оценивается и рассматривается неравнозначно. Так, исследуя понятие и содержание следственной ситуации, одни авторы относят к ней совокупность доказательств на определенном этапе расследования [1; 8, с. 58]. Другие же под следственной ситуацией понимают не только наличие определенного доказательственного материала, но и сведения оперативно-розыскного характера, подчеркивая взаимообусловленность такой информации. В литературе имеются высказывания, в которых следственная ситуация рассматривается с позиций неожиданности расследования как для лиц, оказавшихся причастными к хищениям, так и для тех подозреваемых, для которых такое расследование неожиданно. Эти ситуации обычно относят к началу расследования и рассматривают как наиболее типичные [7, с. 12]. Здесь в формулирование следственной ситуации привнесен момент знания или незнания лицами, подозреваемыми в совершении преступления, об обнаружении хищения. Представляется, что, несмотря на важность такого обстоятельства, оно не входит в совокупность доказательств, образующих следственную ситуацию на данном этапе. Другое дело, если бы следователь располагал показаниями такого

лица. Тогда эта информация вошла бы в следственную ситуацию как отражение фактических данных, обнаруженных на определенном этапе расследования.

Наиболее оптимально рассмотрение следственной ситуации при расследовании хищений государственного и общественного имущества с позиций наличия не просто информации, а информации, облеченной в процессуальную форму, — доказательств по делу. Именно это обстоятельство относит следственную ситуацию на период после возбуждения уголовного дела. До этого момента все данные, связанные с обнаружением хищения, создают просто ситуацию преступного события, а не следственную ситуацию. Это положение относится и к данным, получаемым в результате оперативно-розыскных действий, ибо эта информация не носит процессуального характера и использование ее в период после возбуждения уголовного дела дополняет первоначальную следственную ситуацию.

В литературе содержатся высказывания, характеризующие следственную ситуацию по признаку наличия информации о факте группового совершения преступного деяния и лицах, к нему причастных. Причем в зависимости от различных условий выделяется несколько ситуаций. Например, по признакам, указывающим на совершение преступления группой; при задержании одного лица из скрывшейся группы; при задержании всех, кто принимал участие в совершении преступлений; при установлении лиц, причастных к групповому преступлению, когда роль участия каждого из них в преступном действии неизвестна. Отметим, что выдвижение версий при расследовании хищений государственного и общественного имущества определяется той первоначальной следственной ситуацией, которая складывается после возбуждения уголовного дела. Она, как правило, несет в себе определенное число данных, которые можно оценивать с точки зрения их достаточности для конструирования следственной версии либо необходимости принятия ряда мер (проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий) для их пополнения.

Очевидно, что конструирование следственных версий по делам о хищениях, совершенных путем кражи, грабежа, разбоя, обладает спецификой, состоящей в возможности их более раннего существования, что объясняется проведением такого следственного действия, как осмотр места происшествия, до возбуждения уголовного дела.

Следственные версии при расследовании хищений государственного и общественного имущества, совершенного должностными лицами, обычно классифицируются на общие и частные, где первые соотносятся с элементами состава преступления, а вторые касаются обстоятельств, носящих подчиненный характер. Наиболее общими по своему объему и назначению являются версии о событии преступления: имеет место хищение

либо недостача; каким способом (приемами) совершено хищение; круг субъектов, участвующих в хищении, роль каждого из них. Частные версии строятся относительно обстоятельств, подтверждающих и развивающих общую версию: выдвижение предположений о формах расчета между соучастниками, о местах сокрытия похищенного, о способах подделки документов и т. п.

Например, в случае обнаружения недостачи на предприятиях трикотажной промышленности версии конструируются по следующей схеме: а) общие версии — имеет место недостача или хищение; б) хищение связано с фальсификацией количественных и качественных показателей пряжи при ее приеме от поставщика либо совершается в результате изменения номенклатуры изготавливаемых изделий или путем изготовления неучтенной продукции из созданных на складе сырья излишков; в) лицами, совершающими хищения, являются ответственные за поставку пряжи — работники цехов трикотажной фабрики, изготавливающие изделия с заменой номенклатуры, работающие в торгующих предприятиях, через которых сбываются изделия, изготовленные из неучтенной продукции, работающие на складе сырья готовой продукции.

Частные версии в рассматриваемом случае будут конструироваться относительно тех обстоятельств преступления, которые отражают места возможного сбыта похищенного, способы его транспортирования, наличие списания пряжи на различные нужды, перевод пряжи в определенные сорта и т. п. Как отмечалось, конструирование следственных версий различного уровня зависит от исходной информации, а также от того объема знаний, которым обладает следователь относительно отрасли, в которой имело место хищение. В связи с этим обладание знаниями либо получение их происходит путем изучения специфики производства в процессе расследования либо в результате специализации следователей по отдельным категориям преступлений, в частности хищениям государственного и общественного имущества. Специализация следователя вовсе не исключает необходимости изучения всех особенностей производства, так как именно это позволит не только правильно выдвинуть версии относительно признаков хищения, но и обнаружить признаки, позволяющие вскрыть латентные хищения. При поверхностном изучении данных о хищении, как правило, латентные хищения остаются нераскрытыми и могут продолжаться еще значительный период времени. Полное же изучение производства позволяет обнаружить такие данные о хищении, которые в обычной ситуации (ревизия, обнаружение неучтенной продукции, заявления отдельных лиц) остаются невыявленными.

В процессе расследования большое значение принадлежит обобщенному опыту следственной деятельности, который позволяет сформулировать определенную сумму наиболее типичных

следственных ситуаций и соответственно типичных, или типовых, следственных версий. Обобщение практики всегда играло значительную роль для выдвижения в теории криминалистики новых научных положений. Однако до последнего времени такого рода положения характеризовались высокой степенью абстракции и их применение в практической деятельности требовало дополнительных рекомендаций и разработок. В частности, это относилось к научным постулатам планирования, содержащим концептуальные положения о логике развития версии, принципах планирования, его технике и т. п.

В последнее время результаты обобщения практики позволили конкретизировать определенные положения, сформулировать рекомендации, способствующие совершенствованию следственной деятельности (разработка типовых версий по отдельным категориям преступлений, выявление наиболее типичных ситуаций, обобщение и анализ способов совершения преступлений). Главные направления в этом отношении — разработки методики расследования убийств (исследования Л. Г. Видонова) и методики расследования хищений государственного и общественного имущества (фундаментальные исследования Института Прокуратуры СССР, посвященные методике расследования хищений социалистического имущества).

Разработка типовых следственных версий, касающихся уровня общих версий, является результатом обобщения следственной практики и известного прогнозирования возможных ситуаций при совершении преступлений. Здесь речь идет о возможном научном знании, содержащем элемент предвидения.

В литературе проблеме типовых версий и их познавательной роли уделялось большое внимание [6, с. 14; 3, с. 53; 5, с. 16], однако их конкретная разработка касалась ограниченного числа методик расследования отдельных видов преступлений. В наиболее обобщенном виде определение понятия такого рода версий принадлежит Р. С. Белкину, который отмечал, что «под типичной версией понимается наиболее характерное для данной ситуации с точки зрения соответствующей отрасли знания или обобщенной практики судебного исследования (оперативно-розыскной, следственной, судебной, экспертной) предположительное объяснение отдельных фактов или события в целом» [1, с. 296]. В приведенном определении типичность версий распространена автором на многие виды деятельности. Действительно, в каждом из указанных видов мы можем обнаружить те типичные предположения, которые отражают обобщенный опыт практики.

Типичное во всех случаях представляет собой высокую частоту встречаемости признаков, относящихся к выдвигаемому положению. Для того чтобы та или иная версия приобрела значение типичной, она должна отражать в себе не просто имеющие место ситуации, а следовательно, и предположения относитель-

но их существования, но наиболее часто встречающиеся ситуации, основывающиеся на анализе большого числа признаков. Познавательная роль такого рода типичных версий значительна. Они ориентируют следователя (судью, эксперта) относительно возможных направлений путей обнаружения доказательственной информации, установления фактов. На этом не исчерпывается познавательное значение типичных версий, они могут быть источником для выдвижения версий по аналогии либо версий, которые по своему смыслу противоречат типичной. Такое их значение может иметь место при ограниченной информации либо ее отсутствии, ввиду достаточной завуалированности преступления либо отсутствия его явных признаков. Как отмечалось, типичные версии выполняют ориентационную роль в случаях открытой, проблемной следственной ситуации (отсутствие доказательств, неясность механизма события, сложность установления причинных отношений, «загадочность» преступления). Таким образом, познавательное значение типичных версий достаточно велико. Однако укажем, что конструирование типичных версий о самом событии весьма ограничено, более обширно оно для способов совершения преступления.

Рассматривая роль типичных версий для расследования преступления, Р. С. Белкин отмечает их ограниченное познавательное значение, мотивируя это тем, что они, «основываясь на минимальных исходных данных, могут дать только самое общее объяснение события или недостаточное для успешного завершения расследования» [1, с. 296]. Однако указание Р. С. Белкина на то, что типичные версии основываются на минимальных исходных данных, требует корректировки. Если это утверждение верно для версий о сущности события, то оно неприменимо к версиям о способах совершения преступления. Так, анализ данных о способах хищения государственного и общественного имущества свидетельствует, что формирование типичных версий основывается на значительном исходном материале, в частности данных о множестве признаков, приемов осуществления, маскировки и т. п. Соответственно уровню типичных версий и их направленности эти данные в своем формировании в качестве исходного материала объединяют различную по объему информацию, во всех случаях достаточную, чтобы сформулировать типичное.

В этом отношении общность предположения отличается от типичности тем, что последняя предполагает глубокий анализ признаков, позволяющий прийти к выводу об их повторяемости в значительном числе случаев, а следовательно, о некоторых закономерных связях, существующих между исходными материалами и выдвигаемым предположением. Однако, несмотря на широкие потенциальные возможности типичных версий, они не могут заменить конкретную версию, выдвигаемую на основе исходных данных события. Более того, при принятии типичной

версии ее дальнейшее развитие будет солидаризоваться с теми данными, которые будут установлены по делу. Поэтому следователь не должен ограничиваться типичными версиями. Анализ исходного либо обнаруживаемого в ходе расследования материала позволяет дополнить известную типичность данными, конкретизирующими выдвинутое предположение. Это в свою очередь расширяет программу расследования, вытекающую из принятой следственной версии. Выдвижение типичных версий во всех случаях, в том числе и при расследовании хищений государственного и общественного имущества, влечет за собой построение возможных программ расследования во исполнение выдвинутой версии. Такие программы также представляют собой наиболее оптимальную схему расследования, выполняют уже более детальную, но все же ориентационную роль. Предусматривая перечень обстоятельств, подлежащих выяснению, и следственных действий, программы расследования отличаются от перечня мер, которые необходимо принять в случаях обнаружения преступления.

Итак, следственные версии при расследовании хищения государственного и общественного имущества, совершенного должностными лицами, обладают рядом признаков: а) конструируются на основе анализа первичных материалов (данные ревизии, инвентаризации, заявления отдельных лиц, материалы органов БХСС); б) основываются на знании особенностей той отрасли хозяйства, в которой произошло хищение; в) характеризуются сложностью, обусловленной периодом хищения и многоэпизодностью; г) касаются, как правило, значительного числа лиц; д) могут иметь в своей основе типичные версии, развиваемые и дополняемые в период расследования; е) направлены на выявление причин и условий, способствующих совершению хищений, в том числе латентных.

Список литературы: 1. *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики: В 3-х т. — М.: РИО Академии МВД СССР, 1978. — Т. 2. 402 с. 2. *Братковская В. В.* Расследование и предупреждение хищений на предприятиях бытового обслуживания. — М.: Юрид. лит., 1979. — 134 с. 3. *Васильев А. Н.* Следственная тактика. — М.: Юрид. лит., 1976. — 176 с. 4. *Герасимов И. Ф.* Следственные ситуации на первоначальном этапе расследования преступлений. — Соц. законность, 1977, № 7, с. 27—29. 5. *Драпкин Л. Я.* Построение и проверка следственных версий: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1972. — 24 с. 6. *Ларин А. М.* От следственной версии к истине. — М.: Юрид. лит., 1976. — 183 с. 7. *Магусовский Г. А.* Расследование хищений в промышленности и сельском хозяйстве. — Харьков, 1979. — 32 с. 8. *Селиванов Н. А.* Криминалистическая характеристика преступлений и следственные ситуации в методике расследования. — Соц. законность, 1977, № 2, с. 55—59.

Поступила в редколлегию 28.12.82.

**ЗНАЧЕНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ РЕВИЗИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
ХИЩЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА**

Обобщение следственной практики свидетельствует, что совершение хищений часто объясняется недостатками учета и контроля. Особенно серьезные недочеты имеют место при производстве документальных ревизий. Так, на предприятиях фабрики «Ремобувь» в г. Одессе неоднократно проводились ведомственные ревизии, однако нарушений финансовой, хозяйственной дисциплины не обнаружено. Работники ОБХСС выявили хищения, а следственные органы установили, что заведующие некоторыми ателье по индивидуальному пошиву обуви населению скупали краденую кожу в разных местах и организовывали выпуск неучтенной продукции, пользующейся повышенным спросом. Эту продукцию сбывали на рынках. В результате расследования и с помощью ревизоров были установлены способы хищения, выявлены все факты поставки сырья и сбыта изготовленной продукции.

По смыслу ст. 66 УПК УССР проведение документальной ревизии ревизором, действующим во исполнение соответствующего постановления следователя, представляет собой выполнение определенных процессуальных функций, в силу чего ревизор должен рассматриваться как субъект процесса, а результат его деятельности — как источник доказательств. Однако закон не определяет ни порядка выполнения этой деятельности, ни процессуального положения ревизора, ни требований, предъявляемых к акту ревизии, что является его явным пробелом [1, с. 103, 111—112; 3, с. 100]. Законодательное решение этих вопросов позволило бы упорядочить практику назначения документальных ревизий, повысить гарантии объективности устанавливаемых ревизорами фактов, сократить случаи необоснованного назначения судебно-бухгалтерских экспертиз.

Широкое применение документальных ревизий при расследовании дел о хищениях государственного и общественного имущества объясняется тем, что способы хищения в большинстве случаев отражаются в данных бухгалтерского учета. Поэтому своевременное назначение документальной ревизии, правильно сформулированные задания ревизору, а также контроль за его деятельностью обеспечивают быстрое и успешное расследование хищений.

Фактическими основаниями производства документальной ревизии служат: наличие в деле данных об отдельных фактах хищений, из чего вытекает необходимость проверки по первичным документам всей деятельности организации или ее отдельных подразделений, либо деятельности определенного лица

(должностного или материально ответственного); мотивированное ходатайство обвиняемого о проверке путем исследования первичных документов и учетных регистров его показаний, опровергающих предъявленное обвинение; необходимость проверки по первичным документам и учетным регистрам признания обвиняемого о совершении хищения с использованием бухгалтерских документов; обоснованное мнение эксперта-бухгалтера о невозможности дачи заключения без предварительного проведения документальной ревизии.

Решая вопрос о документальной ревизии, следователь должен определить, какие обстоятельства подлежат выяснению с ее помощью, к деятельности какого предприятия, учреждения, организации или отдельных должностных лиц они относятся, какой период надо охватить проверкой, относится ли проверка к компетенции ревизора и возможна ли она средствами документальной ревизии. При необходимости следует провести соответствующую подготовку, включающую производство допросов, осмотров и других следственных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий; изучение инструкции о производстве документальной ревизии в системе ведомства, в котором находится организация, подлежащая проверке; консультацию со специалистами-бухгалтерами, экономистами, технологами, строителями; изучение документооборота организации, подлежащей ревизии.

Производство документальной ревизии представляет собой определенное решение следователя по делу. Поэтому согласно ч. 1 ст. 130 УПК УССР оно должно оформляться постановлением следователя.

На практике встречаются случаи, когда постановление следователя сводится по существу к требованию провести «глубокую документальную ревизию». Так, по делу по обвинению Б. прокурор просил направить ревизора Харьковского облпотребсоюза «для проведения глубокой документальной ревизии», не определяя конкретных заданий. Не случайно, что ревизия по этому делу назначалась трижды [4]. По делу по обвинению К. задание ревизору было сформулировано следующим образом: «При ревизии с участием материально-ответственных лиц уточнить цифровые данные, указать, кем проводились незаконные операции, и детализировать их». В результате этого многие ревизии проводятся формально, а иногда и вовсе подменяются документом, содержащим отдельные данные официального учета или отчетности [5].

В своем задании следователь вправе ставить вопрос о применении ревизором отдельных обоснованных приемов и способов проверки: восстановления количественно-суммового учета, контрольного сличения, обмена выполненными работами и др. Инициатива в постановке вопроса о применении отдельных приемов проверки может исходить от обвиняемого, который, озна-

комившись с актом ревизии, заявит о своей несогласии с выводами ревизора по причине неиспользования некоторых методов проверки.

Нередки случаи постановки перед ревизорами заданий, выходящих за пределы их компетенции и являющихся прерогативой следователя. Формулируя задание ревизору по делу З., следователь потребовал установить, «на какую сумму похищены продукты и какими способами они похищены?» Не вызывает сомнения, что постановка подобного задания неправомерна, ибо требует наличия не бухгалтерских познаний, а юридических [5].

На практике часто возникают трудности с подбором ревизоров, особенно для проведения комплексных ревизий. В связи с этим должностные лица в ряде случаев затягивают назначение ревизии, ссылаясь на нехватку кадров, либо выделяют для производства комплексной ревизии одного ревизора-бухгалтера, в то время как требуются и другие специалисты.

Следует иметь в виду, что ревизор не вправе проводить ревизию, если он сам или его родственники заинтересованы в ее исходе; если ревизор находится в неприязненных или дружеских отношениях с ревизуемым или в служебной зависимости от ревизуемого лица. Поэтому целесообразно принимать меры для выяснения взаимоотношений ревизоров не только с обвиняемым, но и со всеми другими лицами, чья деятельность следователь считает нужным проверить путем ревизии.

Потребовав назначения ревизии и убедившись, что приказом руководителя предприятия перед ревизором поставлены правильные задания, следователь не должен пассивно ожидать окончания ревизии. Сразу же после ее назначения необходимо установить контакт с ревизором. Следует проверить, правильно ли понял ревизор поставленное перед ним задание. В беседе можно более подробно разъяснить отдельные вопросы и в случае необходимости ознакомить ревизора с определенными обстоятельствами уголовного дела, знание которых может способствовать производству ревизии.

Очередность и сроки проведения отдельных ревизионных действий должны производиться с учетом планируемых следователем мероприятий по расследованию. Особенно важно согласовать такие действия ревизора, как обращение его в другие организации с целью проведения встречных проверок и вызова лиц для дачи объяснений. Отрицательно могут сказаться на расследовании несогласованные вызовы ревизором тех или иных лиц для получения от них объяснений по вопросам, возникшим в ходе ревизии. Ущерб интересам расследования может быть нанесен тем, что этим лицам преждевременно становится известно о преступлениях и нередко они, будучи свидетелями преступлений или причастными к ним, сообщают ревизору лож-

ные сведения, а в дальнейшем на допросе у следователя не решаются их изменить. Поэтому во многих случаях целесообразно вначале допросить этих лиц, а затем организовать работу ревизора [2, с. 88—89].

Исходя из обстоятельств дела в ряде случаев целесообразно согласовать с ревизором мероприятия по обеспечению сохранности документов, подлежащих исследованию и находящихся на ревизуемом предприятии. При наличии опасений, что некоторые документы могут быть уничтожены или подделаны, в качестве предупредительной меры может быть намечено их опечатывание. Следователь может изъять документы и предоставить ревизору их для ознакомления в помещении следственного органа.

Однако контакт ревизора со следователем отнюдь не означает его подчиненность последнему. Он выполняет должностное поручение и полностью подчинен лицу, назначившему ревизию. Тем не менее, поскольку задачи ревизора и следователя по выявлению преступлений совпадают, это создает надлежащую основу для их сотрудничества.

Список литературы: 1. Дулов А. В. Вопросы теории судебной экспертизы. — Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1959. — 187 с. 2. Сергеев А. А. Ревизия при расследовании преступлений. — М.: Юрид. лит., 1969. — 99 с. 3. Смирнов Д. В., Танасевич В. Г. Основы бухгалтерского учета и судебно-бухгалтерской экспертизы. — М.: Юрид. лит., 1965. — 139 с. 4. Архив нар. суда Готвальд. р-на Харьк. области, 1981. 5. Архив нар. суда Шевченковск. р-на Харьк. области, 1981.

Поступила в редколлегию 28.12.82.

В. И. Гаенко

Харьков

**ОБЫСК ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО
И ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА, СОВЕРШЕННЫХ ПУТЕМ
МОШЕННИЧЕСТВА**

К числу первоначальных следственных действий по делам о хищениях государственного или общественного имущества, совершенных путем мошенничества, относится обыск. Наиболее существенными его задачами являются: отыскание и изъятие похищенного и нажитого преступным путем имущества и ценностей; обнаружение документов, имеющих значение для расследования; обнаружение предметов — вещественных доказательств (например тех, при помощи которых мошенники подделывали документы).

Отыскание похищенного и нажитого преступным путем имущества служит средством как обеспечения возмещения материального ущерба, так и доказывания совершенного хищения.

Отметим, что обнаружение предмета хищения у определенного лица является лишь косвенным доказательством его причастности к преступлению, ибо обнаруженный предмет мог быть, например, куплен в комиссионном магазине и др.

Обыск — сложное следственное действие и его результаты во многом зависят от того, как к нему подготовится следователь. Подготовка к обыску включает: 1) принятие решения о производстве обыска; 2) его процессуальное оформление; 3) получение и анализ необходимой ориентирующей информации, относящейся к личности обыскиваемого, месту обыска, искомым предметам; 4) разработку тактического плана: выбор времени обыска, подбор участников обыска и распределение обязанностей между ними, выбор научно-технических средств, определение мер охраны места обыска, выбор средств транспорта, способов связи и мер предупреждения возможности вооруженного сопротивления, решение вопроса о целесообразности использования служебно-розыскной собаки и мерах, предусматривающих исключение телефонной и других способов связи обыскиваемого с иными лицами до окончания обыска.

Решение о производстве обыска принимается на основе изучения дела, анализа и оценки имеющихся фактических данных. Естественно, что подготовка к обыску в том объеме, который предложен выше, не всегда нужна и возможна. Обыск, как и иное следственное действие, должен быть проведен своевременно. От этого в значительной мере зависят полнота собирания доказательств, возмещение материального ущерба, причиненного преступлением. Закон установил определенные основания, при наличии которых возможно осуществление обыска. В ст. 177 УПК УССР предусмотрено производство обыска лишь в тех случаях, когда в распоряжении следователя имеется достаточно оснований полагать, что в каком-либо помещении или ином месте, или у какого-либо лица находятся орудия преступления, предметы и ценности, добытые преступным путем, а также другие предметы и документы, могущие иметь значения для дела.

Обыск может быть успешным в том случае, если следователь обладает необходимой ориентирующей информацией, содержащей сведения о лицах, у которых следует производить обыск, и о месте его производства.

При решении мыслительных задач, направленных на отыскание сокрытого, важное значение имеют сведения о личности обыскиваемого, его связях, особенностях поведения, интересах и склонностях, образе жизни. «Интеллектуальный» характер преступления, совершаемого мошенником, позволяет предположить что способы сокрытия могут быть наиболее изощренными, рассчитанными на неосведомленность следователя. Именно поэтому сведения о личностных характеристиках мошенника дают возможность прогнозировать возможную схему его действий, связанных с сокрытием преступления. Наиболее важными

здесь являются: объект, на который направлены преступные действия, способ совершения преступления, способы сокрытия его (как в период совершения, так и после него, в том числе поведение, инсценирующее непричастность к событию). Эти данные позволяют следователю выдвинуть розыскные версии относительно объекта, который чаще всего связан с характером преступных действий (документы, бланки, нередко технические приспособления для изготовления чеков и других документов для получения ценностей), и возможного места их сокрытия, которое, как правило, связано с характером искомого. Важная роль в этих случаях принадлежит рефлексивному мышлению, способствующему мысленной ориентации следователя на ту схему действий и рассуждений преступника, которая явилась основой для способа и места сокрытия. Проигрывание вариантов рассуждений преступника нередко определяет эффективность проведенного обыска.

Эффективность обыска возрастает, если факт возбуждения уголовного дела неизвестен преступникам. В этом случае действует фактор внезапности.

Обыск в ряде ситуаций является неотложным следственным действием, обычно он производится без промедления, когда велика вероятность утраты доказательств, сокрытия похищенного, самого преступника и т. п. Иногда создается ситуация, требующая немедленного проведения обыска. В этом случае следователю приходится пользоваться данными, собираемыми на месте непосредственно перед обыском. В этом отношении характерен следующий пример. Б., используя поддельный лотерейный билет, пытался получить в сберегательной кассе 75 р. При проверке билета подделка была обнаружена, и Б. был задержан работниками сберегательной кассы совместно с прибывшими по вызову работниками милиции. Возбудив уголовное дело, следователь сразу же провел обыск в общежитии, где проживал Б. В его тумбочке, а также под кроватью были обнаружены несколько лотерейных билетов с вырезанными номерами, клей, ножницы. Промедление при проведении обыска привело бы к утрате важных улик, ибо в помещении каждый день проводилась уборка, и документы — вещественные доказательства могли быть утрачены [1].

По делам о хищениях путем мошенничества одной из задач обыска являются отыскание и изъятие похищенного: предметов проката, неправомерно полученных в прокатных пунктах; товаров, полученных в магазинах преступным путем по договору купли-продажи в кредит; продуктов сельскохозяйственного производства и др. Отысканию подлежат также документы и предметы, с помощью которых подготавливалось и совершалось преступление. Такими объектами могут быть: водительские удостоверения со следами подделки, дающие право на получение надбавки к заработной плате за классность; документы,

с помощью которых совершались хищения денежных средств, в частности похищенные сберегательные книжки; предметы, с помощью которых подделывались документы, например машинка для изготовления кассовых чеков, изготовленная преступником, запасные части к ней; поддельные, а равно похищенные печати и штампы; все иные предметы и документы, которые могут служить средством для установления истины по делу, например письма, фотоснимки, частные записи, расписки всевозможного характера. Так, В., ранее неоднократно судимый за хищение, освободившись из мест лишения свободы, был признан Ворошиловградской ВТЭК инвалидом 2-й группы общего заболевания. В отделе социального обеспечения В. было предложено предоставить документы о трудовом стаже. Не имея необходимых документов, В. подделал их. Он предъявил в нотариальную контору г. Антрацита изготовленный им самим машинописный текст письма от имени Министерства оборонной промышленности СССР, управления № 41 Военспецстроя особого назначения о том, что он после окончания Высшего технического училища им. Баумана с 18 октября 1952 г. по 13 мая 1970 г. работал в указанном управлении и уволен по состоянию здоровья. Данный документ В. заверил изготовленной им самим печатью Министерства оборонной промышленности СССР. Копию письма, нотариально заверенную, В. предоставил в отдел социального обеспечения. Впоследствии было установлено, что управления № 41 Военспецстроя особого назначения в системе Министерства оборонной промышленности СССР никогда не было. После возбуждения уголовного дела следователь произвел обыск на квартире у В., в ходе которого были обнаружены изготовленные В. печати и штампы почтовых отправок г. Москвы, Министерства обороны СССР, отделов архива Министерства обороны СССР и др. [2].

При обыске необходимо отыскивать и изымать записные книжки, письма и другие документы, имеющие значение для дела, а при необходимости — и документы в качестве свободных образцов почерка подозреваемого (обвиняемого) для использования при проведении почерковедческой экспертизы.

Местами наиболее вероятного хранения похищенных предметов, документов, поддельных печатей и штампов чаще всего бывают помещения, где проживают преступники: подсобные помещения (амбары, гаражи, сараи, пристройки), иногда предметы и документы, интересующие следователя, преступники прячут при себе. Как показывает практика по делам о хищениях путем мошенничества, очень редко местами обыска являются служебные помещения и открытые местности.

Методы исследования жилых помещений (при обыске) по делам о хищениях путем мошенничества не имеют специфики и существенных отличий от обысков по другим категориям дел. Обыску в помещении должно предшествовать в ряде случаев

изучение родственных, личных и иных связей подозреваемого. Это позволит произвести обыски не только по месту жительства подозреваемого. Иногда мошенники оставляют или передают на хранение предметы и документы своим знакомым, родственникам и другим лицам. Так, при расследовании дела о хищении путем мошенничества предметов проката в различных прокатных пунктах г. Харькова было установлено, что подозреваемый Т. похищенные предметы проката прячет не по месту жительства, а в другом месте. Проанализировав образ жизни подозреваемого, его личные связи, следователь выяснил, что Т. определенное время проживал у П. В ходе обыска по месту ее жительства были обнаружены различные предметы проката (транзисторные приемники, магнитофоны и др.), а также обязательства-квитанции на получение предметов проката. В обязательствах-квитанциях было отмечено, что предметы проката выданы гражданину С. Ранее при задержании у Т. был изъят паспорт на имя С. В ходе дальнейшего расследования было установлено, что по этому поддельному паспорту Т. получил предметы проката на сумму 1079 р. [3].

Производя обыск, следователь всегда должен учитывать привычки, склонности, занятия на досуге (столярные, слесарные и другие работы), профессиональные навыки обыскиваемого. Проживая в определенной обстановке, будучи связанным с определенной профессией, привыкнув иметь дело с определенными вещами, преступник чаще всего использует для сокрытия вещественных доказательств привычные для него места.

Изучение практики расследования показывает, что в описательной части протокола обыска и прилагаемой к протоколу описи имущества не всегда подробно описываются наименования, назначение, количество, мера, вес, индивидуальные признаки предметов и документов, выданных обыскиваемым лицом добровольно или обнаруженных при обыске. Естественно, протокол обыска и опись имущества не должны носить характер протокола осмотра вещественных доказательств, так как обыск и осмотры имеют разные цели и задачи. Однако необходимость описания индивидуальных признаков обнаруженных предметов и документов очевидна.

Наряду с описью имущества, на которое налагается арест, необходимо составлять опись имущества, не вошедшего в опись. Такой документ должен прилагаться к протоколу обыска. Это исключит в дальнейшем предъявление необоснованных исков об исключении имущества из описи, как ошибочно описанного следователем. Кроме того, встречаются случаи, когда в опись включается имущество, не принадлежащее обвиняемому на правах личной собственности, не являющееся его долей в общей собственности. Так, по делу о хищении путем мошенничества, совершенном М. при получении товаров в кредит, был наложен арест и описано имущество. В опись вошли также принадлежа-

щие ее сестре носильные вещи. Сестра в это время приехала погостить к М. В дальнейшем ни в ходе расследования, ни приговором суда эти вещи из описи исключены не были. И только определением областного суда указанное имущество было исключено из описи [4]

В целях возмещения материального ущерба, причиненного преступником государству или общественной организации, одновременно с обыском необходимо производить наложение ареста на имущество.

Гражданский иск и возможная конфискация имущества обеспечиваются также наложением ареста на вклады в сберегательных кассах. Сведения о месте нахождения вклада можно получить только в сберегательных кассах (розыск вклада Государственными трудовыми сберегательными кассами СССР затруднен тем, что вклады иногда осуществляются на другое имя или на предъявителя), поэтому в ходе обыска необходимо отыскивать сберегательные книжки. Вместе с тем по делам о хищении государственного или общественного имущества, совершенном путем мошенничества, наложение ареста на имущество производится очень редко, хотя такие преступления иногда причиняют значительный материальный ущерб.

Список литературы: 1. *Архив* нар. суда Октябрьск. р-на г. Харькова, 1969, дело № 1—110. 2. *Архив* межрайпрокуратуры г. Антрацита Ворошиловград. области, 1974, дело № 11732. 3. *Архив* нар. суда Октябрьск. р-на г. Харькова, 1970, дело № 1—318. 4. *Архив* нар. суда Червонозаводск. р-на г. Харькова, 1968, дело № 393.

Поступила в редколлегию 28.12.82.

В. Е. Богинский, канд. юрид. наук

Харьков

ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О КРАЖАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА

Осмотр места происшествия по делам о кражах государственного и общественного имущества является первоначальным и неотложным следственным действием. Практика свидетельствует, что малейшее промедление с проведением осмотра влечет отрицательные последствия, поскольку обстановка на месте происшествия может ухудшиться, а следы преступления исчезнуть, в ряде случаев преступники получают возможность уничтожить следы, спрятать или реализовать похищенное. В то же время успешный осмотр места происшествия определяется как максимальным приближением его проведения к моменту совершения преступления, так и его правильной организацией. Среди организационных мероприятий следует выделить подготовительные действия. Так, до выезда на место происшествия следова-

телю надлежит: проверить, обеспечена ли работниками милиции надлежащая охрана места происшествия и организовано ли проведение оперативной работы, направленной на задержание преступников; определить круг лиц, которые должны выезжать вместе со следователем на место происшествия (оперативные работники милиции, сотрудники научно-криминалистической лаборатории, прокурор-криминалист, кинолог); предложить руководству организации или предприятия, где совершена кража, организовать проведение инвентаризации; проверить готовность научно-технических средств.

По прибытии на место происшествия следует: проверить выполнение поручений работниками милиции; удалить с места происшествия посторонних лиц; опросить очевидцев преступления и лиц, первыми его обнаружившими; побеседовать с работниками милиции, если они прибыли на место преступления раньше следователя; выяснить, какие изменения были внесены в обстановку места происшествия; решить вопрос о возможности применения служебно-розыскной собаки; принять меры к охране следов, обнаруженных в ходе предварительного осмотра; выяснить у сотрудников обворованного хранилища, что, по их мнению, похищено; в присутствии понятых выяснить у материально-ответственных лиц, не находились ли во взломанном хранилище денежные суммы и, если находились, то сколько, где, каково их происхождение.

Приступая к осмотру, необходимо тщательно изучить обстановку на месте происшествия, в частности место расположения хранилища, из которого совершена кража, подступы к нему, расположение постов охраны, если таковые имеются, способы и пути проникновения преступника в хранилище.

Как показывает следственная практика, на местности, окружающей взломанное хранилище, могут находиться различные следы и предметы: следы ног преступников, следы автомашины, различные предметы или части предметов, принадлежащих преступникам, брошенные или забытые предметы из числа похищенных и т. д. Поэтому целесообразно максимально расширить радиус осмотра, так как возможно, что следы, оставленные преступником, находятся и на значительном расстоянии от места происшествия, например на месте стоянки автомашины, на которой преступники прибыли к месту кражи и где выжидали момент, подходящий для ее совершения. В этом месте, кроме следов автомашины и ног преступников, можно обнаружить окурки, остатки пищи и иные вещественные доказательства. На значительном расстоянии от места кражи могут находиться упаковка, ярлыки, этикетки от похищенных товаров и т. д. О важности и значении критического отношения к доказательствам, обнаруженным при осмотре места происшествия, свидетельствует следующий пример. В магазине сельпо были похищены импортные товары. Преступники с места происшествия

скрылись. При осмотре выяснилось, что следы, обнаруженные на грунте возле магазина, и следы, обнаруженные возле автомобиля, на котором увозилось похищенное, отличались по размерам обуви. В ходе расследования было установлено, что преступник, дабы ввести следствие в заблуждение, переобулся в магазине, и, пройдя значительное расстояние от магазина до автомобиля, вновь одел старую обувь. Действия преступника были рассчитаны на то, что в случае фиксации первоначального следа невозможно будет произвести идентификационные исследования (По материалам УВД Минской области, 1980 г.).

Нельзя ограничиваться осмотром лишь того помещения, где находилось похищенное. Необходимо осмотреть все без исключения помещения обворованного объекта. Например, если взломанный сейф находится в комнате бухгалтерии, то кроме этой комнаты необходимо осмотреть прилегающие к бухгалтерии комнаты, а также комнаты сотрудников, имеющих отношение к работе бухгалтерии.

Поскольку совершение кражи связано с различными действиями преступников, направленными прежде всего на преодоление преград, чаще всего на месте совершения кражи со взломом обнаруживаются следы орудий взлома, пальцев рук, зубов, обуви, транспортных средств, реже — следы крови. В ряде случаев преступники оставляют на месте происшествия принадлежащие им различные предметы.

Следы орудий образуются в результате действий преступников, направленных на преодоление преград. Обычно в качестве объектов взлома фигурируют дверные и оконные запоры, двери, окна, стены, потолок или пол помещения хранилища, металлические кассовые ящики и сейфы. Эти следы весьма разнообразны, зависят они не только от вида орудия, но и от способа взлома, примененного преступником, а также от характера материала преодолеваемой преграды. На месте кражи наиболее часто остаются объемные следы, возникающие в результате удара, нажима, трения, разреза, распила, сверления. Они могут отражать индивидуальные особенности оставившего их орудия, что даст возможность произвести идентификационные исследования. Следы наслоения и отслоения передают особенности строения орудия в меньшей степени, чем объемные следы, отражая, и то не всегда, в основном общие его контуры. Однако путем химического исследования частиц веществ, переместившихся с орудия на объект или с объекта на орудие, можно установить их сходство с веществом, имеющимся на орудии или на объекте. По следам орудий взлома возможно установить не только вид орудия, использованного преступником, определить способ совершения взлома, но и произвести идентификацию орудия по его следам. Последнее обстоятельство особенно важно, так как установление того факта, что следы, обнаруженные на месте

взлома, оставлены орудием, изъятым у лица, подозреваемого в совершении кражи, могут служить одним из доказательств участия данного лица в преступлении.

По расположению следов взлома можно определить путь проникновения преступника к месту совершения кражи и путь, по которому он шел. Кроме того, в ряде случаев по следам взлома можно ориентировочно судить, совершен взлом одним или несколькими лицами, опытным либо неопытным взломщиком, какова его физическая сила, сколько времени затрачено на взлом. Более того, место нахождения взлома позволяет иногда определить, в какой мере взломщик был знаком с обстановкой на месте взлома. Об этом, в частности, можно судить по тому факту, что преодоление преграды было произведено в наиболее уязвимом месте, о чем мог знать только определенный круг лиц.

Осмотр взломанной строительной преграды следует начинать непосредственно с места взлома. При этом нельзя ограничиваться осмотром только данной преграды. Не менее тщательно рекомендуется осмотреть и другие преграды, мешающие преступнику проникнуть к месту нахождения интересующих его предметов, ибо нередко, приступив к устранению какой-либо преграды и видя, что ему не удастся ее преодолеть, преступник выбирает другую, менее прочную преграду, которую и преодолевает. При этом в местах таких неудачных попыток обычно остаются отчетливые следы орудий взлома, тогда как в местах, где преодоление преграды было доведено до конца, эти следы ввиду сильного разрушения самой преграды часто не сохраняются.

Осматривая следы взлома, следует обращать особое внимание на обнаружение различных веществ, которые могли отделиться от орудия в момент взлома (ржавчина, краска, масло и т. д.), а также отдельных частей от самого орудия взлома.

Осматривая взломанный замок, прежде всего нужно проверить, нет ли на нем следов пальцев рук преступника и частиц вещества, отделившегося от орудия взлома (частиц металла, краски и пр.). При осмотре ни в коем случае не следует разбирать или проверять состояние механизма замка, открывая или закрывая его настоящим ключом, так как эти действия неминуемо повлекут нарушение первоначального положения частей механизма и могут привести к уничтожению следов, имеющихся внутри замка. Рекомендуется избегать каких бы то ни было экспериментов со следами и предметами — вещественными доказательствами, ибо это может изменить первоначальное состояние следов и предметов, в результате чего эксперт-криминалист будет лишен возможности ответить на вопросы, которые перед ним поставит следователь.

Большое значение для выяснения и изобличения лиц, совершивших преступления, имеют следы пальцев рук, часто остав-

ляемые на месте происшествия. Принимая во внимание, что в ряде случаев следователю приходится осматривать глянцевые поверхности (стекло, металл, полированное дерево), возможно изъятие с места происшествия пороскопического следа отпечатков пальцев. Следы можно обнаружить на бумажной упаковке похищенных товаров или денег, на окрашенном подоконнике или на раме окна, через которое преступник проник в хранилище, а также на дверных ручках, оконных запорах и других предметах, к которым, судя по обстоятельствам, мог прикасаться преступник. При обнаружении следов рук следует учитывать, что эти следы могли быть оставлены лицами, не имеющими никакого отношения к преступлению. Поэтому если при осмотре обнаружены предметы со следами пальцев или ладоней, следует дактилоскопировать лиц из числа работников обворованного объекта, которые могли оставить следы до момента кражи в связи с выполняемой ими работой (продавец магазина, кассир, сторож и т. д.). Однако прежде чем дактилоскопировать указанных лиц, следует разъяснить им значение и цель такого мероприятия с тем, чтобы факт дактилоскопирования не был воспринят как действие, унижающее их достоинство. Если же при осмотре присутствует специалист, целесообразно поручить ему осмотреть узоры на пальцах указанных лиц.

В ряде случаев на месте происшествия обнаруживаются следы ног преступников и тех транспортных средств, которые имелись в их распоряжении. Поверхностные следы обуви обычно остаются на кусках бумаги, разбросанных на полу, отдельных товарах или на их упаковке, если преступник наступал на них ногами. Реже поверхностные следы обуви и транспортных средств встречаются на местности, прилегающей к хранилищу. Остаются они в случаях, когда преступник наступит запачканной обувью на гладкую поверхность или когда по такой поверхности пройдет транспорт, на колесах которого грязь, масло, влага и т. д. Иногда в этих следах отражаются индивидуальные особенности, позволяющие идентифицировать обувь подозреваемого лица и транспортное средство.

Большое криминалистическое значение имеют объемные следы обуви и транспортных средств, которые остаются на окружающей местности, иногда на значительном расстоянии от места происшествия, в частности на сырой, мягкой почве, на берегу ручья или реки, в местах перехода или переезда. По следам транспортных средств с помощью специалиста можно определить тип, модель транспортного средства, направление движения, место стоянки и т. п. Следы транспортного средства могут способствовать установлению преступника непосредственно «по горячим следам». Так, совершив хищение денег в конторе совхоза, преступники скрылись с места преступления на мотоцикле «ИЖ». По дороге к райцентру они вступили в перестрелку с оперативной группой милиции, следовавшей к месту

преступления. Бросив мотоцикл, преступники скрылись в лесу. Осмотрев мотоцикл, который был без государственных номерных знаков, следователь обратил внимание на номера двигателя и рамы (шасси) мотоцикла, проставленные заводом-изготовителем. Работникам ГАИ было дано задание и они по номерам двигателя и рамы (шасси) мотоцикла установили его владельца, что позволило через несколько часов задержать одного из лиц, участвовавших в краже (По материалам УВД Брянской области, 1980 г.).

Осматривая место кражи, совершенной из продуктовых магазинов, рекомендуется обращать внимание на обнаружение следов зубов, поскольку преступники в момент совершения кражи часто тут же на месте распивают спиртные напитки и закусывают продуктами, имеющимися в магазине. Известны случаи обнаружения таких следов на сыре, масле, конфетах и других продуктах. Иногда на месте кражи остаются следы крови преступника. Учитывая, что установление групповой и типовой принадлежности крови может иметь доказательственное значение, следы крови, обнаруженные на месте происшествия, должны быть изъяты.

Наряду со следами важную роль могут сыграть всевозможные предметы, часто оставляемые преступниками на месте совершения кражи со взломом. Такими предметами — вещественными доказательствами могут быть орудия взлома, веревки, мешки, забытые или брошенные преступниками, их одежда или обувь. Найденные предметы следует осмотреть с целью получения данных о личности владельца. Они могут быть получены в результате того, что на одежде и обуви, оставленных на месте происшествия, обнаруживаются различные метки, штампы, номера, надписи, билеты, квитанции и т. д.

В ходе осмотра следует уделить внимание собиранию данных, которые смогут облегчить розыск похищенного. С этой целью рекомендуется изъять и приобщить к делу различные этикетки, аттестаты, паспорта и фабричные ярлыки, оставшиеся на месте происшествия от похищенных товаров, а также упаковку, в которой находилось похищенное. Кроме того, при возможности рекомендуется приобщить к делу образцы, характеризующие похищенные товары. Особенно полезно это делать, если из хранилища похищены различные ткани. Наличие образцов, показывающих цвет и рисунок тканей, окажет большую помощь при розыске похищенного.

Особое внимание при осмотре места происшествия должно быть уделено выявлению признаков, указывающих на инсценировку кражи. К ним относятся: наличие следов, указывающих на совершение взлома преграды изнутри помещения, например на внутренней стороне стены хранилища имеются следы от орудия взлома, указывающие, что стену начали разрушать именно с этой стороны, и т. д.; расположение пролома в месте, не-

доступном для взломщика с внешней стороны помещения; отсутствие следов взлома, которые обязательно должны были быть при данном способе взлома; отсутствие иных следов, которые обязательно должны были бы быть при данном способе проникновения в хранилище, в частности отсутствие следов ног на снегу около пролома, сделанного в наружной стене хранилища, следов на пыли, покрывающей раму и подоконник взломанного окна, и т. д.; наличие на взломанном объекте повреждений, не позволяющих совершать действия, якобы учиненные преступником, например размеры пролома не позволяют проникнуть в него или проташить через него предмет, аналогичный предмету, о хищении которого заявлено.

Кроме перечисленных обстоятельств при осмотре места происшествия могут быть обнаружены и другие, которые позволяют предположить инсценировку кражи со взломом. Это следы, указывающие на искусственное облегчение совершения взлома, например отсутствие на винтовой нарезке запора, якобы вырванного при взломе, частиц древесины, что свидетельствует о вывертывании, а не вырывании винта. На возможную инсценировку кражи указывает и наличие на объекте взлома ничем не вызванных повреждений, обнаружение на месте происшествия излишнего беспорядка (бесцельное разбрасывание и порча товаров, бессмысленные разрушения и т. д.).

Поступила в редколлегию 04.01.83.

Г. А. Матусовский, д-р юрид. наук

Харьков

ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛАТЕНТНЫХ ХИЩЕНИЙ

Криминологические исследования показывают, что не все хищения государственного и общественного имущества, совершенные путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением¹, своевременно выявляются [2, с. 3; 5, с. 256]. В связи с этим борьба со скрытыми (латентными) хищениями весьма актуальна и их выявление² составляет важную задачу правоохранительных и контролирующих органов.

Совместные исследования криминологов и криминалистов НРБ, ГДР, ПНР и СССР, в которых участвовали и сотрудники

¹ В дальнейшем, если иное не оговорено, — хищения.

² Понятию «выявление хищений» придается тот смысл, что оно отражает более активное начало в обнаружении преступлений, свойственное криминалистике, рекомендации которой целесообразно применять как в сфере уголовного судопроизводства, так и в деятельности органов прокуратуры, БХСС, КРУ, предшествующей возбуждению уголовного дела [15, с. 111].

кафедры криминалистики Харьковского юридического института и Харьковского института радиоэлектроники [8; 9; 17, с. 21], позволили сформулировать ряд теоретических положений, практических рекомендаций, направленных на дальнейшее совершенствование практики раннего и полного выявления и расследования латентных хищений.

Исходным здесь являлось выяснение сущности криминалистической характеристики преступлений, в частности хищений.

Определение криминалистической характеристики преступления и ее элементов, несмотря на некоторые расхождения в литературе, все же не содержит существенных противоречий и общий их смысл сводится к тому, что данное понятие отражает те стороны преступлений (определенного вида и группы), которые необходимо учитывать в целях их выявления, полного, всестороннего и объективного расследования путем применения криминалистических методов, приемов и средств с учетом их уголовно-правовой и криминологической характеристик. Отметим, что при разработке системы элементов криминалистической характеристики преступлений основное внимание уделяется их номенклатуре и в то же время недостаточно анализируются закономерные связи между ними, на что уже указывалось в литературе [12, с. 56—57; 13, с. 20]. Большой интерес в этом отношении представляет положение о необходимости исследовать взаимосвязь элементов преступления, характеристика которой в криминологическом (и криминалистическом) аспекте раскрывает не юридическую конструкцию, а фактический механизм акта преступного поведения [6, с. 54—55]. Несомненно, что при исследовании криминалистической характеристики и построении ее модели прежде всего необходимо определить систему взаимосвязанных элементов. В литературе предлагается перечень таких элементов, не совпадающий у ряда авторов и носящий в некоторых случаях произвольный характер в результате включения в рассматриваемую систему элементов, лежащих за пределами самого события преступления. В этой связи вряд ли правильно включать в число элементов криминалистической характеристики такие, например, как следственные ситуации, поскольку этот элемент характеризует обстановку, складывающуюся в связи с расследованием преступления, т. е. обстановку, лежащую за его пределами. Иное дело, что в процессе совершения преступления и на момент его окончания складываются различные криминальные ситуации, характеризующие этапы развития преступной деятельности. Однако и это не дает оснований рассматривать их как элементы криминалистической характеристики в общепринятом смысле.

Для устранения отмеченных неточностей в понимании сущности криминалистической характеристики преступлений и ее элементов необходимо исходить из концепции единства и различия двух взаимосвязанных объектов исследования: «преступ-

ления» и «расследования преступления». В рамках первого из них складывается криминалистическая характеристика.

Построение объективной, действенной модели криминалистической характеристики хищений зависит от правильного учета рассмотренных положений, а также уголовно-правовой и криминологической характеристик этих преступлений и их классификаций. Как отмечается, «в основе системы частных криминалистических методик (но не разновидностей) должна лежать уголовно-правовая квалификация преступлений» [1, с. 197], определяющая содержание предмета доказывания, круг подлежащих доказыванию обстоятельств в зависимости от расследования той или иной группы преступлений.

В этом отношении представляет интерес положение, согласно которому достижение криминологических и криминалистических целей предопределяет потребность выделения специальных критериев уголовно-правовой типологии преступлений, обеспечивающих решение вопросов теоретико-прикладного характера [10, с. 63] и, в частности, построения классификации криминалистических методик расследования отдельных видов и определенных групп преступлений. Рассмотрение вопроса криминалистической классификации преступлений приводит к выводу, что уголовно-правовая классификация преступлений «является обоснованной и необходимой» и «пригодна в некоторой своей части и для решения ряда криминалистических задач» [11, с. 91].

В настоящее время наблюдается тенденция к переходу от практики разработки частных методик расследования отдельных видов преступлений, базирующейся на указанной основе, к расширению и углублению разработки методик по расследованию определенных групп преступлений, объединяемых сходством их криминалистических характеристик [16, с. 103—104]. В криминалистическом исследовании хищений в значительной степени используются данные криминологии, в частности, относящиеся к классификации структуры хищений, совершаемых должностными и материально-ответственными лицами, с учетом особенностей отраслей народного хозяйства, формы, способа, предмета, размера, продолжительности и количества эпизодов, удельного веса групповой преступности и рецидива [1, с. 200—201; 5, с. 256].

Изложенное позволяет заключить, что система криминалистической характеристики рассматриваемой формы хищений в основе своей должна строиться применительно к преступлениям, квалифицируемым по ст. 84 УК УССР (ст. 92 УК РСФСР), с дифференциацией и выделением в ней элементов, отражающих специфику определенной группы данного вида преступления в зависимости от особенностей отрасли и вида производства, в которых совершены хищения, примененных при этом способов и других факторов, отражаемых в системе элементов криминалистической характеристики хищений. Такую систему можно

представить в следующем виде: а) непосредственный предмет преступного посягательства (денежные средства; ценные бумаги; материальные ценности в виде сырья, топлива, в том числе продукции, не подлежащей реализации в розничной торговой сети, материалов, полуфабрикатов, готовых изделий (продукции, товаров), их потребительская ценность; б) место, условия и обстановка совершения хищений (отрасль, вид производства либо другой сферы деятельности, производственный участок, характер технологического процесса или операций, системы учета и отчетности, хранения и движения денежных средств и материальных ценностей, документооборота (оформления и движения плановых, проектных, лабораторных, технических, технологических, производственно-хозяйственных, учетных, бухгалтерских, управленческих, статистических и других документов), вид используемой, перерабатываемой, выпускаемой или реализуемой продукции; в) способы приготовления к хищению, совершению и сокрытию его; обстоятельства, обусловившие выбор расхитителями определенных способов хищений; последствия действий расхитителей, проявляющиеся в ходе приготовления, совершения, сокрытия преступления и детерминированные примененными способами хищений, их поведением в быту, общении по службе и т. п.; г) личность расхитителей, их криминогенные нравственные качества и психологические особенности, влияющие на формирование и осуществление преступных целей, создание преступной группы, распределение ролей между соучастниками и т. д.

Практическое значение системы элементов криминалистической характеристики хищения состоит в возможности определять основные направления, в которых протекает процесс формирования признаков (следов) преступления (процесс следообразования), их проявления и проследивать закономерные связи между ними.

Характерно, что предложенные классификации типичных признаков преступлений [1, с. 265; 4, с. 90—100] в целом соответствуют системе основных элементов криминалистической характеристики хищений в силу общности для них системы элементов состава преступления и предмета доказывания по уголовным делам. Типичные признаки хищений представляют собой ту часть содержания криминалистической характеристики, через которую осуществляется познание события преступления, в связи с чем они становятся связующим звеном между этим событием и деятельностью по его выявлению и расследованию.

Рассмотренные положения, касающиеся характеристики хищений, дают возможность перейти к выяснению особенностей латентных хищений, основных их свойств, составляющих основу для разработки модели криминалистической характеристики. Одним из исходных моментов в таком исследовании является определение самого понятия латентных хищений, трактуемое

как преступления, «о которых никогда не становится известно правоохранительным органам и потому не вскрытых и не отраженных в учете, а также и тех, которые становятся известными и отражаются в учете с большим опозданием (не менее года)» [17, с. 11]¹.

Данное понятие в целом отражает сущность латентных хищений и конкретизируется в различных аспектах: криминологическом как совокупность преступлений, не включенных в уголовно-правовую статистику; криминалистическом — как совокупность не обнаруженных и не раскрытых преступлений соответствующими государственными органами; процессуальном — как совокупность преступлений, совершение которых не повлекло юридических последствий: возбуждения и разрешения дела в порядке уголовного судопроизводства, рассмотрения дела в товарищеском суде [14, с. 50—51].

Изучение латентных хищений дает основание рассматривать данную группу преступлений как отличающуюся от других хищений характерологическими особенностями, лежащими в плоскости криминалистического подхода к проблеме. При этом учитывается криминологическая оценка, в соответствии с которой латентная преступность обуславливается теми же причинами, что и все хищения, однако при наличии объективных и субъективных факторов, предопределяющих открытый характер данной совокупности хищений [7, с. 55]. Наряду с этим высказано мнение, что «если обратиться к криминалистической характеристике скрытых хищений, можно увидеть, что они не отличаются от иных хищений» [17, с. 13]. В обоснование приводятся доводы, согласно которым нельзя назвать никаких особенных способов скрытых хищений, свойственных только им, кроме того, что в них чаще всего повторяются такие свойства², как длительность периода совершения хищений; особенности маскировки хищений — участие в этих действиях счетных работников, специалистов-технологов, товароведов и других категорий работников; частое участие представителей различных хозяйственных звеньев; совершение значительными по численности группами лиц [17, с. 13]. Выделяют еще и такие свойства латентных хищений, как ухищренность способов совершения и сокрытия;

¹ Следует иметь в виду, что, по мнению участников исследования проблемы, дать однозначный ответ на вопрос о том, с какого момента преступление может быть отнесено к категории латентных, весьма затруднительно. Каждое посягательство на социалистическое имущество с самого начала его совершения тот или иной период времени остается скрытым от контролирующих и правоохранительных органов, хотя при соответствующих благоприятных условиях оно должно было бы выявляться сразу. Поэтому установление «периода латентности», на наш взгляд, следует рассматривать как один из вариантов, избираемых в исследовании проблемы и необходимых для установления определенных критериев.

² В литературе для обозначения элементов, характеризующих латентные хищения, применяют и другие наименования: черты, факторы.

участие в группе расхитителей должностных и материально-ответственных лиц; высокая доля участия в преступлениях различных категорий счетных работников; участие в группе расхитителей лиц, ранее уже совершавших преступления. Из всего этого, однако, делается вывод, что перечисленные особенности в своей совокупности характерны для скрытых хищений [17, с. 13]. Данное положение требует некоторого уточнения.

Прежде всего названные свойства скрытых хищений не равнозначны по степени отражения в них признаков латентности. В связи с этим из перечисленных свойств целесообразно выделить те, которые являются главными, существенными и необходимыми для характеристики латентных хищений. В этом смысле на первый план следует выдвинуть такое свойство, как длительность периода совершения хищений, не вскрытых и не отраженных в учете, а также тех, которые стали известными и отражены в учете несвоевременно. Данное свойство, определяющее сущность латентных хищений, является главным и необходимым и представляет собой ту грань, которая отделяет их от хищений, выявляемых своевременно.

Другое существенное свойство латентных хищений характеризуется факторами, прямо или косвенно содействующими скрытому характеру хищений. К таким факторам субъективного порядка относятся избрание и применение расхитителями соответствующих способов сокрытия преступления, поскольку это прямо способствует длительности периода хищения. Названное свойство в значительной степени проявляется в признаках, которые могут указывать на меры по сокрытию, предпринимаемые расхитителями, и тем самым дать основание для выдвижения версии о делящемся хищении.

К факторам объективного характера, затрудняющим раскрытие хищений, относятся наличие существенных изменений и усложнений технологического процесса производства, увеличение и усложнение финансовых связей и т. п. В этих условиях расхитители, приспособляясь к совершенствующемуся характеру производства, в свою очередь видоизменяют способы хищения и прежде всего приемы их сокрытия [8, с. 55], в результате чего возможно проявление ранее неизвестных признаков преступления, отражающееся на криминалистической характеристике.

Исследование латентных хищений показывает, что значительная часть применяемых расхитителями способов преступления сама по себе содержит элементы сокрытия. Однако степень результативности сокрытия хищений зависит от ряда факторов, не всегда учитываемых расхитителями, вследствие чего маскировочные меры не достигают целей. Характерно, что «три четверти должностных хищений маскируются чаще всего путем подлогов, сокрытия или уничтожения документов...» [5, с. 257]. Очевидно, что такие способы сокрытия,

как правило, не создают для контролирующих и правоохранительных органов большой сложности в выявлении признаков хищения.

Теоретический аспект исследования криминалистической характеристики хищений предопределяет выяснение реальности практического приложения полученных научных результатов. В этой связи разработка проблемы латентных хищений в рассматриваемом плане открывает определенные возможности благодаря использованию экономико-математических методов, реагирующих на ранее не учитывавшиеся признаки этих преступлений и позволяющих распознавать рассогласование технико-экономических показателей [9].

Список литературы: 1. *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики: В 3-х т. — М.: РИО Академии МВД СССР, 1979. — Т. 3. 408 с. 2. *Выявление скрытых хищений средствами экономического анализа, а также путем совершенствования деятельности контрольно-ревизионных аппаратов:* Сб. науч. тр./Всесоюз. ин-т Прокуратуры СССР. — М., 1977. — 228 с. 3. *Выявление скрытых хищений:* Сб. науч. тр./Всесоюз. ин-т Прокуратуры СССР. М., 1980. — 216 с. 4. *Густов Г. А., Танасевич В. Г.* Признаки хищений социалистической собственности. — В кн.: Вопросы совершенствования предварительного следствия: Сб. ст./Ин-т усовершенствования следственных работников. Л., 1971, с. 87—102. 5. *Криминология.* — М.: Юрид. лит., 1979. — 304 с. 6. *Кудрявцев В. Н.* Взаимосвязь элементов преступления. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1976, вып. 25, с. 54—66. 7. *Куранова Э. Д., Шрага И. Л.* Актуальные проблемы латентных хищений. — В кн.: Выявление скрытых хищений: Сб. науч. тр./Всесоюз. ин-т Прокуратуры СССР, Горьк. ВШ МВД СССР. М., 1981, с. 54—68. 8. *Матусовский Г. А., Суетнов В. П.* Вопросы выявления хищений социалистического имущества. — В кн.: Выявление скрытых хищений средствами экономического анализа, а также путем совершенствования деятельности контрольно-ревизионных аппаратов: Сб. науч. тр./Всесоюз. ин-т Прокуратуры СССР, М., 1976, с. 38—40. 9. *Матусовский Г. А., Бодянский Е. В., Плис И. П.* Вопросы выявления признаков латентных хищений с помощью математических моделей. — В кн.: Выявление скрытых хищений: Сб. науч. тр./Всесоюз. ин-т Прокуратуры СССР, Горьк. ВШ МВД СССР, М., 1981, с. 71—75. 10. *Образцов В. А., Ястребов В. Б.* О комплексном подходе к проблемам борьбы с преступлениями, совершаемыми в народном хозяйстве. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1978, вып. 29, с. 56—66. 11. *Образцов В. А.* О криминалистической классификации преступлений. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1980, вып. 32, с. 90—98. 12. *Селиванов Н. А.* Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования. — Соц. законность, 1977, № 2, с. 56—59. 13. *Селиванов Н. А.* Состояние и перспективы исследования проблем борьбы с правонарушениями. — Соц. законность, 1982, № 4, с. 18—20. 14. *Танасевич В. Г., Шрага И. Л., Орлов Я. В.* Проблема выявления хищений социалистического имущества. — Вопросы борьбы с преступностью, 1975, вып. 23, с. 47—63. 15. *Танасевич В. Г.* О предмете советской криминалистики (в порядке обсуждения). — Вопросы борьбы с преступностью, 1976, вып. 24, с. 108—130. 16. *Танасевич В. Г., Образцов В. А.* О криминалистической характеристике преступлений. — Вопросы борьбы с преступностью, 1976, вып. 25, с. 94—104. 17. *Танасевич В. Г.* К итогам совместного исследования проблемы «Выявление скрытых хищений средствами экономического анализа, а также путем совершенствования деятельности контрольно-ревизионных аппаратов». — В кн.: Выявление скрытых хищений: Сб. науч. ст./Всесоюз. ин-т Прокуратуры СССР. М., 1980, с. 8—24.

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ
В РЫБНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ**

Своеобразие криминалистической обстановки хищений рыбной продукции. Криминалистическая обстановка хищений рыбопродуктов представляет собой обобщенную сумму факторов, которые в совокупности обуславливают выбор расхитителем определенного способа хищения и проявляются главным образом в специфике производственно-хозяйственной деятельности предприятий и организаций рыбной промышленности, в характеристике типичных нарушений, недостатков, отступлений от установленного порядка производственно-хозяйственной деятельности этих предприятий, в особенностях обстоятельств места и времени совершения хищений. Так, по многим делам о хищениях рыбы-сырца следователи, изучая обстановку совершения преступления, устанавливали, что и рыбодобывающая промышленность еще не располагает надежными и объективными приспособлениями и приборами для определения количественных показателей улова непосредственно на борту добывающего судна. Кроме того, предусмотрен порядок, в соответствии с которым учитывается только обработанная рыба, а если такая обработка на борту не производится, то основанием для учета улова являются данные, определяемые только при его сдаче. Указанные производственно-хозяйственные особенности функционирования рыбодобывающих организаций и обусловили в основном выбор рыбаками-добытчиками приема хищения, суть которого состоит в сокрытии от оприходования или сдачи фактического улова.

Действия расхитителя не являются простой реакцией на складывающуюся обстановку. Преломляясь через его психофизиологические качества, она вызывает те или иные варианты поведения. В свою очередь, расхититель при определенных условиях также может активно влиять на окружающую его обстановку, искусственно создавая определенные ее элементы, например, дача взяток должностным лицам, контролирующим выпуск и учет готовой продукции.

Отсюда следует, что действия расхитителя по подготовке и совершению хищений рыбопродуктов отражаются в окружающей его обстановке, вследствие чего она сама, да и преступник, становятся носителями криминалистической информации. Моделирование обстановки, в которой действовал расхититель, позволяет определить ее элементы, которые были с ним в контакте и претерпели изменения, а это дает возможность более эффективно вести поиск следов. В свою очередь, следы, отраженные в окружающей обстановке, позволяют восстановить картину преступного события.

Криминалистические особенности непосредственного предмета преступного посягательства. В структуре хищений, совершаемых в рыбной промышленности, наибольший удельный вес (свыше 60%) занимают хищения рыбопродуктов (рыбы-сырца, полуфабрикатов из нее, готовой продукции, а также некоторых морепродуктов животного происхождения), т. е. непосредственным предметом хищения являются материальные ценности. Они по сравнению с деньгами обладают более широким диапазоном особенностей и свойств, дающих возможность с большей эффективностью использовать их в целях выявления и качественного расследования хищений. Как показывает практика, физико-химические свойства рыбы определяют прежде всего выбор определенного приема по созданию резерва для хищений.

Особенность физико-химического состава рыбы состоит в том, что она содержит в себе воду (52—82%), азотистые и минеральные вещества, жиры, углеводы, витамины. Совокупность этих составляющих может по-разному влиять на изменения в весе партии рыбопродуктов. Так, существенно влияет на вес рыбы усушка, т. е. способность рыбы терять часть воды, которая возрастает с увеличением времени соприкосновения с воздухом в процессе замораживания и хранения в условиях низких температур. В процессе посола также наблюдается уменьшение веса рыбы за счет потери воды, вместе с которой в тузлук (солевой раствор) переходит часть азотистых, минеральных веществ и жира. Эти особенности обычно используются расхитителями для умышленного списания завышенного количества рыбы на указанные потери. Наличие в составе рыбы воды используется преступниками для извлечения неучтенной продукции при таких видах обработки, как консервирование, копчение, вяление, общими чертами которых является применение повышенного температурного режима, вследствие чего рыба теряет вес. Умышленное сокращение времени термической обработки приводит к избыточной влажности выпускаемой рыбной продукции, а следовательно, к увеличению веса партии рыбы. Так, по целому ряду дел о хищениях из рыбообрабатывающих цехов завышение веса за счет повышенной влажности составляло в среднем 5—7% выпускаемой продукции.

Готовая вяленая, сушеная и копченая рыба, напротив, обладает свойством гигроскопичности (поглощение влаги) и за счет этого при определенных условиях удается добиться необоснованного увеличения ее веса. Предметом хищения в подавляющем большинстве случаев становится рыба более ценных видов, родов и семейств, а среди видов — более высокого сорта. Заинтересованность преступников в хищении рыбопродуктов, пользующихся повышенными потребительскими свойствами, в значительной мере объясняется тем, что такие товары реализуются в более краткий срок, что сокращает время проведения преступной операции, уменьшает риск разоблачения.

Таким образом, сведения об особенностях предмета хищения в совокупности с анализом информации об обстоятельствах, существующих на предприятиях, и другими элементами криминалистической характеристики могут быть использованы для выдвижения и конкретизации версий по делу.

Характеристика личности субъекта преступления. Для более полного представления о личности расхитителей, действующих в рыбной промышленности, необходимо выделять их должностное положение, профессиональные навыки и знания, знания определенных способов хищений и их конкретного содержания, особенности социальных связей, устанавливаемых ими в процессе подготовки, совершения или сокрытия преступления, психологические качества личности. Эти данные могут помочь установить замаскированные способы совершения хищений рыбопродукции.

Характеристика способов хищений, применяемых в рыбной промышленности. Практика показывает, что в стадии добычи рыбы основным и наиболее часто применяемым приемом по предварительному созданию резервов для последующего хищения является сокрытие от оприходования фактического улова, иногда с фальсификацией данных об этом.

Особенность же способов хищений, используемых расхитителями-приемщиками, состоит в том, что они, обманывая рыбодобытчиков, могут создавать неучтенные излишки посредством использования завышенных поправочных коэффициентов, учитывающих на рыбе остаточную влагу, обвешивают сдатчиков путем применения неисправного мерного или весового оборудования или определения улова «на глаз». Нередко встречаются случаи, когда созданные таким образом излишки по договоренности с капитанами добывающих судов засчитываются последними в счет выполнения плана, за что им начисляется зарплата и премии. Иногда расчет по такой операции носит форму «покупки приемной квитанции».

Наиболее типичными приемами по созданию неучтенных излишков в стадии рыбообработки являются применение норм потерь сырья, не соответствующих фактическому выходу; умышленное нарушение технологии обработки, что приводит к завышенному содержанию воды в рыбе. Неучтенные излишки рыбопродуктов могут передаваться для дальнейшей реализации представителям торговой сети и предприятий общепита, приемщикам рыбы на транспортно-рефрижераторных судах и приемных пунктах, спекулянтам и даже иностранным гражданам за инвалюту. Так, капитан одного из судов по предварительному сговору со старпомом, тралмастером и другими должностными лицами создали во время промысла излишки рыбной продукции за счет сокрытия фактически добытого. Во время стоянки в порту излишки были изъяты и проданы, чем причинен

ущерб на сумму 7114 р. (Архив Кировского нар. суда г. Керчи, 1979, дело № 1—43).

Для вывоза похищаемой рыбы используются разнообразные приемы. Наиболее опасно, например, применение бланков неучтенных учетных документов и качественных удостоверений, которые уничтожаются после проведения преступной операции.

Поступила в редколлегию 14.01.83.

В. Я. Т а ц и й, канд. юрид. наук

Харьков

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ХОЗЯЙСТВА КАК ОБЪЕКТ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В литературе проблема объекта хозяйственных преступлений решается противоречиво, хотя она является одной из основных в борьбе с этими преступлениями. В последние годы в отношении объекта хозяйственных преступлений сложились два основных направления. Если одни авторы признают в качестве родового объекта социалистическое хозяйство, то другие — социалистическую систему хозяйства. Поскольку эти мнения уже рассматривались, укажем, что таким объектом следует считать социалистическую систему хозяйства.

Под социалистической системой хозяйства понимают планомерно организованное общественное производство, базирующееся на общественной собственности на орудия и средства производства. Поэтому в ее состав включаются: совокупность отраслей и видов производства; система общественно-производственных отношений; организационная структура народного хозяйства и соответствующая ей система планового управления [7, с. 21—26; 2, с. 32].

Таким образом, социалистическая система хозяйства базируется прежде всего на общественной собственности на орудия и средства производства. Более того, социалистическая собственность выступает первоосновой социалистической системы хозяйства, определяет ее сущность и основной характер деятельности. Отношения социалистической собственности, однако, не входят непосредственно в социалистическую систему хозяйства в качестве самостоятельного системообразующего его элемента. Вместе с тем социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства составляют экономическую основу СССР.

Правильное понимание этого вопроса имеет важное значение и для уголовного права. Дело в том, что экономическая основа СССР — объект ряда особо опасных государственных преступлений (вредительства — ст. 61 УК УССР, диверсии — ст. 60 УК

и др.). Поэтому констатация факта, что преступлением причинен ущерб экономической основе СССР, дает основание рассматривать данное деяние как особо опасное государственное преступление, способствует его отграничению от таких смежных преступлений, как умышленное уничтожение или повреждение социалистического имущества (ст. 89 УК) или приписки и иные искажения отчетности о выполнении планов (ст. 147¹ УК). Объектом последних преступлений, как известно, является не вся экономическая основа, а лишь отдельные образующие ее части — отношения социалистической собственности и социалистической системы хозяйства.

Верное решение вопроса о соотношении социалистической собственности и социалистической системы хозяйства позволяет определить и внутреннюю структуру последней. Социалистическая система хозяйства — сложное системное образование, которое представляет собой определенную совокупность экономических отношений, обуславливающих функционирование социалистического хозяйства на определенном этапе развития нашего общества. Отметим, что в философской и социологической литературе наиболее распространено мнение о том, что составными элементами общественного отношения являются: 1) носители (субъекты) отношения; 2) предмет, по поводу которого существует отношение, или, иначе говоря, факторы, опосредствующие возникновение и существование такой взаимосвязи; 3) общественно значимая деятельность (социальная связь) как содержание отношений [5, с. 42]. Такое решение вопроса о внутренней структуре общественного отношения представляется принципиально правильным, вполне соответствует потребностям любых отраслей советского права. Укажем, что и структура любого общественного отношения всегда неизменна. Поэтому в структуру социалистической системы хозяйства прежде всего входит само социалистическое хозяйство, т. е. определенная совокупность отраслей производства и труда. Причем социалистическое хозяйство занимает особое место в этой системе, ибо вся его деятельность направлена на обеспечение нормального функционирования и развития социалистического хозяйства. Таким образом, социалистическое хозяйство является фактором, по поводу которого и в связи с которым существуют отношения социалистической системы хозяйства. Отсюда вытекает, что социалистическое хозяйство выступает в качестве предмета всей совокупности отношений, которые образуют социалистическую систему хозяйства.

Такая характеристика предмета отношений, выступающих объектом хозяйственных преступлений, способствует определению и границ действия уголовно-правовой нормы, выяснению механизма преступного воздействия на сам объект, а равно установлению ущерба, причиненного совершенным преступлением, и др.

Большинство хозяйственных преступлений причиняет ущерб социалистической системе хозяйства именно путем непосредственного воздействия на предмет этих отношений, т. е. на социалистическое хозяйство. Например, анализ отрицательных последствий выпуска недоброкачественной промышленной продукции показывает, что этим преступлением причиняется самый разносторонний вред социалистической системе хозяйства на всех этапах социалистического расширенного воспроизводства. Здесь в большинстве случаев терпят ущерб не только предприятие, изготовившее такую продукцию, и соответствующая отрасль хозяйства, но и иные отрасли социалистического хозяйства, а равно хозяйственные интересы отдельных лиц. В свою очередь, причинение ущерба отдельным отраслям хозяйства, как и социалистическому хозяйству в целом, сказывается на нормальном функционировании всей социалистической системы хозяйства.

Механизм причинения ущерба социалистической системе хозяйства аналогичен и при совершении преступлений в области сельского хозяйства (ст. 157—159 УК), а также в сфере услуг (ст. 152—156¹ УК). Ввиду того что названные преступления причиняют ущерб объекту посредством посягательства на предмет охраняемого общественного отношения, социалистическое хозяйство в этих случаях выступает одновременно и как предмет преступного воздействия. Таким образом, при совершении указанных преступлений предмет преступного воздействия совпадает с предметом охраняемого уголовным законом общественного отношения. Этот вывод имеет большое значение для правильного выяснения характера и размера причиненного преступлением ущерба.

Предмет отношений, охраняемых уголовным законом, важен для определения не только характера самих этих отношений, но и их объема, а также границ действия уголовного закона. Поскольку предметом таких отношений является социалистическое хозяйство, то очевидно, что хозяйственными преступлениями могут признаваться лишь те общественно опасные деяния, которые совершаются в различных отраслях производства и труда. Поэтому, например, если лицо занимается возмездной посреднической деятельностью, оказывая содействие в заключении брака, то такие действия не могут быть квалифицированы по ст. 151 УК, поскольку они совершены вне сферы функционирования отраслей социалистического хозяйства.

Сказанное не исключает необходимости выделять и предмет отдельных хозяйственных преступлений. К таким предметам следует отнести указанные в диспозициях статей УК вещи материального мира, с определенными свойствами которых законодатель связывает вопрос о наличии в действиях лица признаков конкретного состава хозяйственного преступления. Так, в законе непосредственно указывается на предметы таких преступлений,

как самогоноварение (ст. 149 УК), преступно-небрежное использование или хранение сельскохозяйственной техники (ст. 147² УК) и др. В подобных случаях предмет преступления является обязательным признаком состава, а само преступление считается предметным.

В состав отношений социалистической системы хозяйства, как и любых других, входят и их субъекты (участники). В качестве таких субъектов выступает прежде всего человек, но не изолированный индивид, а представитель общества, неразрывно связанный с хозяйственной деятельностью других людей и других субъектов экономических отношений. Иными словами, речь идет о человеке как участнике того системного образования, которое называется социалистической системой хозяйства. «Отдельный же человек выступает элементом этой общности, которая наделяет его системным качеством, превращает в социального человека. Только в результате такой трансформации появляется человек — первичный элемент системы экономических субъектов» [4, с. 34].

Обязательным участником любых экономических отношений, в том числе рассматриваемых, является социалистическое государство, которое в этом случае выступает лишь как своеобразная форма, определяющая положение субъектов в экономических отношениях. Речь идет о государстве как выразителе экономических интересов всего народа, как об определенной социально-исторической общности людей. Решая от имени общества задачи социалистического хозяйствования, государство выступает и субъектом такого хозяйствования, организатором всего процесса социалистического воспроизводства. Отсюда очевидно, что «...законы социализма проявляются через деятельность людей, организуемых и направляемых социалистическим государством» [6, с. 81]. Поэтому государство как управляющий хозяйственный субъект координирует, согласовывает индивидуальную хозяйственную деятельность отдельных субъектов как друг с другом в рамках социалистической системы хозяйства, так и с обществом в целом. Эффективность такой управленческой деятельности особенно возрастает на этапе развитого социализма, когда достигается наибольшее единство интересов и отдельных лиц, и всего общества (государства) в успешном функционировании социалистического хозяйства.

Однако сказанное не означает, что уже на данном этапе развития нашей экономики происходит полное совпадение интересов человека и общества в системе экономических отношений. В условиях социализма еще сохраняются определенные противоречия между индивидуальными экономическими интересами и интересами всего общества. Чаще всего эти противоречия (конфликтные ситуации) возникают тогда, когда лицо стремится удовлетворить уже создавшиеся у него экономические потребности

сти без учета возможностей общества или того общественно полезного труда, который он затратил.

В тех случаях, когда такое поведение субъектов экономических отношений находится в наибольшем противоречии с интересами общественного производства, когда оно причиняет значительный вред экономическим отношениям, законодатель устанавливает уголовную ответственность за такие деяния. Поэтому вся система хозяйственных преступлений в конечном счете производна от тех конфликтных ситуаций, которые возникают в системе анализируемых экономических отношений между индивидуальными и общественными интересами, а также теми средствами, которые избираются для удовлетворения индивидуальных интересов в ущерб общественным.

Изложенное позволяет заключить, что хозяйственные преступления совершаются только в сфере взаимодействия экономических отношений между государством и его отдельными гражданами.

Выяснение субъектного состава отношений, выступающих родовым объектом хозяйственных преступлений, способствует правильному решению этого вопроса и применительно к непосредственным объектам отдельных хозяйственных преступлений. В свою очередь, установление субъектного состава отношений, выступающих объектом конкретных хозяйственных преступлений, позволяет определить и механизм причинения ущерба такому объекту. Однако этот механизм будет различен в зависимости от того, совершает хозяйственное преступление сам участник охраняемого отношения либо лицо, которое не является субъектом данных отношений.

Когда преступление совершает сам участник охраняемого общественного отношения, ущерб его объекту наносится в результате того, что лицо, совершая преступные действия, как бы исключает себя из того общественно полезного и поэтому охраняемого законом отношения. В таких случаях лицо не исполняет, либо ненадлежаще исполняет возложенные на него обязанности, чем и разрывает эту социальную связь [3, с. 51]. Именно таков механизм причинения ущерба объекту при совершении приписок и иных искажений отчетности о выполнении планов, выпуске недоброкачественной промышленной продукции, получении незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения (ст. 155² УК), нарушении правил торговли (ст. 155³ УК) и др. Во всех этих случаях виновные в силу занимаемой должности, служебных полномочий, трудовых обязанностей и т. д. всегда выступают участниками именно тех отношений, которые охраняются названными уголовно-правовыми нормами. Таким образом, отмеченный механизм причинения ущерба охраняемому отношению имеет место только при совершении преступлений со специальным субъектом. Именно в этих случаях хозяйственное преступ-

ление совершается как бы «изнутри» самого отношения, выступающего объектом преступления.

Иным будет механизм причинения ущерба охраняемому уголовным законом объекту, когда хозяйственное преступление совершает лицо, не являющееся участником этих отношений. В таких случаях преступление совершается как бы «извне»: это занятие запрещенным промыслом (ст. 148 УК), самогонование, частнопредпринимательская деятельность (ст. 150 УК), спекуляция (ст. 154 УК) и некоторые другие. Например, очевидно, что лицо, занимающееся самогонованием, не является участником тех социально одобренных и охраняемых законом отношений, которые направлены на борьбу с самогонованием в нашей стране. Во всех этих случаях виновный как бы «разрывает» те или иные отношения социалистической системы хозяйства, проникает в них и путем воздействия либо на предмет отношения, либо на саму социальную связь этих отношений причиняет ущерб объекту преступления.

Как и в любом другом отношении, социальная связь социалистической системы хозяйства отражает внутреннее содержание этого отношения, в ней проявляются основные свойства и сама сущность анализируемого экономического образования. Если при этом учесть, что вовне социальная связь проявляется в различных формах человеческой деятельности, то нетрудно установить, что социальная связь рассматриваемых отношений выражается в деятельности участников этих отношений, которая направлена на обеспечение нормального функционирования и развития социалистического хозяйства. Иными словами, социальную связь вовне характеризует хозяйственный механизм или, что одно и то же, механизм социалистического хозяйствования. Под хозяйственным механизмом обычно понимают способ планового ведения общественного производства, который обеспечивает согласованную, скоординированную деятельность людей и тем самым использование присущих социализму экономических законов [1, с. 10; 6, с. 83]. В экономической литературе отмечается, что его структурными элементами являются: формы организации общественного производства, формы и методы управления экономикой, существующие экономические связи в народном хозяйстве, экономические стимулы и рычаги воздействия на производство, социально-психологические факторы воздействия на производство и др. Кроме того, хозяйственный механизм включает в себя не только определенные связи и отношения, складывающиеся в процессе социалистического хозяйствования, но и экономическую политику, часть надстроечных отношений и др. [6, с. 83].

Поэтому следует признать, что хозяйственный механизм является выразителем всей совокупности организационно-экономических связей, взаимодействий, в конечном счете конкретных отношений, направленных на обеспечение нормального функ-

ционирования и развития социалистического хозяйства. Именно такая совокупность связей между хозяйствующими субъектами конкретных отношений социалистического хозяйствования отражает социальную связь отношений, выступающих родовым объектом хозяйственных преступлений. В то же время анализ непосредственных объектов отдельных хозяйственных преступлений показывает, что большинство из них посягает на конкретные отношения в различных отраслях социалистического хозяйства и причиняет непосредственный ущерб конкретным отношениям в рамках хозяйственного механизма. Это приписки и иные искажения отчетности о выполнении планов, частнопредпринимательская деятельность, занятие запрещенным промыслом, коммерческое посредничество, изготовление, хранение и сбыт самогона и других крепких спиртных напитков домашней выработки. Все эти преступления непосредственно причиняют ущерб не социалистическому хозяйству как предмету анализируемых отношений, а совершаются в сфере действия хозяйственного механизма и причиняют ущерб отношениям, складывающимся в различных сферах его деятельности.

Приведенный перечень преступлений, посягающих непосредственно на механизм социалистического хозяйствования, свидетельствует, что они причиняют ущерб не всей совокупности отношений хозяйствования, а только их двум группам: 1) отношениям, обеспечивающим плановую деятельность социалистического общественного производства; 2) отношениям, регулирующим порядок занятия различными промыслами и другими видами индивидуальной хозяйственной деятельности. Таким образом, только эти две группы отношений хозяйственного механизма в настоящее время поставлены под охрану уголовного закона или, иными словами, определены законодателем как объекты указанных хозяйственных преступлений.

Изложенное подтверждает, что объектом хозяйственных преступлений могут быть лишь социально одобренные отношения (социальная связь) социалистического хозяйствования и именно те отношения, в успешном функционировании и развитии которых заинтересовано все общество. Поэтому, например, объектом выпуска недоброкачественной промышленной продукции могут быть лишь отношения, социальная связь которых направлена не на выпуск, а на предотвращение выпуска такой продукции из промышленного предприятия.

Преступления, предметом преступного воздействия которых является социальная связь, могут причинить ущерб объекту путем как разрыва (уничтожения) конкретных связей социалистического хозяйствования, так и ее изменения. Так, разрыв социальной связи имеет место, когда преступление совершается самим субъектом охраняемого общественного отношения. В этих случаях преступление совершается как бы «изнутри», поскольку его участник «исключает себя» из общественного отношения.

Ущерб же объекту здесь причиняется в результате того, что сам участник отношения либо не выполняет, либо ненадлежаще выполняет возложенные на него обязанности (например, при выпуске недоброкачественной промышленной продукции из промышленного предприятия). Иной механизм причинения ущерба социалистической системе хозяйства имеет место тогда, когда преступное посягательство на социальную связь отношений хозяйствования совершает лицо, не являющееся участником того отношения, которое поставлено под охрану конкретного уголовного закона (например, при занятии запрещенным промыслом).

Список литературы: 1. *Абалкин Л. И.* Хозяйственный механизм развитого социалистического общества. — М.: Мысль, 1973. — 262 с. 2. *Колосова Н. Д.* Собственность в развитом социалистическом обществе. — Л.: Лениздат, 1974. — 156 с. 3. *Коржанский Н. И.* Объект посягательства и квалификация преступлений. — Волгоград, 1976. — 51 с. 4. *Логвиненко В. К., Лыско Л. Р.* Субъекты общественного производства. — К.: Вища школа, 1980. — 160 с. 5. *Пивцайкин Г. И.* Сущность общественных отношений развитого социализма: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Минск, 1978. — 42 с. 6. *Хозяйственный механизм и его совершенствование на современном этапе.* — К.: Вища школа, 1979. — 302 с. 7. *Цивадзе Д. Ю.* Управление социалистической экономикой. — М.: Юрид. лит., 1975. — 328 с.

Поступила в редколлегию 11.01.83.

А. И. Перепелица, канд. юрид. наук

Харьков

ЗАНЯТИЕ ЗАПРЕЩЕННЫМ ПРОМЫСЛОМ И СМЕЖНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Занятие запрещенным промыслом и частнопредпринимательская деятельность. Прежде всего рассматриваемые составы различаются по объекту преступного посягательства. Если при занятии запрещенным промыслом посягательство непосредственно происходит на отдельные принципы социалистического хозяйствования и лишь в некоторых случаях на всю систему принципов, то при занятии частнопредпринимательской деятельностью, в силу того, что она прикрывается формами социалистических предприятий, учреждений и организаций, ущерб всегда причиняется системе принципов.

Вместе с тем основное различие между этими преступлениями следует проводить по их внешней стороне. При занятии запрещенным промыслом круг деятельности, осуществляемой виновным, ограничен специальным запрещением. Частнопредпринимательская же деятельность охватывает более широкую сферу, включая и специально запрещенную деятельность. Однако главное отличие этих преступлений состоит в том, что частнопредпринимательская деятельность всегда совершается под прикрытием форм социалистических предприятий, учрежде-

ний и организаций, в то время как занятие запрещенным промыслом осуществляется без такого прикрытия.

Прикрытие социалистическими формами означает использование виновным авторитета, различных прав и льгот, предоставляемых социалистическим организациям для извлечения частнопредпринимательской наживы. Именно использование этих форм позволяет виновному осуществлять преступную деятельность. Использование государственных, кооперативных или общественных форм может, в частности, выражаться в следующем: в создании частнопредпринимательского предприятия, организации, учреждения или в иной частнопредпринимательской деятельности под ложной государственной или общественной вывеской (например, создание лжесоциалистического предприятия); в создании при действительно существующем социалистическом предприятии, учреждении или организации подсобных предприятий, филиалов, цехов, бригад, мастерских и т. п., используемых для извлечения частнопредпринимательской наживы; в использовании действительно существующего социалистического предприятия, учреждения или организации работающим в них лицом или группой лиц для частнопредпринимательской деятельности, направленной на личное обогащение; в использовании для частнопредпринимательской деятельности существующего социалистического предприятия, учреждения или организации лицами, в них не работающими [8, с. 19—20]. Следовательно, частнопредпринимательская деятельность характеризуется тем, что она маскируется, прикрывается «вывеской» в действительности существующего либо несуществующего социалистического предприятия или организации. Поэтому с внешней стороны эта деятельность носит вполне легальный, правомерный характер.

При занятии запрещенным промыслом в любом его виде лицо никогда не прикрывает свою хозяйственную деятельность формами социалистических организаций и всегда выступает от собственного имени.

В теории и практике вопрос о том, как квалифицировать случаи, когда лицо занимается запрещенным промыслом и прикрывает свою деятельность социалистическими формами, является спорным. Одни авторы полагают, что здесь налицо идеальная совокупность занятия запрещенным промыслом и частнопредпринимательской деятельности [3, с. 297]. Иногда такой позиции придерживается и судебная практика [14]. Другие авторы считают, что в данном случае идеальная совокупность отсутствует, а все содеянное следует квалифицировать только по ст. 150 УК УССР [13, с. 21]. Эта точка зрения более верна. Состав занятия запрещенным промыслом входит в частнопредпринимательскую деятельность своими признаками. Иначе говоря, норма, предусматривающая ответственность за частнопредпринимательскую деятельность, своим содержанием охватывает

и занятие запрещенным промыслом. Так, если непосредственным объектом частнопредпринимательской деятельности всегда является система принципов социалистического хозяйствования, то непосредственным объектом занятия запрещенным промыслом, как правило, могут быть только некоторые из них. По объективной стороне занятие запрещенным промыслом представляет собой лишь часть действий, предусмотренных частнопредпринимательской деятельностью, которая включает в себя наряду с занятием запрещенным промыслом любую иную предпринимательскую деятельность под прикрытием социалистических форм. С субъективной стороны частнопредпринимательская деятельность и занятие запрещенным промыслом могут быть совершены только с прямым умыслом и корыстной целью. Причем субъективная сторона частнопредпринимательской деятельности по своему содержанию шире, чем субъективная сторона запрещенного промысла. Субъекты рассматриваемых преступлений совпадают, ими могут быть как частные, так и должностные лица. Следовательно, можно считать, что в тех случаях, когда лицо занимается запрещенным промыслом под прикрытием социалистических форм, все содеянное охватывается (поглощается) ст. 150 УК УССР и дополнительной квалификации по ст. 148 УК не требует.

Лицо может отвечать одновременно за частнопредпринимательскую деятельность и за занятие запрещенным промыслом только в случаях реальной совокупности, когда оно помимо занятия запрещенным промыслом осуществляло также частнопредпринимательскую деятельность.

Занятие запрещенным промыслом и коммерческое посредничество. Посягая на один и тот же родовой объект (социалистическую систему хозяйства), эти преступления имеют отличия в непосредственных объектах. Так, если непосредственным объектом коммерческого посредничества являются принцип планового распределения материальных ресурсов, социалистический принцип оплаты по труду, то непосредственным объектом занятия запрещенным промыслом выступают принцип экономического ведения хозяйства, в отдельных случаях — социалистический принцип оплаты по труду, совокупность (система) принципов социалистического хозяйствования.

Оба рассматриваемых преступления совершаются только с прямым умыслом и корыстной целью, ибо виновные стремятся к получению материальной выгоды (наживы).

Основное отличие коммерческого посредничества от занятия запрещенным промыслом следует проводить по признакам, характеризующим их объективную сторону и субъекта.

С объективной стороны коммерческое посредничество может проявляться в самых разнообразных формах. Наиболее типичные из них: оказание содействия отдельным гражданам в приобретении товаров, а также в сбыте принадлежащих им товаров;

принятие на себя обязанностей по приобретению товаров для граждан и по реализации товаров отдельных лиц; оказание содействия социалистическим учреждениям, предприятиям, организациям в приобретении товаров, а также в сбыте имеющейся у них продукции; принятие на себя обязанностей по приобретению для социалистических организаций или по реализации их продукции и других ценностей; оказание содействия социалистическим предприятиям, организациям или гражданам в заключении и осуществлении любых сделок за вознаграждение [11, с. 94—98]. Следовательно, коммерческое посредничество, независимо от его форм, никогда не связано с производством каких-либо предметов. Что касается занятия запрещенным промыслом, в частности такого вида этой преступной деятельности, как изготовление и переработка для сбыта, то он (этот вид) всегда связан с производством определенных предметов. Поэтому вопрос о разграничении этих преступлений в данном случае не возникает.

Значительно сложнее отграничить коммерческое посредничество в форме реализации товаров отдельных граждан или оказания содействия в их реализации от такого самостоятельного вида рассматриваемого преступления, как сбыт изделий запрещенного промысла. По вопросу о квалификации таких действий в теории нет единого мнения [2, с. 10; 12, с. 181; 7, с. 264; 1, с. 17; 10, с. 67]. Одни авторы считают, что если указанные действия совершаются в виде промысла, то они представляют собой совокупность коммерческого посредничества и соучастия в занятии запрещенным промыслом; другие полагают, что данные действия надлежит квалифицировать только как коммерческое посредничество; третьи — как соучастие в занятии запрещенным промыслом. В. Т. Гайков квалифицирует подобные действия как соучастие в занятии запрещенным промыслом, если виновный знал, что сбывает именно запрещенные предметы; или как коммерческое посредничество, если он заблуждался относительно действительного происхождения реализуемых предметов либо осуществлял такую деятельность в виде промысла или с целью обогащения. В. Я. Таций предлагает оценивать такие действия по совокупности преступлений, т. е. по ст. 148 и 151 УК УССР. Представляется, что при решении данного вопроса следует исходить из имеющейся конкуренции между нормой, предусматривающей ответственность за коммерческое посредничество, и нормой, устанавливающей ответственность за занятие запрещенным промыслом, или (что более точно) не всей этой нормой, а только той ее частью, которая описывает такой вид этого преступления, как сбыт изделий запрещенного промысла. Общая черта этих конкурирующих норм состоит в том, что они с различной степенью обобщения и разной полнотой определяют признаки одного и того же деяния. Если коммерческое посредничество охватывает определенный друг дей-

ствий, то сбыт представляет собой лишь их частный случай (непосредственная продажа). Конкуренция проходит также по предмету сбыта. Если при коммерческом посредничестве им может быть всякий предмет, то при занятии запрещенным промыслом в виде сбыта круг этих предметов ограничен. Таким образом, при квалификации действий лица, занимающегося сбытом продукции запрещенного промысла, следует учитывать конкуренцию общей (коммерческое посредничество) и специальной (занятие запрещенным промыслом в виде сбыта) норм и применять только последнюю.

Занятие запрещенным промыслом и спекуляция. Необходимость разграничения спекуляции и занятия запрещенным промыслом возникает прежде всего тогда, когда лицо занимается запрещенным промыслом в виде изготовления, переработки соответствующих предметов, материалов, изделий, в частности, когда лицо скупает различные материалы и сырье, а иногда готовые товары, изготавливает из них (либо с помощью их) определенные предметы и продает их затем с целью наживы. Вопрос о квалификации таких случаев решается неодинаково. В некоторых работах отмечается, что виновные должны нести ответственность за два преступления: за занятие запрещенным промыслом и за спекуляцию. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 3 сентября 1954 г. «О судебной практике по делам о занятии запрещенным промыслом» такую квалификацию считает возможной лишь в случаях реальной совокупности, т. е. когда помимо запрещенного промысла лицо занималось скупкой и перепродажей товаров с целью наживы. В остальных же случаях необходимо усматривать только запрещенный промысел. Указание Пленума оспаривает Б. М. Леонтьев. Он считает, что если лицо, занимаясь запрещенным промыслом, продает свои изделия по цене, значительно (резко) превышающей их себестоимость, а сам «запрещенный промысел является лишь способом занятия спекулятивной деятельностью, то действия такого лица нужно квалифицировать по совокупности» [5, с. 74—75].

Разграничение занятия запрещенным промыслом и спекуляции должно опираться на основные характерные признаки их составов.

Занятие запрещенным промыслом и спекуляцию законодатель отнес к группе хозяйственных преступлений. Это значит, что данные деяния посягают на один и тот же родовой объект — социалистическую систему хозяйства. Однако если непосредственный объект спекуляции — основы советской торговли и интересы потребителей [9, с. 8], то непосредственным объектом занятия запрещенным промыслом являются принцип экономического ведения хозяйства, социалистический принцип оплаты по труду, а в отдельных случаях — совокупность принципов.

Различие между занятием запрещенным промыслом и спекуляцией можно проводить по их предмету. Говоря общими сло-

вами, предметом спекуляции является все то, что спекулянт скупает и перепродает, при занятии же запрещенным промыслом круг предметов ограничен.

С субъективной стороны занятие запрещенным промыслом и спекуляция всегда предполагают прямой умысел и корыстную цель. Однако содержание умысла при совершении этих преступлений различно, ибо сознанием виновных при этом охватываются различные признаки, характеризующие объективную сторону и объект спекуляции и занятия запрещенным промыслом. Поэтому отграничение спекуляции от занятия запрещенным промыслом следует проводить прежде всего по объективной стороне деяния. Такое различие сформулировано в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 13 декабря 1974 г. «О судебной практике по делам о спекуляции», где говорится: «Действия лиц, скупающих товары в качестве сырья для изготовления и реализации с целью наживы предметов и изделий, относительно которых имеется специальное запрещение, не могут рассматриваться как спекуляция, а при наличии соответствующих признаков должны квалифицироваться по статье УК, предусматривающей ответственность за занятие запрещенным промыслом. Вместе с тем необходимо квалифицировать как спекуляцию случаи, когда лица, скупающие товары для перепродажи с целью наживы, лишь видоизменяют их, улучшая форму или внешний вид, не создавая при этом качественно новой продукции, либо когда новая продукция создается не за счет личного труда виновных, а путем переработки скупленных товаров, в том числе в государственных, кооперативных и общественных предприятиях» [6, с. 222—223].

Отсюда следует, что объективная сторона спекуляции может быть выражена в «чистой» скупке и перепродаже товаров с целью наживы; скупке и перепродаже товаров, незначительно видоизмененных трудом виновного (имеются в виду те случаи, когда не создается новое по качеству изделие); скупке и перепродаже вновь созданных товаров, но не за счет личного труда виновного. Как видим, общим для этих разновидностей спекуляции является то, что здесь виновный между скупкой и перепродажей ничего лично не производит, не создает, он лишь присваивает чужой труд, что характерно для спекулянтов. Объективная же сторона запрещенного промысла включает в себя между скупкой и перепродажей промежуточное звено — производство, т. е. здесь виновный обязательно путем затрат собственного труда получает качественно новую продукцию.

Поэтому характер преступных действий при занятии запрещенным промыслом и спекуляции различен. Как правильно отмечалось, «идеальную совокупность исключают преступления, которые по характеру их объективной стороны не могут быть выполнены одним и тем же действием» [4, с. 152]. Отсюда следует, что практическое применение ст. 154 УК УССР, кроме

ст. 148 УК УССР, может иметь место лишь в случаях реальной совокупности, т. е. когда помимо запрещенного промысла лицо занималось скупкой и перепродажей товаров с целью наживы. Так, приговором Коминтерновского народного суда г. Харькова был осужден за занятие запрещенным промыслом и спекуляцию В. Установлено, что В. занимался изготовлением и сбытом золотых изделий (всего им было изготовлено и продано 35 золотых крестиков, 9 золотых кулонов, 2 золотых кольца, 22 серебряных кольца). Одновременно виновный скупал в магазинах г. Харькова золотые шейные цепочки и в тех случаях, когда отдельные граждане изъявляли желание приобрести золотой крестик или кулон вместе с цепочкой, он продавал им, имея при этом наживу как от занятия запрещенным промыслом, так и от спекуляции. Его общий нетрудовой доход за несколько месяцев такой деятельности составил 882 р. (Архив 1976 г. дело № 1—212). Анализируя действия В., нетрудно проследить наличие двух самостоятельных преступлений. В одном случае это занятие запрещенным промыслом, в другом — спекуляция, которые совпадают по моменту сбыта. Поэтому суд совершенно правильно квалифицировал содеянное по совокупности двух преступлений.

Следует также проводить разграничение между таким видом запрещенного промысла, как сбыт, и спекуляцией. Для действий лиц, занимающихся сбытом продукции запрещенного промысла, характерно отсутствие скупки. Поэтому и сам сбыт предметов не носит характера перепродажи, будучи лишь продажей предметов, изготовленных другим лицом. Если же лицо скупает предметы запрещенного промысла с целью их последующей перепродажи, то в его действиях имеются все признаки спекуляции. Например, Н. скупал брючные пояса по 70 к. за штуку и перепродавал их гражданам по цене 1 р. Эти пояса для Н. изготовлял К. с использованием цветных металлов.

Список литературы: 1. *Гайков В. Т.* Ответственность за занятие запрещенным промыслом по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов н/Д, 1969.—22 с. 2. *Ефимов М., Фролов Е., Шведова З.* Ответственность за частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество. — Сов. юстиция, 1961, № 9, с. 10. 3. *Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР, 1960 года.* — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962.—459 с. 4. *Кузнецова Н. Ф.* Значение преступных последствий. — М.: Госюриздат, 1958.—216 с. 5. *Леонтьев Б. М.* Ответственность за хозяйственные преступления. — М.: Госюриздат, 1963.—189 с. 6. *Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1977.* — М.: Известия, 1978.—Ч. 2. 528 с. 7. *Советское уголовное право. Часть Особенная.* — М.: Госюриздат, 1962.—463 с. 8. *Сташис В., Тацкий В.* Ответственность за частнопредпринимательскую деятельность. — Сов. юстиция, 1978, № 22, с. 19—20. 9. *Сташис В. В.* Борьба со спекуляцией по советскому уголовному праву: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — Харьков, 1954.—24 с. 10. *Тацкий В. Я.* Уголовная ответственность за коммерческое посредничество. — М.: Юрид. лит., 1974.—87 с. 11. *Тацкий В. Я.* Ответственность за частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество. — М.: Юрид. лит., 1979.—134 с. 12. *Уголовная ответственность за хищение государственного или об-*

ственного имущества, хозяйственные преступления и взяточничество. — М.: Юрид. лит., 1967.—223 с. 13. Фролов Е., Ефимов М. Частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество. — Сов. юстиция, 1969, № 18, с. 21. 14. Рад. право, 1978, № 6, с. 82.

Поступила в редколлегию 14.01.83.

В. А. Глушков, канд. юрид. наук

Киев

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ЗУБОПРОТЕЗИРОВАНИЯ

В практике возникают вопросы квалификации действий медицинских работников, получающих незаконное вознаграждение за зубопротезирование. Указанные правонарушения целесообразно разделить на два вида: зубопротезирование, произведенное на законных основаниях, т. е. с надлежащим оформлением в медицинском учреждении, но сопровождающееся получением медицинским работником незаконного вознаграждения, и незаконное, т. е. совершенное без надлежащего оформления в медицинском учреждении либо вне этого учреждения. Незаконное зубопротезирование, кроме того, имеет место как с применением драгоценных или цветных металлов, так и без них. Первый вид правонарушения надлежит квалифицировать в зависимости от того, какие функции нарушены медицинским работником — должностные или профессиональные. Большинство авторов признает, что медицинские работники при выполнении профессиональных обязанностей не являются должностными лицами. Соответственно с этим нарушение ими своих профессиональных обязанностей не может быть должностным преступлением. «Главный врач или заведующий отделением, оперирующий больного, осуществляет только свои профессиональные функции. Он здесь только хирург или только гинеколог, а не представитель администрации», — отмечает Ф. Ю. Бердичевский [1, с. 84]. Поэтому такие действия в случае получения за них незаконного вознаграждения нельзя квалифицировать как взяточничество. Пленум Верховного Суда СССР указал, что врач, получивший от больного вознаграждение за выполнение профессиональных обязанностей, не может рассматриваться как субъект получения взятки [2]. Это положение распространяется и на получение незаконного вознаграждения при зубопротезировании граждан, ибо данная манипуляция относится к чисто профессиональным функциям медицинского работника. Однако такие случаи иногда рассматривают как взяточничество. Так, Ичнянский народный суд Черниговской области за неоднократное внеочередное зубопротезирование из золота, производимое за определенную денежную сумму, осудил заведующую стоматологическим отделением Ф. по ч. 2 ст. 168 УК УССР. Представляется, что эти действия образуют собой дисциплинарный проступок, по-

сколькx зубопротезирование, как уже указывалось, относится к профессиональным обязанностям стоматолога и выступает как услуга по медицинскому обслуживанию населения.

Рассмотрим теперь, в каких случаях корыстного производства зубопротезирования возможно применение ст. 155² УК УССР. Необходимыми условиями применения этой нормы являются: получение незаконного вознаграждения недолжностным лицом, путем вымогательства, за выполнение работы или предоставление услуг, входящих в круг служебных обязанностей виновного. Из рассматриваемой статьи вытекает, что к выполнению работы или предоставлению услуг в области медицинского обслуживания населения необходимо отнести оказание медицинской помощи на законных основаниях, которым является и зубопротезирование, произведенное в лечебном учреждении и надлежаще оформленное документально. Так, по ст. 155² УК был осужден Д., который, работая стоматологом-ортопедом городской больницы № 8 г. Киева, путем вымогательства получил 60 р. от гражданки за ускорение очереди на зубопротезирование.

Заслуживает оценки и незаконное зубопротезирование, производимое хотя и в медицинском учреждении, но без соответствующего документального оформления. В этих случаях медицинские работники, используя свои профессиональные знания и возможности, изготавливают из своего материала или материала заказчика зубные протезы, прикрываясь медицинским учреждением. Отметим, что в судебно-следственной практике отсутствует единый подход к оценке этого деяния. В большинстве случаев квалификация производится по совокупности преступлений, т. е. по ст. 148 и 150 УК, в остальных — только по ст. 148 УК. В литературе также содержатся различные мнения. Считают, что если лицо занимается одним из видов запрещенного промысла под прикрытием и использованием социалистических организаций, учреждений и предприятий, то эти действия образуют совокупность преступлений, предусмотренных ст. 148 и 150 УК [4, с. 410]. Полагают также, что такие действия охватываются полностью составом частнопредпринимательской деятельности и не нуждаются в дополнительной квалификации по ст. 148 УК [3, с. 56].

Представляется, что зубопротезирование из золота и цветных металлов, производимое с использованием медицинского учреждения, должно влечь ответственность как по ст. 148, так и по ст. 150 УК. Так были квалифицированы действия Х., который в участковой больнице производил зубопротезирование из желтого металла гражданам, не оформляя документально эту манипуляцию. Народный суд справедливо осудил виновного по ч. 2 ст. 148 и ст. 150 УК, учитывая реальную совокупность рассматриваемых преступлений — частнопредпринимательскую деятельность и незаконный промысел.

В случае же производства медицинскими работниками в лечебных учреждениях незаконного зубопротезирования не из драгоценных или цветных металлов, ответственность должна наступать лишь по ст. 150 УК. Именно по этой статье был осужден зубной техник Новокаховской стоматологической поликлиники Д., который в течение ряда лет, пользуясь помещением лечебного учреждения, с целью наживы занимался незаконным зубопротезированием из нержавеющей металла.

Незаконное зубопротезирование из драгоценных и цветных металлов вне лечебного учреждения должно влечь ответственность по ст. 148 УК. Так были квалифицированы действия стоматолога К., который изготовил с целью незаконного зубопротезирования оборудование для своей мастерской, скупал золотые изделия и изготовлял с целью наживы зубные протезы. Такие действия, совершенные с использованием государственного или общественного оборудования, электроэнергии и т. д., влекут ответственность еще и по ст. 87 УК.

Список литературы: 1. Бердичевский Ф. Ю. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей. — М.: Юрид. лит., 1970.—128 с. 2. Бюл. Верховн. Суда СССР, 1982, № 4, с. 30—31. 3. Тацкий В. Я. Ответственность за частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество. — М.: Юрид. лит., 1979.—136 с. 4. Уголовный кодекс Украинской ССР: Научно-практический комментарий. — К.: Политиздат Украины, 1978.—684 с.

Поступила в редколлегию 22.10.82.

В. В. Сташиц, канд. юрид. наук,

В. Я. Тацкий, канд. юрид. наук

Харьков

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 155 УК

Решение вопроса о непосредственном объекте того или иного преступления является одним из наиболее важных в теоретическом и практическом плане. Оно способствует определению социально-политической и юридической сущности преступления, позволяет найти границы действия уголовно-правовой нормы, установить механизм причинения преступлением ущерба, правильно квалифицировать совершенное общественно опасное деяние. Выявление объекта посягательства важно также для отграничения его от смежных преступлений, повышения эффективности уголовного закона и др. Вместе с тем изучение литературы и судебной практики показывает, что в науке уголовного права все еще не достигнуто единства мнений об объекте такого преступления, как обман покупателей, что в ряде случаев приводит к ошибкам при применении ст. 155 УК.

Чаще всего в теории указывается, что непосредственным объектом анализируемого преступления являются интересы

покупателей и советской торговли [3, с. 22] или принципы советской торговли и личная собственность граждан [5, с. 26]. Однако такое понимание непосредственного объекта общо, включает в себя слишком широкий круг общественных отношений. Оно охватывает не только отношения, которым причиняет ущерб обман покупателей, но и отношения, являющиеся объектами таких преступлений, как спекуляция (ст. 154 УК), нарушение правил торговли (ст. 155³ УК), продажа недоброкачественных товаров в торговых предприятиях (ст. 156 УК) и иных преступлений в области торговли. В связи с этим нельзя не отметить, что обман покупателей причиняет ущерб не всей совокупности отношений советской торговли, а только тем из них, которые обеспечивают нормальное функционирование предприятий торговли и общественного питания при обслуживании граждан. Совершенно очевидно и то, что, принимая ст. 155 УК, законодатель преследовал цель поставить под охрану этого закона не все отношения в сфере торговли, а лишь определенную их часть.

Близкую к рассмотренным позицию занимает и И. Г. Сапожников, утверждающий, что непосредственным объектом данного преступления является правильное функционирование советской торговли [7, с. 15]. Но такое определение непосредственного объекта чрезмерно общо и нуждается в дальнейшей конкретизации.

Наиболее правильно решают поставленный вопрос Г. И. Вольфман и И. Г. Маландин, которые полагают, что объектом здесь надо считать порядок советской торговли, в соответствии с которым товары потребителю должны поступать полным весом и полной мерой, по установленным розничным ценам, с соблюдением правильности расчетов, а также материальные интересы покупателей — граждан [1, с. 14]. В этом определении делается попытка конкретизировать объект данного преступления. Однако и эта позиция также вызывает ряд возражений. Прежде всего здесь в качестве объекта определяется не общественное отношение как определенная система взаимодействующих его структурных элементов, а фактически лишь один из этих элементов — социальная связь. Названное авторами взаимодействие субъектов торговых отношений выступает в качестве только социально одобренной связи этих отношений. Поскольку же общественное отношение как объект преступления всегда представляет собой определенное единство, взаимосвязь его системообразующих составных элементов, то отсюда следует, что предложенное определение объекта обмана покупателей не отражает в целом того общественного отношения, которое и является объектом данного преступления. Кроме того, утверждение, что в качестве такого объекта выступает порядок советской торговли (в других работах указывается на правила советской торговли) является известным отступлением от того правиль-

ного исходного положения, что объектом любого преступления могут быть признаны лишь общественные отношения.

Представляется, что решение вопроса о непосредственном объекте обмана покупателей возможно лишь путем установления всех системообразующих элементов отношений, которым данное преступление причиняет вред. Если учесть, что структура любых общественных отношений всегда неизменна, то задача состоит в том, чтобы определить предмет этих отношений, их субъектный состав, а также ту социальную связь, которая выступает в качестве содержания этих отношений.

Предметом общественных отношений является все то, по поводу чего или в связи с чем существуют сами эти отношения [2, с. 47]. Отсюда очевидно, что предмет искомых отношений могут быть как товары розничной торговли (например при обмеривании или обвешивании), так и деньги (например при превышении установленных розничных цен или обчете). Поскольку же в структуре этих отношений предмет материален, необходимо сделать вывод, что и само это отношение носит материальный характер.

При определении субъектного состава этих отношений необходимо исходить из того, что одним из них является социалистическое государство, которое, выражая интересы всех советских людей, определяет порядок и основные требования, регулирующие деятельность советской торговли в интересах всего общества.

Сложнее решается вопрос о другом субъекте рассматриваемого общественного отношения, т. е. о представителях предприятий торговли или общественного питания. Причем правильное определение круга этих субъектов позволяет точно обозначить именно тех лиц, которые могут являться субъектами обмана покупателей. Ведь только участники таких отношений могут быть субъектами обмана покупателей в предприятиях торговли или общественного питания. В этой связи Пленум Верховного Суда УССР в постановлении от 2 марта 1973 г. «О судебной практике по делам об обмане покупателей» разъяснил, что такими субъектами могут быть «только те работники предприятий торговли или общественного питания, работа которых непосредственно связана с обслуживанием покупателей. Поэтому какие-либо другие лица, которые не находятся в трудовых отношениях с предприятиями торговли или общественного питания, но продают товары, которые принадлежат этим предприятиям, и при этом обворовывают покупателей, подлежат ответственности за мошенничество» (ст. 143 УК УССР) [11, с. 100]. Аналогичное разъяснение имелось и в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 12 декабря 1964 г. [10, с. 120].

Вместе с тем в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 14 марта 1975 г. «О судебной практике по делам об

обмане покупателей и заказчиков» была дана уже иная установка: «Субъектом преступления при обмане покупателей... могут быть как работники предприятия торговли, общественно-го питания, так и иные лица, реализующие товары в указанных предприятиях» [9, с. 226—227]. Отсюда следует, что ст. 155 должна применяться и в случаях, когда обман покупателей допускают лица, не являющиеся работниками торговли, хотя они в силу тех или иных обстоятельств и выполняли их функции (например в силу родственных отношений или действуя по просьбе продавца).

С этим выводом нельзя согласиться по следующим основаниям. В ст. 155 УК устанавливается уголовная ответственность за преступное нарушение отношений, которые призваны обеспечить строгое соблюдение требований советской торговли при продаже социалистическими торговыми организациями (предприятиями общественного питания) товаров отдельным гражданам. Как известно, такую торговлю в нашей стране осуществляют государственные и кооперативно-колхозные организации. В реальной действительности эта деятельность приобретает форму договора купли-продажи. Этот договор — волевой акт, который может совершить лишь уполномоченный представитель торговой организации, что порождает для нее соответствующие права и обязанности, вытекающие из данного договора [8, с. 70]. В цивилистической же литературе общепризнано, что от имени торговой организации договоры розничной купли-продажи с покупателями могут заключать лишь работники государственных или кооперативных торговых предприятий и предприятий общественного питания (продавцы, буфетчики, официанты и т. д.) [6, с. 86—107].

Такое решение представляется вполне обоснованным, ибо речь идет об отношениях, которые осуществляются социалистическими торговыми организациями через своих уполномоченных на то представителей. Именно эти общественно полезные и социально одобренные отношения и поставлены под охрану уголовного закона (ст. 155 УК). Следовательно, только представители указанных организаций могут являться участниками отношений, которые выступают как непосредственный объект обмана покупателей.

Очевидно, далее, что только названные лица могут совершить преступление, предусмотренное ст. 155 УК, и, следовательно, быть его субъектами. При совершении же преступления самим участником общественного отношения ущерб, как известно, причиняется путем исключения себя из этого общественно полезного и охраняемого уголовным законом отношения. Лицо в таком случае ненадлежаще исполняет возложенные на него обязанности, чем и разрывает социальную связь охраняемого отношения [4, с. 51]. Таким образом, обман покупателей совершается как бы «изнутри» самим участником отношения,

которое выступает непосредственным объектом данного преступления.

Если же аналогичные действия (обмеривание, обвешивание и т. д.) совершают не представители торговых организаций, а другие лица (например, родственники или знакомые), их действия не могут быть квалифицированы по ст. 155 УК, поскольку указанные действия причиняют ущерб иным общественным отношениям, а сами эти лица не являются участниками рассматриваемых отношений. Поэтому представляется неубедительным разъяснение, которое было сформулировано в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР.

В связи с этим необходимо обратить внимание и на то, что при неизменности самого уголовного закона (ст. 155 УК) высшими судебными инстанциями давались официальные разъяснения, которые различным образом обрисовывали круг субъектов преступления и тем самым существо и объем общественных отношений, выступающих в качестве объекта преступления. Это в свою очередь неизбежно приводило то к сужению, то к расширению границ действия уголовно-правовой нормы.

Определение предмета и субъективного состава отношений, выступающих объектом обмана покупателей, позволяет выяснить и существующую между ними социальную связь, которая является как бы зеркалом внутренней структуры самого общественного отношения. Именно в социальной связи проявляются его сущность и основные свойства. В самых общих чертах социальная связь рассматриваемых отношений состоит во взаимодействии их субъектов, направленном на осуществление розничного товарооборота в строгом соответствии с существующими требованиями, который протекает посредством реализации договора купли-продажи и при котором продавец обязуется передать имущество в собственность покупателю, а покупатель обязуется принять имущество и уплатить за него определенную сумму (ст. 224 ГК УССР). Отметим, что реализация такого договора протекает в условиях действия большой группы различных общественных отношений. Требования этих отношений могут регламентировать деятельность их субъектов относительно места заключения договора, количества предметов, отпускаемых одному покупателю, очередности его отпуска и т. д. Конечно же, не вся совокупность этих отношений является объектом анализируемого преступления. Как вытекает из анализа ст. 155 УК, законодатель поставил под охрану уголовного закона в действительности не все, а лишь некоторые, наиболее важные из этих отношений, общественно опасное посягательство на которые причиняет наиболее существенный ущерб советской торговле. Поскольку в ст. 155 УК устанавливается ответственность за обмеривание, обвешивание, превышение установленных розничных цен или за иной обман покупателей в торговых предприятиях или предприятиях общественного питания, то нетруд-

но заключить, что преступным признается лишь посягательство на ту социальную связь, в соответствии с которой покупателю должен быть передан товар полным весом или полной мерой, по установленным компетентными органами ценам, с соблюдением правильности расчетов. Отсюда следует, что основным непосредственным объектом обмана покупателей должны быть признаны лишь те общественные отношения в области советской торговли, которые призваны обеспечить реализацию этих основных требований торговли при осуществлении розничного товарообмена.

Сказанное позволяет констатировать, что непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 155 УК, являются существующие в области советской розничной торговли общественные отношения, в соответствии с которыми уполномоченный на то представитель торговой организации (продавец, официант и т. д.) обязан передать покупателю товар полным весом или полной мерой, необходимого качества и по установленным компетентными органами ценам, с соблюдением правильности расчетов. Обман покупателей причиняет ущерб охраняемым законом общественным отношениям именно путем непосредственного преступного воздействия на их социальную связь. Поэтому социальная связь является одновременно и предметом воздействия при совершении данного преступления, так как ей в первую очередь причиняется соответствующий ущерб. Кроме того, во всех случаях обмана покупателей причиняется имущественный ущерб и интересам покупателя, ибо последний получает товар в меньшем количестве или худшего качества либо по завышенным расценкам и т. д. Именно поэтому имущественные интересы покупателей — обязательный дополнительный непосредственный объект рассматриваемого преступления.

Список литературы: 1. *Вольфман Г. И., Маландин И. Г.* Уголовно-правовая борьба с обманом покупателей. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1963.—128 с. 2. *Глистин В. К.* Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979.—126 с. 3. *Копыловская М. А.* Ответственность за обмеривание и обвешивание покупателей. — М.: Юрид. лит., 1964.—58 с. 4. *Коржанский Н. И.* Объект посягательства и квалификация преступлений. — Волгоград, 1976.—51 с. 5. *Лейкина Н. С.* Ответственность за преступления против советской торговли. — М.: Госюриздат, 1956.—56 с. 6. *Львович Ю. Я.* Охрана интересов покупателей. — М.: Юрид. лит., 1966.—224 с. 7. *Сапожников И. Г.* Уголовная ответственность за обворовывание покупателей. — М.: Госюриздат, 1958.—80 с. 8. *Халфина Р. О.* Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. — М.: Изд-во АН СССР, 1954.—240. 9. *Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1977.* — М.: Известия, 1978.— Ч. 2. 528 с. 10. *Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР.* — М.: Юрид. лит., 1967.—168 с. 11. *Рад. право, 1973, № 3, с. 100—102.*

Поступила в редколлегию 12.01.83.

О ПОНЯТИИ «КРУПНЫЙ РАЗМЕР» ПРИ ПРИМЕНЕНИИ СТ. 155¹ УК УССР

Признаком, в значительной мере повышающим общественную опасность обмана заказчиков, является совершение этих деяний в крупных размерах (ч. 2 ст. 155¹ УК УССР). Поскольку структура объекта и конструкция состава обмана заказчиков обладают известными особенностями, признак «крупный размер» в данном случае может характеризовать не только последствия, но и само преступное деяние. Следует согласиться с Г. В. Тимейко, считающим, что в подобных случаях речь идет о крупном размере преступной деятельности, который должен определяться не только в зависимости от фактически причиненного ущерба, но и с учетом самого размаха преступной деятельности, целей и намерений субъекта [3, с. 98]. В этой связи необходимо различать ущерб, который причиняется заказчику, и крупный размер вреда, причиняемый данным преступлением. Это различие связано в первую очередь со спецификой основного непосредственного объекта. В результате нормальной, отвечающей интересам государства деятельности предприятий бытового и коммунального обслуживания улучшается обслуживание конкретного гражданина, происходят дальнейшее расширение общественного производства, рациональное использование трудовых ресурсов, повышение занятости населения, обеспечение социального равенства между группами населения с различными доходами, придание динамизма и надежности развитию и функционированию денежного обращения в стране и т. д. При совершении обмана в зависимости от мотива и цели виновного услуга либо становится экономически невыгодной для заказчика, либо в силу потери авторитета предприятиями этих отраслей заказчик полностью отказывается от получения услуги или обращается за ее получением лишь в безвыходных ситуациях, что может привести к срыву показателей не только данных отраслей, но и сбалансированности в их развитии, увязки доходов населения с потреблением различных видов услуг. В результате нарушаются оптимальность и комплексность планирования, сочетание народнохозяйственных планов с инициативой и самостоятельностью этих отраслей и т. д. В конечном счете дезорганизуется планирование как в бытовом и коммунальном обслуживании, так и в народном хозяйстве в целом. В то же время нарушить нормальную, отвечающую интересам государства деятельность предприятий данных отраслей можно и такими деяниями, которые не будут причинять значительного ущерба каждому отдельному заказчику. Следовательно, понятия ущерб, причиняемый

заказчику, и вред, причиняемый данным преступлением, всегда должны быть четко дифференцированы.

В этом плане представляется несколько противоречивой позиция Верховного Суда СССР, который в обзоре судебной практики по делам об обмане покупателей и заказчиков признал правильной практику народных судов РСФСР и УзССР, считающих крупным размером при обманых действиях сумму 100 р. [6, с. 44]. Во-первых, если пойти по этому пути, то квалифицирующий признак «крупный размер» лишится оценочного характера, что законодатель мог бы сделать самостоятельно, указав его конкретный размер непосредственно в законе или путем, например, легального толкования. Во-вторых, при определении этого признака необходимо учитывать конкретные обстоятельства, а не определенную сумму. Такими обстоятельствами могут быть, например, продолжительность совершения этого преступления, количество обманутых и т. д. Фотограф З. обманывал заказчиков путем превышения установленных цен на производство фоторабот. Всего он обманул 1030 заказчиков, причинив им ущерб на сумму 308 р. [7]. Можно условно представить такую ситуацию: для того чтобы причинить ущерб, допустим, на сумму 80 р., ему надо было бы обмануть примерно 260 заказчиков. Если следовать приведенной рекомендации, то в подобном случае, учитывая сумму, нет оснований говорить о данном квалифицирующем признаке. В то же время представляется, что обман такого количества граждан причиняет достаточно серьезный вред нормальному функционированию как конкретного, так и взаимосвязанных с ним предприятий, в связи с чем нельзя, безусловно, отрицать этот признак.

Вызывает возражения и позиция Г. Г. Криволапова по рассматриваемому вопросу. Автор указывает, что крупным следует признавать обман, когда размер наживы, полученной виновным, превышает 100 р. [4, с. 332]. Не говоря о суммарном выражении этого признака, необходимо отметить, что корыстный мотив не является обязательным для данного деяния. Мотив этого преступления лежит за пределами его состава и на квалификацию содеянного по ст. 155¹ УК УССР не влияет [2, с. 123]. Следовательно, применение рассматриваемого оценочного признака возможно и при совершении этого преступления с различными мотивами. Так, М., работая заведующим мастерской по ремонту мотоциклов, принадлежащих гражданам, руководствуясь эгоистическими мотивами, с целью выполнения плана совершал обман заказчиков, причинив последним ущерб на сумму 414 р. 16 к. Его действия были обоснованно квалифицированы по ч. 2 ст. 155¹ УК УССР [8].

Некоторые авторы предлагают наряду с указанной суммой в целом учитывать степень общественной опасности конкретного преступного обмана заказчиков и личность преступника, его совершившего [1, с. 14]. Подобная рекомендация для уста-

новления крупного размера обмана заказчиков вызывает возражения прежде всего ввиду своего слишком общего характера. Кроме того, выглядит малоубедительной попытка увязать данные, характеризующие личность виновного, и исследуемое оценочное понятие. Вопросы личности преступника характеризуют прежде всего самого субъекта преступления, а оценочное понятие «крупный размер» — преступное деяние и относится к его объективной стороне. Представляется, что данные, положительно или отрицательно характеризующие виновного, его семейное положение и т. д., ни в коей мере не могут и не должны влиять на установление этого оценочного понятия. Кроме того, возникает вопрос, почему же именно сумма 100 р. является той границей, которая отделяет простой обман от квалифицированного. Ответа на этот вопрос мы не находим, что не придает достаточной убедительности обсуждаемой рекомендации.

Вместе с тем в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 14 марта 1975 г. «О судебной практике по делам об обмане покупателей и заказчиков» указывается, что вопрос о крупном размере следует решать в зависимости от конкретных обстоятельств дела, с учетом общей суммы, на которую он совершен [5, с. 223]. Данное определение, хотя и лишено конкретности, ориентирует на учет фактических обстоятельств дела. Интересна в этой связи практика применения ст. 155¹ УК по признаку крупного размера народными судами УССР. Деяния, при которых заказчикам причинялся ущерб свыше 100 р., не всегда признавались совершенными в крупных размерах и в три раза чаще квалифицировались по ч. 1 ст. 155¹ УК, чем по ч. 2. При ущербе свыше 200 р. по ч. 1 и ч. 2 ст. 155¹ УК — поровну. При ущербе свыше 300 р. суды в большинстве случаев квалифицировали действия по ч. 2 ст. 155¹ УК, но в отдельных случаях применяли и ч. 1. И только при ущербе свыше 400 р. действия виновных во всех случаях квалифицировались по ч. 2 ст. 155¹ УК. Таким образом, суды при квалификации данных деяний исходят не только из суммарного размера ущерба, как и ориентирует Пленум Верховного Суда СССР.

Изложенное позволяет заключить, что при определении крупного размера необходимо учитывать не только сумму причиненного ущерба, но и иные обстоятельства. К последним нужно отнести: количество обманутых; время, в течение которого совершался обман; цель действий виновного. При установлении в действиях виновного умысла на обман в крупном размере, не осуществленного в полном объеме по не зависящим от него причинам, преступление должно квалифицироваться по ст. 17 и ч. 2 ст. 155¹ УК.

Список литературы: 1. *Самилык Г. М.* Уголовная ответственность за обман заказчиков; Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. — Киев, 1979. — 20 с. 2. *Сташис В. В.* Уголовно-правовая охрана социалистического хозяйства. — Харьков: Вища школа, 1973. — 159 с. 3. *Тимейко Г. В.* Общее учение об

объективной стороне преступления. — Ростов: Изд-во Рост. ун-та, 1977. — 215 с. 4. *Советское уголовное право. Общая и Особенная части*/Под ред. Ю. В. Солопанова. — М.: Юрид. лит., 1981. — 463 с. 5. *Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977.* — М.: Известия, 1978. — Ч. 2. — 528 с. 6. *Бюл. Верховн. Суда СССР, 1976, № 1.* 7. *Архив нар. суда Богоручанск. р-на Ивано-Франковск. области.* 8. *Архив нар. суда Каменско-Днепровск. р-на Запорож. области.*

Поступила в редколлегию 12.05.82.

В. К. Матвейчук

Киев

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОЛУЧЕНИЕ НЕЗАКОННОГО ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ ОТ ГРАЖДАН

Анализ материалов судебной практики по делам о получении незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения, свидетельствует, что работники правоохранительных органов испытывают определенные затруднения при квалификации этих преступлений. Различным образом трактуется признак неоднократности совершения данного преступления. Например, водитель такси С. был осужден по ч. 1 ст. 155² УК УССР за то, что при перевозке четырех пассажиров получил от каждого из них незаконное вознаграждение. Такое решение, как представляется, вынесено без учета указаний, содержащихся в постановлении Президиума Верховного Совета УССР от 24 сентября 1981 г. «О порядке применения ст. 155² УК УССР», согласно которому неоднократным следует считать получение незаконного вознаграждения и тогда, когда оно получено одновременно от двух и более лиц.

Возникает вопрос и о квалификации получения незаконного вознаграждения, если в первом случае имеется оконченное преступление, а во втором — покушение на него. Здесь, очевидно, возможны два решения: а) первый эпизод квалифицируется как оконченное преступление по ст. 155² УК, второй — по ст. 17 и ч. 2 ст. 155² УК, а все совершенное рассматривается как совокупность преступлений; б) оба эпизода квалифицируются как одно преступление — неоднократное получение незаконного вознаграждения (ч. 2 ст. 155² УК). Но эти решения имеют некоторые недостатки. Первое из них точнее отражает юридическую природу содеянного, поскольку в первом эпизоде имеется оконченный состав преступления, а во втором — покушение на повторное получение незаконного вознаграждения. Однако недостатками такой квалификации выступают ее сложность и искусственный разрыв двух тесно связанных фактов получения незаконного вознаграждения. Приняв такую квалификацию, мы признаем тем самым наличие двух составов пре-

ступлений, что может привести к затруднениям при применении ст. 52 УК, акта амнистии и т. п. Кроме того, при назначении наказания расчленение двух эпизодов может исказить оценку степени опасности содеянного. Квалификация же по ч. 2 ст. 155² УК УССР тоже не совсем точна, ибо оба эпизода признаются здесь фактически окончанным получением незаконного вознаграждения, хотя во втором случае было лишь покушение на него. Однако преимущество данной квалификации — в ее простоте и приемлемости для следственных и судебных органов. В то же время она отражает повышенную опасность совершенного. Наличие во втором эпизоде неоконченного преступления будет учитываться судом при назначении наказания за содеянное в целом. Судебная практика стоит именно на такой позиции.

Имеются противоречивые решения относительно субъекта данного преступления. Например, действия Г. на предварительном следствии были квалифицированы по ч. 2 ст. 168 УК УССР за то, что он, работая старшим приемосдатчиком контейнерной площадки станции, получил 37 р. в виде взятки. Правильно поступил суд, переквалифицировав действия Г. на ч. 2 ст. 155² УК, указав, что он не обладает признаками должностного лица.

Статья 155² УК УССР состоит из двух частей. В санкции ч. 1 определены такие виды и размеры наказания, как исправительные работы на срок до одного года, а также штраф в размере до 100 р. В ч. 2 предусмотрена также альтернативная санкция, которая устанавливает два вида наказания — лишение свободы на срок до трех лет или штраф до 500 р. Целесообразно было бы повысить предельный срок исправительных работ по ч. 1 до двух лет. Принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1982 г. «О дальнейшем совершенствовании уголовного и исправительно-трудового законодательства», установившего максимальный срок исправительных работ в два года, дает основание ставить этот вопрос. Размер штрафа до 100 р., предусмотренный в санкции ч. 1, не имеет достаточного предупредительного значения. Следовало бы размер штрафа по ч. 1 повысить до 500 р. Соответственно в целях дифференциации наказания по ч. 2 предельные размеры штрафа следовало бы определить в 1000 р. Кроме того, при совершении действий, которые подпадают под ч. 2, имеют место случаи, когда лицо систематически получает незаконное вознаграждение от граждан, превращая его в источник постоянного нетрудового обогащения. Здесь было бы действенным установление в санкции такого вида дополнительного наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в сфере обслуживания населения. Санкцию ч. 2 целесообразно сформулировать таким образом: «Наказывается лишением свободы на срок до трех лет или штрафом от 500 до 1000 рублей с лише-

нием права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на предприятиях, в учреждениях или организациях сферы обслуживания населения на срок до трех лет».

Поступила в редколлегию 22.10.82.

Трибуна молодого ученого

А. А. Попов

Харьков

ПРОГРЕССИВНОЕ ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ МОЛОДОГО СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НА РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРАВОПРЕЕМСТВА В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

На протяжении всего периода существования Советского Союза его миролюбивая внешняя политика оказывает решающее воздействие на прогрессивное изменение всех отраслей и институтов международного права, в том числе института правопреемства государств.

Основополагающая установка в области советской практики международного правопреемства была дана В. И. Лениным при анализе международных прав и обязанностей дореволюционной России: «Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно примем, мы их не можем отвергать» [1, с. 20]. Тем самым был сформулирован принципиально дифференцированный подход Советского государства к решению проблемы международного правопреемства. Исходя из ленинских указаний Советское правительство отказалось от неравноправных договоров бывшей Российской империи и свергнутого буржуазного Временного правительства, направленных на продолжение империалистических захватов, грабежей, закабаление слаборазвитых стран.

В Декларации прав народов России от 2 (15) ноября 1917 г. было торжественно провозглашено «право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства» [4, т. I, с. 15]. В связи с принятием в качестве одного из принципов внешней политики принципа самоопределения народов Советское государство отказалось, например, от договоров, заключенных правительством бывшей Российской империи с правительствами королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касавшихся разделов Польши. В ст. 3 Декрета СНК от 29 августа 1918 г. об отказе от договоров правительства бывшей Российской империи с правительствами Германской и Австро-Венгерской империй, королевств Пруссии и Баварии, герцогств Гессена, Ольденбурга и Саксен-Мейнингена и города Любека говорилось: «Все договоры и акты, заключенные правительством бывшей

Российской империи с правительствами королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся разделов Польши, ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство — отменяются настоящим бесповоротно» [4, т. I, с. 460].

Руководствуясь политикой отказа от аннексий, как противоречащих самоопределению наций, и осуждения тайной дипломатии, провозглашенной в Декрете о мире, Советское правительство в обращении ко всем трудящимся мусульманам России и Востока от 20 ноября (3 декабря) 1917 г. заявило, что тайные договоры царизма, нарушавшие суверенное право народов стран Востока, аннулируются Советской властью: «Мы заявляем, что тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя, подтвержденные свергнутым Керенским, — ныне порваны и уничтожены. Республика Российская и ее правительство, Совет Народных Комиссаров, против захвата чужих земель: Константинополь должен остаться в руках мусульман...» [4, т. I, с. 35].

Последовательно осуществляя политику мира, Советское государство упразднило русско-английскую Конвенцию от 16 июля 1917 г. о распространении обязательной воинской повинности на британских подданных в России и российских подданных в Великобритании [4, т. I, с. 421].

Руководствуясь выдвинутым В. И. Лениным в Декрете о мире дифференцированным подходом к международным договорам дореволюционной России и отказавшись от тех из них, которые не соответствовали новым принципам советской внешней политики, Советское государство в то же время подтвердило свое участие в договорах, в которых были «заключены условия добрососедские и соглашения экономические». Так, в Обращении СНК от 30 мая 1918 г. к Международному Комитету Красного Креста и правительствам государств, признавших Женевскую конвенцию, говорилось, что «эта Конвенция, как в ее первоначальной, так и во всех ее позднейших редакциях, а также и все другие международные конвенции и соглашения, касающиеся Красного Креста, признанные Россией до октября 1917 г., признаются и будут соблюдаемы Российским Советским Правительством, которое сохраняет все права и прерогативы, основанные на этих конвенциях и соглашениях» [4, т. I, с. 333].

Изменение основных принципов международного права в период сосуществования социалистической и капиталистической систем выразилось не только в появлении новых принципов международного права, сыгравших важную роль в решении Советским государством вопросов правопреемства, но и в наполнении новым содержанием и расширением сферы примене-

ния старых, прогрессивных принципов. Как известно, до Великой Октябрьской социалистической революции принципы суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств не распространялись на так называемые «нецивилизованные» народы. Величайшим достижением в области международного права было распространение действия его норм на колониальные и зависимые народы, чему решающим образом способствовала советская внешняя политика в отношении стран Востока. Советская страна «была первой державой, которая обратилась к таким странам, как Иран, Афганистан, Турция, Китай, с невиданной до той поры инициативой — с предложением заключить по-настоящему равноправные договоры и установить отношения, основанные на бескорыстной дружбе и взаимной поддержке» [2, с. 122].

Кроме появления новых основных принципов, демократизации и расширения территориальной сферы действия старых все они наполнялись в той или иной мере когерентным содержанием [5, с. 181].

Советский Союз явился правопреемником международных прав и обязанностей однотипных с ним по своему социально-экономическому строю советских республик. Поэтому он рассматривал предложенные этими республиками принципы самоопределения наций, мирного сосуществования и другие ныне общепризнанные принципы и нормы международного права как безусловно императивные для себя. Этим принципам и нормам должны были соответствовать все без исключения диспозитивные принципы и нормы, создаваемые СССР совместно с иностранными государствами. Нарком иностранных дел СССР Г. В. Чичерин, касаясь вопроса о сущности советской внешней политики, говорил: «Наша политика мира, направленная на улаживание отношений, направленная на развитие наших экономических отношений, основанная на самоопределении народностей, основанная на том, чтобы, уменьшая вооружение и опасности войны, тем самым содействовать широким интересам трудящихся всех стран, — в этом суть. И с этой общей мирной политикой, которая есть политика наша, как первого рабоче-крестьянского правительства в мире, должны сообразоваться и те частные задачи, которые перед нами стоят» [6, с. 391—392]. Международно-правовая позиция СССР включала, таким образом, требование создания принципиально новых императивных и диспозитивных принципов и норм.

В соответствии со своей международно-правовой позицией СССР 23 июля 1923 г. направил представителям иностранных государств в СССР ноту. В ней в части, касающейся правопреемства международных договоров советских республик Союзом ССР, говорилось, что на СССР возложено «проведение в жизнь всех заключенных вышепоименованными Республиками (республиками, образовавшими СССР. — А. П.) с другими

государствами договоров и соглашений, которые сохраняют на территориях соответствующих Республик свою прежнюю силу» [4, т. VI, с. 396]. Этой нотой СССР предлагал заинтересованным иностранным государствам принять участие совместно с ним в создании следующих норм правопреемства. Во-первых, речь должна была идти о самом сохранении действия указанных договоров, как полностью соответствующих принципам внешней политики СССР (самоопределения, *pacta sunt servanda* и т. д.). Г. В. Чичерин, разъясняя советскую международно-правовую позицию по данному вопросу, отмечал, что «мы постоянно и самым настойчивым образом заявляли, что все обязательства, которые были взяты на себя нашим строем, есть и останутся нерушимыми» [6, с. 474]. Иностранные правительства путем ответных нот выражали свое согласие на такое решение Союзом ССР проблемы правопреемства. Например, в ноте польского правительства от 13 декабря 1923 г., адресованной Наркому иностранных дел СССР, говорилось: «Польское Правительство принимает к сведению ...что Союз Советских Социалистических Республик принимает на себя выполнение трактатов и соглашений, заключенных означенными Республиками с другими государствами» [4, т. VI, с. 542—543]. Во-вторых, речь шла о создании диспозитивной нормы, предусматривающей правопреемство Союзом ССР международных договоров советских республик, имеющих силу в момент правопреемства лишь на территории этих республик. В соответствии с созданной впоследствии диспозитивной нормой имело место в случае необходимости распространение договоров, заключенных советскими республиками до образования СССР, на всю территорию Союза после его образования. Так, в результате обмена нотами между полномочным представителем СССР в Австрии и министром иностранных дел Австрии, состоявшегося 8 сентября 1923 г., действие Временного соглашения между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Австрией — с другой от 7 декабря 1921 г. было распространено на всю территорию СССР [4, т. VI, с. 433—434].

События на международной арене свидетельствуют, что государства, в которых произошли социалистические революции, а также новые независимые государства, образовавшиеся на территории бывших колоний, в полной мере используют советский опыт в решении проблемы правопреемства.

Существенным образом влияет советская практика и на закрепление прогрессивных норм института правопреемства в ходе его кодификации. В августе 1978 г. в Вене была принята международная Конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров, в подготовке которой участвовало около ста государств, в том числе СССР, УССР, БССР. В решении проблемы правопреемства государства-участники Конвенции исходили из общепризнанных принципов международного права,

в частности самоопределения народов, *pacta sunt servanda*, что нашло свое отражение в преамбуле Конвенции [3, с. 382]. В п. 2 ст. 31 Конвенции была закреплена диспозитивная норма, в соответствии с которой любой договор, продолжающий оставаться в силе в результате объединения государств, применяется лишь в отношении той части территории государства-преемника, в отношении которой этот договор находился в силе в момент правопреемства государств, если в случае двустороннего договора государство-преемник и другое государство-участник не договорились об ином [3, с. 391—392].

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1. 2. Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи: В 9-ти т. — М.: Политиздат, 1970. — Т. 2. 608 с. 3. Венская Конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 года. — В кн.: Советский ежегодник международного права. 1979. М.: Наука, 1980, с. 382—397. 4. Документы внешней политики СССР. — М.: Госполитиздат, 1957, т. I; 1962, т. VI. 5. Тункин Г. И. Теория международного права. — М.: Междунар. отношения, 1970. — 512 с. 6. Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. — М.: Соцэкгиз, 1961. — 516 с.

Поступила в редколлегию 11.11.82.

М. В. Буроменский

Харьков

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СЕССИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН ПО РАЗОРУЖЕНИЮ В СИСТЕМЕ МЕХАНИЗМА ДЛЯ ПЕРЕГОВОРОВ О РАЗОРУЖЕНИИ

Среди международных проблем глобального характера разоружение занимает ведущее место. На XXVI съезде КПСС отмечалось, что задача ослабления угрозы войны, обуздания гонки вооружений в настоящее время «приобрела особое значение и срочность» [1, с. 26]. Это положение было вновь подчеркнуто на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС «Человечество не может без конца мириться с гонкой вооружений и с войнами, если не хочет поставить на карту свое будущее» [6, 1982, 23 нояб.]. Столь острая необходимость осуществления разоружения вызывает настоятельную потребность в специальном всестороннем и универсальном рассмотрении и разрешении этого вопроса на высоком межгосударственном уровне.

Важным шагом здесь может стать Всемирная конференция по разоружению (ВКР). По мнению СССР, она позволила бы привлечь внимание правительств всех стран и миролюбивой общественности к тому, как сдержать гонку вооружений и продвинуться по пути к подлинному разоружению [4]. Но созыву этой конференции, которая, как предполагается, должна быть наделена правом принимать решения [9], препятствуют импе-

риалистические государства. В этих условиях определенный импульс в направлении разоружения могут дать специальные сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, которые способны быть одним из путей к ВКР, не подменяя ее¹. Такое положение спецсессий требует выявления их места в существующей системе органов для переговоров о разоружении.

Согласно Уставу ООН один из ее главных органов — Генеральная Ассамблея — уполномочен рассматривать «принципы, определяющие разоружение и регулирующие вооружения» (ст. 11). Поскольку Генеральная Ассамблея — международный орган с наиболее широким представительством, данная сфера ее компетенции приобретает особое значение. В соответствии с решениями первой спецсессии по разоружению Генеральная Ассамблея «является и должна оставаться главным совещательным органом» ООН в области разоружения [7]. Вместе с тем Генеральная Ассамблея рассматривает и другие вопросы. Разрешение же проблемы разоружения — сложный процесс, который сопровождается постоянным нарастанием усилий и объема работы.

Поэтому в созыве спецсессии по разоружению проявляется единство объективной потребности *специального*, широкого, представительного форума по вопросам разоружения и того положения, что рассмотрение общих принципов и правил разоружения «является полномочием и обязанностью Генеральной Ассамблеи ООН» [4, с. 171]. Работа таких сессий — это один из приемлемых путей к достижению сокращения вооружений и разоружению, и закономерный этап в деятельности ООН в указанном направлении.

В соответствии с Уставом ООН спецсессии Генеральной Ассамблеи, в отличие от очередных, собираются исходя из требования обстоятельств (ст. 20). Правила процедуры Генеральной Ассамблеи [8] регламентируют это уставное положение, отмечая различия в порядке созыва (пр. 1—6; 7—10) и предварительной повестке дня (пр. 12—15; 16—19). Причем пр. 17 требует вносить в предварительную повестку дня спецсессий «только те пункты, рассмотрение которых предложено в требовании о созыве специальной сессии², т. е. в Правилах процедуры конкретизированы положения, непосредственно связанные с неординарным *специальным* характером спецсессий. Тем самым проводится разграничение между очередными сессиями Генеральной Ассамблеи как органами общей компетенции и спецсессиями как органами специальной компетенции.

¹ Первая спецсессия по разоружению (здесь и далее — первая (вторая) специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению) приняла решение о созыве ВКР [7, п. 122].

² На практике спецсессии и в процессе работы рассматривают только вопросы, относящиеся к цели их созыва, хотя пр. 19 прямо не требует этого.

Для спецсессий Генеральной Ассамблеи характерны, следовательно, важность и неотложность рассматриваемого вопроса, имеющего, как правило, принципиальное международное значение. Это определяется и особыми основаниями их созыва — по решению Генеральной Ассамблеи ООН (пр. 7), по требованию Совета Безопасности или членов организации (пр. 8а). Специальное рассмотрение такого рода вопросов может придать значительный политический и юридический вес принятым решениям. Как отмечал в 1978 г. находившийся на посту Генерального секретаря ООН К. Вальдхайм, первая спецсессия по разоружению должна стать поворотным моментом в усилиях по расширению реальных и существенных мероприятий, направленных на достижение конечной цели всеобщего и полного разоружения под эффективным международным контролем [15]. Хотя, конечно, прогресс в этом направлении зависит от готовности империалистических государств проявить политическую волю и конструктивный подход.

Прошедшие спецсессии по разоружению не занимались выработкой конкретных мер. Перед ними пока и не стояла такая задача. Они должны разрабатывать общие программные принципы в области ограничения гонки вооружений и разоружения [2; 3]. Такие положения, в том числе вопросы механизма переговоров, в решениях первой спецсессии (документе, принятом на основе консенсуса делегациями, возглавляемыми в основном министрами иностранных дел) впервые получили развернутое и цельное изложение. И это обстоятельство ставит спецсессии на особое место в системе механизма для переговоров о разоружении.

Задачи и характер работы спецсессий по разоружению позволяют, таким образом, рассматривать их не только как рубеж на пути к ВКР. Они могут быть также стадиями в процессе усилий по разоружению, где бы на высшем уровне, с наиболее широким представительством не только подводились итоги проделанному, но и намечались задачи на будущее, использовалась возможность «обсудить самые актуальные, самые насущные проблемы ограничения вооружений и разоружения» [6, 1982, 18 июня]. Представляется, что данное положение подтверждается и определенной систематичностью в созыве спецсессий такого рода.

Но именно этому противятся империалистические государства. По мнению представителя США в Первом комитете (1981 г.), «маловероятно, чтобы оказались полезными... новые усилия, направленные на то, чтобы превзойти то, что содержит заключительный документ первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН» [18]. Практически — это попытка превратить спецсессии из органа важных обсуждений и консультаций в обычную конференцию по подведению итогов, зна-

чение которой для прогрессивного, поступательного развития в области разоружения было бы ничтожно.

Ожесточенные споры вызвало обсуждение формы итогового документа, в частности второй спецсессии. Делегации капиталистических стран предлагали ограничить его заключительным докладом [16], а прения проводить лишь по вопросам, касающимся осуществления программы действий 1978 г. [17]. Резко отрицательный подход империалистических государств к разработке второй спецсессией по разоружению полнокровного итогового документа и срыв его принятия в немалой степени объясняются значительным влиянием заключительного документа первой спецсессии, принятого в условиях «потепления» международной обстановки. Это влияние определяется не только фактом созыва *специальной* сессии по разоружению, что уже является важным политическим событием, но и большим морально-политическим и юридическим воздействием таких сессий и их решений на отношения между государствами в области разоружения.

Не вдаваясь в рассмотрение содержания заключительного документа первой спецсессии по разоружению, отметим, что он имеет не совсем обычную для резолюций форму. Как правило, Генеральная Ассамблея в своих решениях обращается от собственного имени; государства как бы остаются в тени, независимо от отношения к резолюции. В заключительном же документе многие положения провозглашены от имени государств-членов ООН [7, п. 5, 8, 26, 126]. Эта формула обращения носит недвусмысленный характер относительно изложенных положений и означает, по-видимому, намерение *государств* взять обязательства¹. Такой способ изложения в резолюциях Генеральной Ассамблеи встречается редко и обычно касается решений большого политического значения по наиболее острым вопросам международных отношений, например в «Декларации об углублении и упрочении разрядки международной напряженности» [12; см. также 10; 11]. В некоторых решениях международных организаций форма изложения приобретает черты, напоминающие многосторонний договор [4, с. 138]. Такой способ изложения основных положений придает документам особый морально-политический вес. Хотя в целом форма не может влиять на правовую силу резолюций, тем не менее она не является пассивным элементом, а свидетельствует об определенной позиции, которую *государство* согласилось *не отрицать*, принимая решение от своего имени. Представляется, что такие положения в решениях первой спецсессии по разоружению обладают, по сравнению с другими резолюциями Генеральной Ассамблеи, большим правовым значением. Сама Генеральная

¹ Например, в п. 126 сказано: «...государства-члены Организации Объединенных Наций торжественно подтверждают свою решимость стремиться к достижению всеобщего и полного разоружения...».

Ассамблея тоже ссылается именно на эти заявления государств и учитывает их [13].

Таким образом, спецсессии по разоружению являются относительно самостоятельной формой работы Генеральной Ассамблеи ООН и направлены на достижение специальной цели — облегчить созыв ВКР. Решения спецсессий по разоружению носят программный характер и имеют особое юридическое и морально-политическое значение. Все это позволяет рассматривать спецсессии по разоружению в качестве самостоятельного компонента механизма для переговоров о разоружении.

Список литературы: 1. *Материалы XXVI съезда КПСС.* — М.: Политиздат, 1981. — 223 с. 2. *Богданов О. В.* Международно-правовые проблемы разоружения. — М.: Междунар. отношения, 1979. — 187 с. 3. *Израэлян В. Л.* Организация Объединенных Наций и разоружение. — М.: Междунар. ст. отношения, 1981. — 128 с. 4. *Лукашук И. И.* Механизм международно-правового регулирования. — К.: Вища школа, 1980. — 163 с. 5. *Яновский М. В.* Генеральная Ассамблея ООН. — Кишинев: Штиинца, 1971. — 298 с. 6. *Правда.* 7. *Док. ООН A/Res/S—10/2.* 8. *Правила процедуры Генеральной Ассамблеи ООН (Doc. A/520/Rev. 13).* 9. *Рез. ГА ООН 2030 (XX)* от 30 ноября 1965 г. 10. *Рез. ГА ООН 2936 (XXVII)* от 29 ноября 1972 г. 11. *Рез. ГА ООН 3201 (S—VI)* от 1 мая 1974 г. 12. *Рез. ГА ООН 32/155* от 19 декабря 1977 г. 13. *Рез. ГА ООН 33/73* от 15 декабря 1978 г. 14. *Doc. UN A/135/28.* 15. *Генеральная Ассамблея ООН. Специальная сессия по разоружению. OPI—600.* 16. *Doc. A/AC. 206/SR—10.* 17. *Doc. UN A/AC. 206/SR—9.* 18. *Doc. UN A/AC. 206—(2) Add. I.*

Поступила в редколлегию 12.01.83.

Ю. Н. Таланов

Харьков

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОДУКЦИИ ПОДСОБНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ПРОМЫСЛОВ КОЛХОЗОВ

Последовательное претворение в жизнь современной аграрной политики партии, принципиальные основы которой заложил мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС, развитой рядом последующих пленумов и XXIII, XXIV, XXV, XXVI съездами КПСС, обеспечивает превращение сельского хозяйства в высококоразвитый сектор социалистической экономики. Майский (1982 г.) Пленум ЦК КПСС, конкретизируя эти положения, поставил перед сельским хозяйством задачу добиться существенного повышения продуктивности земледелия и животноводства, обеспечить выполнение и перевыполнение государственных планов закупок зерна, мяса, молока и другой продукции, ее своевременную переработку и полную сохранность, создать надежную основу для более быстрого подъема сельскохозяйственного производства в последующие годы.

В Продовольственной программе СССР намечены крупные меры по укреплению материально-технической базы колхозов

и совхозов, усилению хозрасчетных рычагов в системе агро-промышленного комплекса, совершенствованию организации и оплаты труда с тем, чтобы еще больше повысить заинтересованность тружеников села в увеличении производства продукции полей и ферм. Сложность и масштабность задач, выдвинутых в Продовольственной программе, предъявляют принципиально новые требования к системе управления и экономическому механизму хозяйствования. В решениях XXVI съезда КПСС признано необходимым еще шире развивать связи сельского хозяйства с промышленностью и торговыми организациями: «Обеспечить дальнейшее развитие в колхозах и совхозах подсобных промышленных производств и промыслов по переработке сельскохозяйственной продукции, а также по изготовлению строительных материалов и выпуску товаров народного потребления, главным образом из местного сырья и отходов промышленности» [1, с. 168].

В связи с намеченными мероприятиями увеличивается количество подсобных предприятий и промыслов в сельском хозяйстве. В этих условиях анализ правовых форм экономических связей между сельским хозяйством и промышленностью представляет большой теоретический интерес и практическую значимость. В ряде постановлений предусмотрено, что колхозы, совхозы и другие сельскохозяйственные предприятия и межколхозные организации реализуют продукцию подсобных предприятий и промыслов на основе договоров. Однако в нормативных актах не указано, какими именно договорами должны регулироваться эти отношения.

Для реализации продукции подсобных предприятий и промыслов колхозов, совхозов и их объединений чаще всего используют договор контрактации сельскохозяйственной продукции. Отметим, что правила о договоре контрактации сельскохозяйственной продукции относятся не только к хозяйствам, основной целью которых является производство продукции сельского хозяйства, но и к тем, которые помимо основной продукции производят продукцию подсобных предприятий и промыслов [3, с. 63].

Нередко колхозы реализуют продукцию подсобных предприятий и промыслов путем использования договора поставки. Основанием для заключения данного договора является плановый акт распределения продукции, а это имеет место тогда, когда товары народного потребления или продукцию производственно-технического назначения изготавливают подсобные предприятия и промыслы колхозов из фондируемых материалов, а также из сырья, передаваемого им в порядке кооперации с разрешения райисполкома (горисполкома). Правовой формой, обеспечивающей производство и реализацию таких товаров и продукции, здесь выступает договор поставки. Ему свойственны плановые начала. Из этого следует, что, во-первых, если

райисполком (горисполком) выделяет материалы для изготовления товаров народного потребления или продукции производственно-технического назначения, то он и распределяет продукцию, изготовленную на подсобных предприятиях и промыслах колхоза; во-вторых, предприятия, торгующие организации заключают договор с колхозом о создании на территории колхоза филиалов (цехов) по изготовлению промышленных изделий, которые необходимы данному предприятию или торгующей организации.

Колхозы иногда используют для реализации продукции подсобных предприятий и промыслов и договор поставки, в основе которого отсутствуют плановые предпосылки. Наряду с указанными договорами колхозы заключают для реализации продукции подсобных предприятий и промыслов договор комиссии или купли-продажи [5, с. 121]. Колхозы заключают с органами потребительской кооперации договор комиссии на реализацию продукции подсобных предприятий и промыслов, которые реализуют эту продукцию за определенное вознаграждение, тем самым освобождая колхоз от несвойственных ему торговых функций.

Широко используется для реализации продукции подсобных предприятий и промыслов и договор купли-продажи. Он носит разовый (обычно кратковременный) характер и не предусматривает обязанность покупателя оказывать помощь продавцу в организации производства соответствующей продукции, что отличает его от договора поставки и договора контрактации сельскохозяйственной продукции.

Заключая договор контрактации, поставки, комиссии на реализацию продукции подсобных предприятий и промыслов, колхозы прежде всего заинтересованы в установлении длительных хозяйственных связей с государственными, кооперативными предприятиями и организациями. Вопрос о правильности применения к этим отношениям договоров поставки и нормативных актов, регулирующих их, был предметом рассмотрения Коллегии Госарбитража при Совете Министров СССР, где было признано, что эти имущественные отношения имеют существенные особенности, и поэтому применение нормативных актов, регулирующих договорные отношения, связанные с поставкой, могут отрицательно сказаться на основной деятельности сельскохозяйственных предприятий.

В п. 3 постановления ЦК КПСС от 13 марта 1970 г. «О серьезных недостатках в развитии подсобных предприятий и промыслов в колхозах и совхозах» сказано: «Министерству сельского хозяйства СССР совместно с Министерством торговли и Центросоюзом разработать и утвердить в установленном порядке типовой договор между колхозами, совхозами и организациями торговли на производство и реализацию товаров народного потребления, производимых подсобными предприя-

тиями и промыслами в сельском хозяйстве. Укрепить деловые связи организаций и предприятий торговли с колхозами и совхозами, обеспечить гарантированный сбыт продукции, положив в основу хозяйственные договора» [2, с. 409].

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что для более экономичной производственно-хозяйственной деятельности колхозов, совхозов, их межхозяйственных предприятий и организаций необходимо, принимая во внимание специфику деятельности подсобных предприятий и промыслов, выработать на основе практики применения колхозами, совхозами и их объединениями договоров на реализацию продукции подсобных предприятий и промыслов, несколько вариантов типовых договоров, которые отражали бы особенности деятельности их подсобных предприятий и промыслов. Это соответствует установкам XXVI съезда КПСС о совершенствовании правового регулирования хозяйственной деятельности в народном хозяйстве [1, с. 64].

Исследуя этот вопрос, во-первых, надо учитывать, что юридическая природа гражданско-правовых договоров определяется по его основной (конкретной) цели или, иначе говоря, по тому правовому результату, на достижение которого направлен договор [4, с. 60—66]. Во-вторых, нельзя выяснить правовую природу исследуемого договора без учета особенности регулируемых им общественных отношений, которые определяются спецификой сельскохозяйственного производства продукции подсобных предприятий и промыслов. Своеобразие рассматриваемого договора состоит в том, что в нем переплетаются элементы, характерные для договора контрактации, поставки, комиссии, купли-продажи. Однако ни один из них как главный не определяет его правовую природу. Только совокупность всех этих элементов дает качественное образование, составляющее основную (конкретную) цель договора на реализацию продукции подсобных предприятий и промыслов колхозов, совхозов и их объединений.

Список литературы: 1. *Материалы XXVI съезда КПСС.* — М.: Политиздат, 1981. — 223 с. 2. *Решения партии и правительства по сельскому хозяйству, 1965—1974 гг.* — М.: Колос, 1975. — 926 с. 3. *СП СССР, 1978, № 8, ст. 63.* 4. *Гордон М. В.* Система договоров в советском гражданском праве. — Тез. докл. конф. в Харьк. юрид. ин-те. Харьков, 1954, с. 63—66. 5. *Сборник колхозно-правовых актов.* — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. — 368 с.

Поступила в редколлегию 19.10.82.

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПОДСОБНЫХ
СЕЛЬСКИХ ХОЗЯЙСТВ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ И ПРЕДПРИЯТИЙ**

Поставленные КПСС и Советским правительством экономические задачи на этапе развитого социализма будут осуществляться путем дальнейшего совершенствования хозяйственного механизма, упорядочения форм и методов ведения народного хозяйства. Немаловажная роль в этом отводится праву как регулятору социалистических общественных отношений. Такая его функция содействует урегулированию отношений в области производства и реализации многочисленных видов сельскохозяйственной продукции.

Производственные объединения и предприятия — сложный хозяйствующий механизм, включающий в себя различные структурные подразделения и службы. Особое место занимают те из них, которые обеспечивают производство дополнительной сельскохозяйственной продукции в условиях, максимально приближенных к специализированным сельскохозяйственным предприятиям. Правовое регулирование хозяйственной деятельности таких подразделений и служб — задача первостепенной важности.

Одной из многочисленных форм реализации Продовольственной программы СССР, как известно, является создание подсобных сельских хозяйств предприятий и их объединений. Правовую основу их формирования составляют постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 декабря 1978 г. «О подсобных сельских хозяйствах предприятий, организаций и учреждений» [1, 1979, № 3, ст. 14] и дополнившее его постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 февраля 1980 г. о частичном изменении постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 декабря 1978 г. [1, 1980, № 8, ст. 57]. Они предусматривают меры по развитию подсобных сельских хозяйств и увеличению в них производства сельскохозяйственной продукции с тем, чтобы в максимальной степени обеспечить потребности общественного питания рабочих и служащих в мясе, молоке, овощах, фруктах и др. О полезности и необходимости всемерного развития подсобных сельских хозяйств свидетельствует практика деятельности производственных объединений и предприятий. Со времени принятия указанных постановлений их количество увеличилось в два раза.

Подсобные сельские хозяйства создаются в различных отраслях народного хозяйства. Многие из них успешно функционируют, способствуя решению задач, возложенных на них Продовольственной программой СССР, положительно влияют на рентабельность основного производства. Так, подсобное хозяй-

ство Сумского машиностроительного объединения им. Фрунзе (свиноводческие и кролиководческие фермы) дает для питания тружеников объединения ежегодно до тысячи центнеров мяса [9, 1982, № 37]. Подсобное хозяйство «Амурсталь» (свиноводческая ферма) на треть удовлетворяет потребности заводского общепита в мясе. Им получено в 1981 г. 92 т мяса — более чем по 11 кг на каждого работника завода [3, 1982, № 49].

В ряде областей агроцехи создаются на основе кооперации средств небольших предприятий. Например, в Новосибирской области подсобное хозяйство «Левобережный» организовано с участием 20 промышленных предприятий. В Харьковской области создано 29 таких кооперативов, в которые вошли 87 учреждений и предприятий [2, с. 4]. Они успешно функционируют и увеличивают производство своей продукции.

В то же время в практике деятельности подсобных сельских хозяйств имеют место случаи бесхозяйственного отношения к эксплуатации подсобных сельских хозяйств. Например, в построенном Лозовским кузнечно-механическим заводом свиноматнике на 600 голов содержится лишь половина поголовья. Такое же положение сложилось в сельскохозяйственном цехе харьковского завода «Кондиционер» [3, 1982, № 37]. Учитывая сложности, связанные с обеспечением хозяйств материальными и трудовыми ресурсами, некоторые предприятия ставят вопрос о превращении своих подшефных колхозов и совхозов в подсобные хозяйства.

В этих условиях пристального внимания заслуживают вопросы, относящиеся к юридической характеристике подсобных сельских хозяйств производственных объединений и предприятий. К тому же правовое положение подсобных сельских хозяйств производственных объединений и предприятий в юридической литературе исследовано недостаточно. Исходя из этого прежде всего следует определить место подсобных сельских хозяйств в структуре предприятий и их объединений. По нашему мнению, подсобные сельские хозяйства могут создаваться либо как структурные подразделения, либо как производственные единицы предприятий и их объединений. Не исключена возможность их формирования и в качестве филиалов производственных объединений и предприятий, если они выполняют хозяйственные функции последних вне места их нахождения.

Указанные подразделения производны от предприятий и их объединений. Это означает, что они не пользуются правами, предусмотренными Положением о социалистическом государственном производственном предприятии, могут выполнять соответствующие функции, имея на то конкретные полномочия юридического лица.

В связи со сказанным отметим, во-первых, что эти подразделения выступают в качестве составных структурных частей

производственных объединений и предприятий. Во-вторых, объем их прав различен и каждый раз фиксируется в нормативных актах, определяющих их правовой статус.

Правовое положение таких структурных подразделений и единиц в основном не отличается от правового положения цеха, участка производственного объединения или предприятия. Им присущи те же качества, что и цехам и подобным им иным подразделениям. Однако в зависимости от структуры подсобного сельского хозяйства, его размеров, территориального расположения и целого ряда других факторов организационно-хозяйственная структура такого хозяйства может быть более сложной по сравнению с цеховой (участковой) структурой организации общественного производства.

Организационно-хозяйственная структура подсобного сельского хозяйства должна отражать его специфику и особенности, может состоять из необходимого количества производственно-хозяйственных подразделений (единиц), производственных бригад (полеводческих, овощеводческих, садоводческих, кормопроизводящих, ремонтных мастерских, подразделений, перерабатывающих произведенную продукцию).

Подсобное сельское хозяйство, имеющее сложную внутреннюю структуру, должно, по нашему мнению, организовываться как предприятие на правах производственной единицы. Как известно, оно создается вышестоящим по отношению к объединению органом по представлению генерального директора (директора) объединения. Степень его самостоятельности по отношению к производственному объединению или предприятию, его создавшему, определяется последним, исходя из необходимости обеспечения успешного функционирования подсобного сельского хозяйства. В таком же порядке должен решаться вопрос и тогда, когда создается структурная единица типа филиала, входящего в состав юридического лица.

Таким производственным и структурным единицам производственного объединения или предприятия могут быть предоставлены некоторые права юридического лица, например распоряжаться закрепленным за ним обособленным имуществом; открывать в банке текущий счет, а в случаях, устанавливаемых Госбанком СССР и Стройбанком СССР, другие счета; от имени объединения заключать хозяйственные договоры, относящиеся к производственной деятельности данной производственной единицы или филиала; принимать на работу и увольнять с работы работников в соответствии с трудовым законодательством. Эти права точно фиксируются в Положении о производственной единице, утверждаемом генеральным директором (директором) объединения (предприятия), или доверенности, выдаваемой руководителю филиала генеральным директором (директором) соответствующего объединения или предприятия. Следовательно, подсобное сельское хозяйство, созданное как производствен-

ная или структурная единица, является субъектом права с ограниченной правоспособностью, обеспечивающей ему участие в имущественном обороте с учетом тех прав, которые закреплены в Положении о производственной единице или доверенности.

Иная ситуация складывается тогда, когда подсобное сельское хозяйство предприятия или его объединения функционирует на началах структурного подразделения, хотя за ним закрепляется определенное имущество, выделяется рабочая сила, устанавливается плановое задание и т. д. Оно не может пользоваться теми правами, которые предоставлены производственным единицам или филиалам производственных объединений и предприятий. Объясняется это тем, что оно имеет простую структуру хозяйства, не нуждается в специальном аппарате, учреждаемом для управления подсобным сельским хозяйством производственного объединения или предприятия. Такие управленческие функции выполняет аппарат производственного объединения или предприятия.

В основе производственно-хозяйственной деятельности подсобных сельских хозяйств производственных объединений и предприятий лежат различные начала. Подсобные хозяйства, выступающие в качестве производственных или структурных единиц, функционируют на началах ограниченного хозрасчета, т. е. в пределах прав, предусмотренных положениями о них и переданных им производственными объединениями или предприятиями. Такой хозрасчет выступает в качестве промежуточной формы, которая существует между полным хозрасчетом предприятия в целом и внутренним хозрасчетом его подразделения типа цеха. Объясняется это тем, что они пользуются ограниченными правами юридического лица, от имени которого выступают в имущественном обороте. Между тем подсобные сельские хозяйства производственных объединений и предприятий, выступающие как структурные подразделения, функционируют на началах внутреннего хозрасчета и, следовательно, могут выступать в экономическом обороте, имея соответствующие полномочия, данные им производственным объединением, предприятием, в состав которого они входят.

Для обеспечения рентабельности подсобных сельских хозяйств производственных объединений необходимо решить целый комплекс вопросов, связанных с землепользованием и укреплением материально-технической базы таких подразделений. Обусловлено это тем, что им не выделяют в необходимых количествах пахотные земли, выгоны для выпаса крупного рогатого скота, а если и предоставляются, то не удобные или не пригодные для пастбищ, сенокосных угодий и производства кормов. Между тем в указанных постановлениях было обращено особое внимание на необходимость выделения подсобным хозяйствам земельных участков из земель государственного

земельного запаса и государственного лесного фонда, не используемых земель сельскохозяйственного назначения и земель промышленных, транспортных и других несельскохозяйственных предприятий и организаций, а также в порядке исключения из земель, неэффективно используемых экономически слабыми колхозами и совхозами. Тут же сказано и об укреплении кормовой базы животноводства, обеспечении тракторами и другой необходимой сельскохозяйственной техникой для обработки земли и содержания животных.

Изложенные положения свидетельствуют о том, что отношения, которые складываются в области деятельности подсобных сельских хозяйств предприятий и их производственных объединений, нуждаются в дальнейшем нормативном урегулировании, определении их правового статуса с точным обозначением прав, предоставляемых им для нормального функционирования и обеспечения рентабельности их хозяйственной деятельности. В таком же порядке должны быть решены и вопросы относительно укрепления их материально-технической базы, обеспечивающей на должном уровне организацию социалистического земледелия.

Список литературы: 1. *СП СССР*. 2. *Панкратов И. Ф.* Правовое положение подсобных сельских хозяйств предприятий, организаций, учреждений. — *Соц. законность*, 1980, № 4, с. 3—6. 3. *Экон. газ.*

Поступила в редколлегию 18.12.82.

Л. Г. Пономаренко

Харьков

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ АКТОВ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Одной из характерных черт высшего надзора за законностью, осуществляемого Генеральным прокурором СССР и подчиненными ему прокурорами, является то, что он носит всеобъемлющий характер, поскольку распространяется на самые различные сферы государственной и общественной жизни. Этот надзор прокурор призван осуществлять и в уголовном судопроизводстве, он обязан во всех его стадиях «своевременно принимать предусмотренные законом меры к устранению всяких нарушений закона, от кого бы эти нарушения ни исходили» (ст. 20 Основ уголовного судопроизводства). Эти указания закона имеют определяющее значение для характеристики процессуального положения прокурора на каждом этапе движения уголовного дела, в том числе при рассмотрении его в судебных стадиях, в частности предания суду и судебного разбирательства.

Рассмотрение уголовных дел в суде первой инстанции ограничено рамками двух процессуальных стадий — предания суду и судебного разбирательства. В этих стадиях, как и на протяжении всего уголовного судопроизводства, основной, генеральной функцией прокурора выступает надзор за точным и единообразным исполнением законов [1, с. 97]. В этой связи возникает вопрос: что является объектом надзорной деятельности прокурора? Правильное его решение имеет существенное значение для характеристики как процессуальных правоотношений между судом и прокурором, так и тех актов, в которых опосредствуется надзорная деятельность прокурора в суде.

Известно, что Положение о прокурорском надзоре в СССР 1955 г. устанавливало обязанность прокуроров «осуществлять надзор за законностью и обоснованностью приговоров, решений, определений и постановлений, вынесенных судебными органами» (ст. 22). Из этого некоторые ученые делали вывод, что прокурор не осуществляет надзор за соблюдением законов в деятельности судов, что объектом прокурорского надзора являются лишь результаты этой деятельности, отраженные в соответствующих судебных актах — приговорах, определениях и постановлениях суда [5, с. 37]. Данное мнение было подвергнуто обоснованной критике еще в тот период, когда действовало Положение о прокурорском надзоре в СССР 1955 г. «...Законность приговоров и решений, — справедливо отмечал Н. Н. Полянский, — предполагает законность всех процессуальных действий суда. Поэтому надзор за законностью приговоров и решений включает в себя надзор за законностью всех процессуальных действий суда» [6, с. 149]. На это же обращает внимание и В. М. Савицкий, указывая, что «итоги деятельности суда, выраженные в приговоре, целиком и полностью зависят от самой этой деятельности», т. е. от того, насколько она соответствует закону [8, с. 19]. Поэтому с полным основанием многие авторы подчеркивают, что объектом надзора прокурора в суде является соответствие закону как деятельности суда, так и актов, в которые она облекается. Правильность такого решения данного вопроса не вызывает никаких сомнений в свете Закона о прокуратуре СССР 1979 г., глава 3 которого именуется «Надзор за исполнением законов при рассмотрении дел в судах». Название этой главы, как и ее содержание, свидетельствует именно об указанном характере надзорной деятельности прокурора в суде.

Формы прокурорского надзора и методы его реагирования в суде иные, чем в стадии предварительного расследования. В досудебных стадиях процесса полномочия прокурора имеют «властно-распорядительный характер» [7, с. 85] и поэтому, выявив нарушение закона, прокурор сам устраняет его — отменяет незаконные и необоснованные постановления следователя и органов дознания, дает обязательные для них указания по

вопросам расследования дела. Такими полномочиями в судебных стадиях прокурор не обладает; здесь вся полнота власти принадлежит суду. Именно суд и только он решает все возникающие по делу вопросы. Конституция СССР устанавливает в качестве важнейшего принципа советского правосудия независимость судей и народных заседателей и подчинение их только закону (ст. 155). Именно поэтому в суде первой инстанции прокурор реализует свою надзорную функцию в таких формах, которые учитывают положение суда как органа, решающего дело.

И суд, и прокурор являются правоохранительными органами, каждый из которых присущими ему методами и средствами решает общие задачи уголовного судопроизводства. Однако деятельность этих органов не протекает изолированно. Напротив, они взаимодействуют друг с другом, и в ходе такого взаимодействия создаются необходимые условия правильного, отвечающего закону порядка рассмотрения уголовного дела, а следовательно, и вынесения законных и обоснованных судебных решений.

Вытекающая из надзорной функции прокурора специфика его отношений с судом четко определена ст. 31 Закона о прокуратуре СССР, согласно которой «прокуроры способствуют осуществлению целей правосудия и задач суда при строгом соблюдении принципа независимости судей и подчинения их только закону». Такой характер отношений прокурора с судом, в свою очередь, определяет и те правовые средства, с помощью которых прокурор может реагировать на нарушение закона при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, добиваясь их устранения.

Акты надзорной деятельности прокурора в суде разнообразны по своему содержанию, форме и назначению. Все они предусмотрены законом и поэтому являются актами процессуальными. Акты органов, ведущих процесс, имеют, как правило, письменную форму, что вытекает из особенностей судопроизводства и требований определенности, фиксированности принимаемых в нем решений. Вместе с тем в суде первой инстанции акты прокурорской деятельности чаще всего облечены в устную форму¹.

В законе содержатся указания на различные акты прокурорской деятельности в суде первой инстанции. В стадии предания суду таковыми являются: мнение прокурора по поводу предложений судьи, обусловивших внесение дела в распорядительное заседание; его заключение по вопросам, связанным

¹ В предисловии к пособию «Образцы актов прокурорского надзора» (М.: Юрид. лит., 1980) Генеральный прокурор СССР А. М. Рекунков отмечает, что в качестве образцов «взяты акты, преимущественно реализуемые в письменной форме» (с. 4). Следовательно, не исключена и устная форма таких актов.

с ходатайствами участников процесса (ст. 240 УПК УССР); частный протест на определение распорядительного заседания или постановление судьи (ст. 252 УПК). В судебном разбирательстве круг актов надзорной деятельности прокурора шире, он включает в себя: заключения по вопросам, предусмотренным законом (ст. 264 УПК); обращенные к суду различного рода заявления, ходатайства (ст. 287, 296 УПК); возражения (ст. 260 УПК); речь государственного обвинителя (ст. 318 УПК); замечания на протокол судебного заседания (ст. 88 УПК); кассационный и частный протесты (ст. 347, 354 УПК). Возможны и некоторые другие акты прокурорской деятельности (в частности, предъявление или поддержание в суде предъявленного иска — ч. 2 ст. 29 УПК).

Устная форма большинства названных актов прокурорского надзора определяется условиями деятельности суда первой инстанции, особенно в стадии судебного разбирательства, в которой получают свое выражение все принципы уголовного судопроизводства, в том числе устности, непосредственности и гласности. Устные по своей форме заключения и речь прокурора, как и некоторые другие акты его деятельности, обращены прежде всего к суду, они важны и для участников процесса, их слышат присутствующие в зале заседания граждане. Такая форма прокурорских актов в максимальной мере способствует достижению воспитательных целей судебного процесса, а также обеспечивает своевременное устранение нарушений закона.

Ряд авторов полагает, что заключение прокурора и его мнение, выраженное в стадиях предания суду и судебного разбирательства, — идентичные по своему содержанию акты [3, с. 68; 2, с. 52—53; 4, с. 115]. При этом обычно ссылаются на п. 13 ст. 34 УПК РСФСР, согласно которому под заключением прокурора следует понимать его мнение, высказываемое в предусмотренных законом случаях в суде. В целом, такое понимание заключения прокурора в суде является правильным. Каждое заключение прокурора есть выражение его мнения, но не каждое высказанное в суде мнение прокурора облекается в форму его заключения. На это справедливо обращает внимание В. М. Савицкий [9, с. 240].

Специфика заключения прокурора как акта его надзорной деятельности состоит в том, что в нем содержится указание на соответствие того либо иного обсуждаемого предложения, ходатайства, действия требованиям закона и на этой основе высказывается определенное суждение о том, какое решение надлежит принять суду. Поэтому в тех случаях, когда высказанное в суде мнение прокурора отвечает указанным выше требованиям, оно по существу, независимо от терминологического обозначения в законе, является заключением.

Вместе с тем некоторые из высказываемых в суде мнений прокурора не носят характера его заключения. Речь, в частно-

сти, идет о случаях, когда в самом законе содержится указание на возможность выбора того либо иного решения данного вопроса. Таково, например, мнение прокурора о порядке исследования доказательств в судебном заседании, последовательности допросов подсудимых, потерпевших и свидетелей (ст. 299 УПК УССР). Не является также заключением и мнение (предложение) прокурора, высказываемое в порядке ст. 295 УПК УССР, относительно последовательности выступлений в судебных прениях государственного и общественного обвинителей.

Список литературы: 1. *Альперт С. А.* О процессуальных функциях прокурора в советском уголовном судопроизводстве.— Проблемы социалистической законности, 1982, вып. 10, с. 94—101. 2. *Басков В. И.* Прокурор в суде первой инстанции.— М.: Юрид. лит., 1968.— 200 с. 3. *Газрилов О. А.* Процессуальные вопросы прокурорского надзора за рассмотрением в судах уголовных дел по новому законодательству.— Вопр. криминалистики, 1962, № 5, с. 55—74. 4. *Гальперин И. М., Лукашевич В. З.* Предание суду по советскому уголовно-процессуальному праву.— М.: Юрид. лит., 1965.— 150 с. 5. *Перлов И. Д.* Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе.— М.: Госюриздат, 1957.— 202 с. 6. *Полянский Н. Н.* Очерк развития советской науки уголовного процесса.— М.: Изд-во АН СССР, 1960.— 212 с. 7. *Рагинский М. Ю.* Прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве (новеллы по Закону о прокуратуре СССР).— В кн.: Проблемы организации и деятельности прокурорской системы в свете Закона о прокуратуре СССР. М.: Юрид. лит., 1980, с. 81—92. 8. *Савицкий В. М.* Государственное обвинение в суде.— М.: Наука, 1971.— 344 с. 9. *Савицкий В. М.* Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве.— М.: Наука, 1975.— 384 с.

Поступила в редколлегию 03.11.82.

А. Ф. Волобуев

Харьков

ИНТЕГРАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ СЛЕДСТВЕННОЙ ТАКТИКИ И МЕТОДИКИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Современное состояние криминалистики характеризуется активным исследованием ее теоретических проблем, разработка которых способствует повышению эффективности расследования преступлений. Одна из таких проблем — взаимосвязь следственной тактики и методики расследования преступлений, рассмотрение которой важно в плане определения структуры следственной тактики и методики расследования как самостоятельных разделов криминалистики, выяснения их содержания и места в системе науки.

В литературе вопросам соотношения следственной тактики и методики расследования преступлений уделялось определенное внимание [8, с. 141—148; 6, с. 27—28]. Однако высказанные положения требуют дальнейшего развития и конкретизации.

Характерная черта современной науки — теоретический синтез научного знания. Как пишет Б. М. Кедров, он «... захватывает не только междисциплинарные отношения и взаимные связи разных наук между собой, но и внутрдисциплинарные процессы, направленные на теоретическое связывание разрозненного эмпирического материала» [1, с. 77]. Эти процессы в полной мере присущи и криминалистике, современный этап развития которой характеризуется формированием общетеоретических положений. Анализируя процессы дифференциации и интеграции знаний в криминалистике на протяжении всей истории ее развития, Р. С. Белкин и А. Н. Винберг отмечают, что для этапа построения развитых теорий наиболее характерной оказалась интеграция научного знания [2, с. 57; 9, с. 12—15].

Система криминалистики предопределена структурой изучаемого предмета [3, с. 271—276]. Это положение базируется на законе соответствия отражения структуре отражаемого объекта. Следственная тактика выделилась в качестве той части криминалистики, которая занимается разработкой наиболее эффективных приемов, общих для расследования всех видов преступлений. Необходимость в разработке таких приемов вызвана тем, что приемы, применяющиеся при расследовании отдельных видов преступлений, в своих существенных чертах повторяются. Эта повторяемость позволяет обобщить их, дать глубокую научную разработку и затем рекомендовать практике наиболее эффективные.

Обобщая и анализируя практику расследования преступлений, тактика абстрагируется от особенностей расследования преступлений отдельных видов, выделяя наиболее общие вопросы. К ним относятся выдвижение версий и планирование расследования, проведение тактических операций, приемы производства отдельных следственных действий и некоторые другие. Следственная тактика рассматривает названные элементы деятельности следователя в логическом, психологическом, этическом, организационном аспектах и, используя данные соответствующих отраслей знания, формирует общие тактические рекомендации.

Рекомендуемые тактикой приемы конкретизируются в методике расследования отдельных видов преступлений с учетом их особенностей, а также типичных следственных ситуаций. Но методика расследования не сводится только к конкретизации научных разработок следственной тактики. Ее развитие как самостоятельной части криминалистики происходит главным образом на основе обобщения и анализа практики расследования отдельных видов преступлений. Выявленные в ходе обобщения практики зависимости и тенденции являются базой для преломления общих тактических приемов и формирования специальных рекомендаций. Рассматривая особенности использования тактических приемов в методике расследования отдельных ви-

дов преступлений, А. Н. Васильев отмечает, что их применение с методической стороны не изменяется, но в своем содержании и значении тактические приемы приспособляются к задачам расследования преступлений данного вида [4, с. 57]. Результаты использования тактических приемов при расследовании преступлений определенного вида в свою очередь обобщаются следственной тактикой для совершенствования своих рекомендаций.

Взаимосвязь следственной тактики и методики расследования выражается как тенденция к интеграции знаний, неразрывно связанной с их дифференциацией. В генезисе криминалистики тенденция к дифференциации проявлялась в виде неравномерного развития ее отдельных частей. Превалирующее значение первоначально придавалось положениям следственной тактики. Позднее — криминалистической технике. На современном этапе на первый план выдвигается методика как система положений, формирующих теорию расследования отдельных видов преступлений. Процессы дифференциации способствовали углубленному изучению отдельных проблем криминалистики, обуславливая затем интеграцию полученных знаний.

Интегративную функцию следственной тактики и методики расследования можно проследить, анализируя содержание, структуру общетеоретических положений названных разделов. В литературе проблема общетеоретических положений следственной тактики и методики расследования преступлений решается неоднозначно. В частности, по мнению А. М. Ларина, учение о версиях и планировании расследования, которое традиционно считалось одним из общих положений следственной тактики, больше тяготеет к методике расследования преступлений [7, с. 21—22].

Представляется, что при рассмотрении данной проблемы следует исходить из понятия предмета следственной тактики и предмета методики расследования преступлений, их соотношения. В этом плане учение о версиях и планировании расследования выражает то общее, что присуще расследованию преступлений всех видов. Именно это позволяет отнести вопросы выдвижения версий и планирования расследования к предмету следственной тактики. Вместе с тем вопросы выдвижения версий и планирования расследования изучаются и методикой с точки зрения их специфики при расследовании отдельных видов преступлений. Это дало возможность сформулировать понятия типичных следственных ситуаций, типовых версий в методике расследования.

Таким образом, можно заключить, что проблема выдвижения версий и планирования расследования является общей для тактики и методики расследования преступлений, изучаемой ими в различных аспектах.

Аналогичный подход необходим и при рассмотрении проблемы тактических операций как одного из средств решения тактических задач расследования [5, с. 44]. Теоретические основы тактических операций представляют собой результат синтеза знаний, накопленных следственной тактикой и методикой расследования преступлений. Поэтому нельзя относить разработку вопросов тактических операций только к предмету следственной тактики или методики расследования преступлений. Проблема тактических операций должна разрабатываться названными разделами криминалистики совместно, но в различных аспектах. Представляется, что к предмету следственной тактики относится разработка теоретических основ тактических операций: понятия тактической операции в расследовании преступлений, его связи с другими понятиями тактики; организационных, логических, психологических и этических основ проведения тактических операций. Предметом же методики являются системы тактических операций в расследовании отдельных видов преступлений.

Обобщая изложенное, можно сделать вывод, что ряд общетеоретических положений криминалистики есть результат синтеза знаний, накопленных в следственной тактике и методике расследования преступлений. Дифференциация в криминалистике позволяет глубже проникнуть в сущность изучаемых проблем с различных позиций, предполагая затем интеграцию полученных знаний на более высоком теоретическом уровне. Это дает основание рассматривать отдельные теоретические концепции как своеобразные переходные звенья между разделами криминалистики, формирующие в совокупности ее общую теорию.

Список литературы: 1. Кедров Б. М. О синтезе наук. — *Вопр. филос.*, 1973, № 3, с. 77—90. 2. Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика: общетеоретические проблемы. — М.: Юрид. лит., 1973. — 264 с. 3. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Т. 1. Общая теория. — М.: РИО Академии МВД СССР, 1977. — 380 с. 4. Васильев А. Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. — М.: Изд-во МГУ, 1978. — 78 с. 5. Дулов А. В. Тактические операции при расследовании преступлений. — Минск: Изд-во БГУ, 1979. — 128 с. 6. Коновалова В. Е. Взаимосвязь методики и тактики расследования. — В кн.: *Методика расследования преступлений (общие положения)*. М.: НИИ прокуратуры СССР, 1976, с. 27—28. 7. Ларин А. М. Проблема общей методики расследования в структуре советской криминалистики. — Там же, с. 39—41. 8. Мальцев Е. Г. Система криминалистики и место в ней методики расследования отдельных видов преступлений. — *Учен. зап. Перм. ун-та*, 1966, № 150, с. 133—154. 9. Матусовский Г. А. Криминалистика в системе научных знаний. — Харьков: Вища школа, 1976. — 112 с.

Поступила в редколлегию 12.11.82.

**СИТУАЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ ТАКТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ**

Современные теоретические концепции расследования преступлений характеризуются ситуационным подходом к расследованию. В самом общем плане это означает, что построение методических рекомендаций по расследованию преступлений производится с учетом имеющегося доказательственного и другого информационного материала и возникающих в связи с этим конкретных задач по его собиранию и проверке [1, с. 509], т. е. в ситуациях, которые в криминалистике получили наименование следственных. Это направление нашло отражение в работах Н. А. Селиванова, В. Г. Танасевича, В. А. Образцова и др. Так, Н. А. Селиванов считает, что более высокий уровень развития методики расследования преступлений предполагает глубокое изучение следственной практики, для того чтобы применительно к конкретным видам преступлений составить описание значительного количества самых разнообразных следственных ситуаций, указав для них наиболее состоятельные версии, оптимальный набор рекомендуемых следственных действий и последовательность их проведения [5, с. 58]. В. Г. Танасевич и В. А. Образцов отмечают, что основой классификации преступлений может быть не только криминалистическая характеристика, но и следственная ситуация (типичная), особенно ситуация, складывающаяся на первоначальном этапе расследования. На основе этого возможно создание оптимальных систем приемов и средств (тактических операций) для установления определенных обстоятельств [6, с. 25].

Обосновывая ситуационную зависимость методики расследования преступлений, многие криминалисты полагают, что на основе классификации типичных сторон следственных ситуаций открывается реальная перспектива разработки эффективных, максимально приближенных к условиям ведения следствия методических рекомендаций, способствующих, в частности, своевременному и полному определению наиболее целесообразной последовательности установления обстоятельств, важных для раскрытия преступления [3, с. 98].

Современное представление о методике расследования преступлений характеризуется конкретностью рекомендаций, обусловленных ее ситуационным развитием. Поэтому на основе криминалистической характеристики преступления и с учетом следственной ситуации можно построить методические рекомендации, которые, по нашему мнению, могут иметь форму и содержание тактических операций. Последние рассматриваются нами как комплекс взаимосвязанных, определяемых следственной

ситуацией следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий с целью решения тактической задачи как промежуточной цели расследования.

Использование следственных ситуаций в качестве одного из оснований для построения системы методических рекомендаций по расследованию преступлений определенного вида порождает необходимость их исследования и типизации. Так, наиболее типичными следственными ситуациями, возникающими на первоначальном этапе (от возбуждения уголовного дела до предъявления обвинения) расследования хищений государственного и общественного имущества, совершенного с использованием служебного положения, являются такие, при которых признаки преступления обнаружены в результате ревизии хозяйственной деятельности¹. Основанием к возбуждению уголовного дела в этом случае являются материалы ревизии. Заинтересованные лица знают об установленных ревизором фактах злоупотребления. Объем и качество полученной следователем информации о преступлении или его признаках зависят от результатов ревизии, в ходе которой могут быть выявлены фиктивные документы, бестоварные документы, подделки в документах, противоречия в их содержании. В характеристику этой ситуации входит и то, как заинтересованные лица объясняют сложившиеся обстоятельства (признают указанные факты либо отрицают их).

Из цепи наиболее целесообразной последовательности установления обстоятельств, имеющих тактическое значение для расследования, в первую очередь необходимо выделить звено, решение которого обеспечит сохранность, а в дальнейшем — и возможность исследования документов, отражающих движение товарно-материальных ценностей и денежных средств (документы бухгалтерского учета, документы оперативно-технического учета, черновые записи материально ответственных лиц, которые они «ведут для себя», и т. п.). Средством решения такой тактической задачи может быть тактическая операция, включающая следующие действия: изучение специальных вопросов, относящихся к порядку движения товарно-материальных ценностей или денежных средств (как подготовительное действие), выемка документов бухгалтерского и оперативно-технического учетов, обыск по месту жительства и работы материально ответственных лиц, их допрос.

Однако информация, полученная в результате ревизии, может не содержать признаков сокрытия недостачи или преступных действий, ее вызвавших, что практически не дает никаких сведений о способе совершения хищения. Материально ответственные лица отрицают умышленную вину, ссылаясь при этом

¹ Нами исследовано 257 уголовных дел о хищениях государственного и общественного имущества, квалифицированных по ст. 84 УК УССР. В 62,4% случаев уголовные дела возбуждались на основании ревизионных материалов. По другим данным, таких дел 74,5% [4, с. 32].

на халатность. Данная ситуация порождает уже иные тактические задачи, а именно: концентрацию действий следователя на установление способа совершения преступления. Установление способа совершения преступления по делам о хищениях государственного и общественного имущества с использованием должностного положения в криминалистическом плане дает ответы на ряд важных вопросов, так как позволяет полностью выявить все эпизоды хищений, его соучастников, размер причиненного материального ущерба и др. [2, с. 45]. Средством решения этой тактической задачи расследования может быть тактическая операция, включающая следующие следственные и организационные действия: назначение и проведение повторной ревизии, выяснение специальных вопросов, относящихся к порядку движения и формам отражения движения товарно-материальных ценностей или денежных средств, по которым выявлена недостача, выявление и допросы лиц, ведущих оперативно-технический учет товарно-материальных ценностей, косвенно связанных с учетом и движением товарно-материальных ценностей, по которым установлена недостача, допросы материально ответственных лиц.

Так, в результате очередной плановой ревизии хозяйственно-финансовой деятельности Харьковского межобластного производственного комбината музыкально-хорового общества УССР выявлена недостача денежных средств по кассе на сумму 1405 р. На основе материалов ревизии было возбуждено уголовное дело по признакам ст. 84 УК УССР. Сложившаяся следственная ситуация характеризовалась тем, что информация о признаках сокрытия недостачи или действий, ее вызвавших, в материалах ревизии не содержалась. Заинтересованные лица, осведомленные о начале расследования по факту недостачи, частично признавали выявленные ревизором факты, ссылаясь на неопытность, сложность учета, а также халатность в ведении финансового хозяйства. Данная ситуация на первый план выдвинула задачу по установлению причин образования недостачи. Средством ее решения была тактическая операция, включавшая следующий комплекс действий: назначение повторной ревизии (в порядке ст. 66 УПК УССР), допрос кассира, старшего бухгалтера и главного бухгалтера. В результате был установлен способ совершения преступления, который заключался в составлении фиктивных расходных денежных документов на списание наличных денежных средств, якобы выданных отдельным работникам учреждения, которые фактически их не получали. В ходе повторной ревизии и других следственных действий было выявлено 38 фиктивных расходных денежных документов на сумму 4469 р. 88 к., завизированных главным бухгалтером Р. и старшим бухгалтером Д. [7].

Установление способа совершения преступления помогло выявить и других его соучастников, что привело к изменению

первоначальной следственной ситуации, поскольку появилась качественно новая информация о некоторых сторонах преступления. Соответственно с изменением следственной ситуации возникли новые тактические задачи по изобличению подозреваемых лиц и обеспечению возмещения материального ущерба, решение которых требовало проведения других комплексов следственных и иных действий — тактических операций.

Список литературы: 1. Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений: Дис. ... д-ра юрид. наук. — Харьков, 1967. Машинопись. 2. Колесниченко А. Н., Матусовский Г. А. Вопросы программирования деятельности следователя. — Криминалистика и судебная экспертиза, 1980, вып. 21, с. 43—47. 3. Образцов В. А. О криминалистической классификации преступлений. — Вопросы борьбы с преступностью, 1980, вып. 33, с. 96—102. 4. Поздняк В. Д. Первоначальные следственные действия по делам о хищениях денежных средств — Криминалистика и судебная экспертиза, 1970, вып. 7, с. 30—36. 5. Селиванов Н. А. Криминалистическая характеристика преступлений и следственные ситуации в методике расследования. — Соц. законность, 1977, № 2, с. 57—59. 6. Танасевич В. Г., Образцов В. А. Методика расследования и криминалистическая классификация преступлений. — В кн.: Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений. Свердловск, 1978, с. 19—26. 7. Архив нар. суда Червонозаводск. р-на г. Харькова, 1974.

Поступила в редколлегию 12.11.82.

А. И. Потеряйко

Харьков

О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ВУЗОВСКИХ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

На современном этапе перед вузами стоят задачи по дальнейшей реализации решений XXVI съезда партии, раскрытые в постановлениях ноябрьского (1982 г.), июньского (1983 г.) Пленумов ЦК КПСС. Одной из таких задач является участие высшей школы в осуществлении единой научно-технической политики, приобретающей ныне решающее значение [5, с. 7].

Однако, как было отмечено на расширенном заседании коллегии Министерства высшего и среднего специального образования СССР 29 марта 1983 г., «социально-экономическая эффективность высшего и среднего специального образования, его роль в научно-техническом прогрессе еще не в полной мере отвечают требованиям, вытекающим из курса Коммунистической партии на интенсификацию общественного производства, рост народного благосостояния» [4, с. 2]. Способствовать решению этой задачи призваны создаваемые при вузах экспериментально-производственные предприятия, правовое положение которых нуждается в совершенствовании.

Понятие вузовских экспериментально-производственных предприятий, как известно, охватывает различного рода мастерские и опытные производства. Несомненно, что эти организации являются промышленными предприятиями, хотя они и существуют в системе высшей школы. Вместе с тем это специфические предприятия, ибо они призваны обслуживать деятельность вузов, содействовать выполнению стоящих перед ними задач в области совершенствования учебного процесса и научных исследований. Соответственно должна строиться и их работа. Такие предприятия должны рассматриваться в качестве структурных подразделений вузов. И это первое, что необходимо отразить в правовом статусе вузовских экспериментально-производственных предприятий.

Поскольку это все же промышленные предприятия и совершаемые ими хозяйственные операции не могут включаться в основное содержание деятельности вузов, в имущественных отношениях, регулируемых нормами гражданского права, они должны выступать обособленно. Еще постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 27 сентября 1926 г. запретило бюджетным учреждениям, в том числе вузам, непосредственно заниматься торгово-промышленной деятельностью. Одновременно в нем говорилось, что если учреждение испытывает потребность в такой деятельности, то для осуществления ее при нем могут быть организованы специальные хозрасчетные подсобные предприятия с правами юридического лица [3]. Эти правила были затем развиты в специальном постановлении ЦИК и СНК СССР от 12 июля 1929 г. «О подсобных промышленных предприятиях при научно-исследовательских учреждениях, высших учебных заведениях и техникумах» [1]. В соответствии с ними и в настоящее время должны создаваться промышленные предприятия при вузах. Это второе, что нельзя игнорировать при определении правового статуса вузовских экспериментально-производственных предприятий.

Сказанное обуславливает установление хозрасчетных отношений между данными предприятиями и вузами, но эти отношения должны принимать форму не договорных, а правовых отношений, основанных на нарядах-заказах. Необходимость сохранения тесных связей между вузами и предприятиями предопределяет также создание в структуре органов управления специальных научно-технических советов, в состав которых бы входили ведущие ученые вузов, представители факультетов и кафедр.

Далее, на все вузовские учебные мастерские и опытные производства, поскольку они являются хозрасчетными промышленными предприятиями с правами юридического лица, распространяется действие Положения о социалистическом государственном производственном предприятии от 4 октября 1965 г. [2]. Однако это не всегда соблюдается на практике, вследствие чего

безосновательно ограничиваются правовые возможности вузовских предприятий. Между тем никаким органам отраслевого государственного управления, в том числе Минвузу СССР и Минвузам союзных республик, не предоставлено право ограничивать возможности предприятий по сравнению с тем, как они определены в Положении.

Важно и то, что Минвуз СССР и Минвузы союзных республик, руководствуясь Положением, должны разрабатывать и утверждать в качестве индивидуальных правовых актов, определяющих конкретно статус соответствующих учебных мастерских и опытных производств, уставы, а не положения. К сожалению, встречаются и такие отступления от закона. Так, Минвуз УССР приказом от 1 января 1981 г. утвердил не устав, а положение об опытном заводе Харьковского политехнического института. Между тем в п. 7 Положения сказано, что предприятие имеет устав, утвержденный органом, принявшим решение об образовании предприятия.

Разумеется, в отношении вузовских мастерских и опытных заводов Положение должно применяться с учетом специфики их деятельности, что должно быть отражено и в индивидуальных уставах, которыми они руководствуются. Но сказать, что уставы всех вузовских предприятий отражают специфику их деятельности, нельзя. Поэтому необходимо, чтобы и в самом Положении было сказано: в соответствии с действующим законодательством особенностями его применения определяются не только к строительным, сельскохозяйственным предприятиям, предприятиям транспорта и связи (ч. 2 п. 3), но и к учебным мастерским и опытным производствам. Причем установление особенностей его применения должно быть отнесено к компетенции Минвуза СССР, что обеспечит единообразие в правовом регулировании учебно-научно-производственной деятельности вузовских предприятий. Не исключается также целесообразность принятия специального Положения об экспериментально-производственном предприятии системы Минвуза СССР, поскольку деятельность этих предприятий весьма специфична.

Однако, как бы ни был решен данный вопрос, принцип специальной правоспособности вузовских предприятий должен получить надлежащее правовое закрепление. В соответствии со ст. 12 Основ гражданского законодательства, ст. 26 ГК РСФСР, ГК УССР и аналогичными статьями ГК других союзных республик они как юридические лица должны обладать гражданской правоспособностью, точно отвечающей целям их деятельности. Во всяком случае необходимо зафиксировать в уставах вузовских предприятий, что их деятельность неразрывно связана с основной задачей вуза — подготовкой высококвалифицированных кадров для народного хозяйства и совершенствованием учебного процесса, призвана способствовать проведению научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологиче-

ских работ, выполняемых профессорско-преподавательским составом, аспирантами и студентами вуза, а также внедрению результатов этих работ на предприятиях и в организациях соответствующих отраслей народного хозяйства. Одновременно должно быть обеспечено и требуемое единообразие правового регулирования деятельности вузовских предприятий. Как показывает анализ уставов, которыми они руководствуются в своей деятельности, и здесь далеко не все обстоит благополучно. Наблюдается ничем не оправданный разноречивый в формулировании норм, определяющих их функции, права и обязанности и составляющих главное содержание уставов.

Наконец, в законодательстве о данных предприятиях следует закрепить и сложившийся на практике порядок их образования. Учебные мастерские и опытные производства вузов, хотя они и являются структурными подразделениями последних, возникают в порядке, установленном для самостоятельных организаций. Они создаются на основании приказа Минвуза СССР или Минвуза союзной республики в зависимости от подчиненности вуза, при котором предполагается образование учебной мастерской или опытного производства. Так, учебно-экспериментальные мастерские Харьковского авиационного института, учебно-производственный комбинат Уральского политехнического института созданы на основании приказа Минвуза СССР, учебно-экспериментальный завод Куйбышевского политехнического института — Минвуза РСФСР, экспериментально-исследовательский завод Днепропетровского металлургического института, учебно-производственные мастерские Киевского, Харьковского и Днепропетровского университетов — Минвуза УССР.

В ряде случаев приказу Минвуза предшествует издание постановления правительства. Например, опытный завод Харьковского политехнического института создан на базе учебно-экспериментальных мастерских этого института приказом Минвуза УССР в соответствии с постановлением Совета Министров УССР.

Отметим, что перед принятием акта об образовании учебных мастерских и опытных производств тщательно выясняются целесообразность их создания, производственные и другие возможности вузов и т. п. Это, так сказать, первый этап порядка образования данных организаций.

Второй этап — утверждение их уставов, наделение их имуществом. Уставы утверждаются теми органами, по приказу которых были созданы учебные мастерские и опытные производства. Так, уставы учебно-производственного комбината Уральского политехнического института, учебно-экспериментальных мастерских Харьковского авиационного института утверждены приказом Минвуза СССР, устав учебно-экспериментального завода Куйбышевского политехнического института — Минвуза

РСФСР, устав экспериментально-исследовательского завода Днепропетровского металлургического института — Минвуза УССР. Эти министерства по согласованию с надлежащими министерствами финансов определяют и размер основных и оборотных средств, закрепляемых за учебными мастерскими и опытными производствами. С момента утверждения уставов эти мастерские и производства становятся право- и дееспособными.

Таким образом, создание вузовских экспериментально-производственных предприятий полностью укладывается в так называемый распорядительный порядок. На практике применительно к учебным мастерским и опытным заводам этот порядок дополняется тем, что утвержденный Минвузом устав и соответствующие должностные инструкции еще особо вводятся в действие приказом ректора вуза. Думается, что и эту особенность желательно закрепить в специальном законодательстве о данных предприятиях, поскольку она вносит определенную завершенность в порядок их образования.

Список литературы: 1. *СЗ СССР*, 1929, № 39, ст. 342. 2. *СП СССР*, 1965, № 19—20, ст. 155. 3. *СУ РСФСР*, 1926, № 64, ст. 499. 4. *Бюл. Министерства высшего и среднего специального образования СССР*, 1983, № 6, с. 2—10. 5. *Коммунист*, 1983, № 9, с. 4—16.

Поступила в редколлегию 07.09.83.

Панов Н. И. Об объекте преступлений против социалистической собственности	3
Пинаев А. А. Некоторые вопросы дальнейшего совершенствования советского уголовного законодательства об ответственности за хищения	11
Даньшин И. Н. Факторы, детерминирующие корыстные преступления против социалистической собственности	17
Панов Н. И., Тихий В. П. Способ совершения преступления и его значение для квалификации хищений государственного или общественного имущества, огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых и наркотических веществ	25
Ломако В. А., Пинаев А. А. Применение дополнительных наказаний при различных видах условного осуждения по делам о хищениях	33
Тихий В. П. Хищение государственного и общественного имущества и хищение огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых и наркотических веществ (разграничение составов)	39
Тенчов Э. С. Размер хищения и объективные критерии его определения	43
Полянский Ю. Е. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о сохранности грузов, перевозимых железнодорожным транспортом	47
Коновалова В. Е., Пчелкин В. Д. Следственные версии как основа планирования расследования хищений социалистического имущества	49
Волкова И. К., Глибко В. Н. Значение документальной ревизии при расследовании хищений государственного и общественного имущества	57
Гаенко В. И. Обыск при расследовании хищений государственного и общественного имущества, совершенных путем мошенничества	60
Богинский В. Е. Осмотр места происшествия по делам о кражах государственного и общественного имущества	65
Матусовский Г. А. Вопросы криминалистической характеристики латентных хищений	71
Аленин Ю. П. Криминалистическая характеристика хищений, совершаемых в рыбной промышленности	78
Таций В. Я. Социалистическая система хозяйства как объект хозяйственных преступлений	81
Перепелица А. И. Занятие запрещенным промыслом и смежные преступления	88
Глушков В. А. Об уголовной ответственности медицинских работников за нарушение правил зубопротезирования	95
Сташис В. В., Таций В. Я. Объект преступления, предусмотренного ст. 155 УК	97
Стрельцов Е. Л. О понятии «крупный размер» при применении ст. 155 ¹ УК УССР	103
Матвейчук В. К. Ответственность за получение незаконного вознаграждения от граждан	106

Попов А. А. Прогрессивное влияние внешнеполитической практики молодого Советского государства на развитие института правопреемства в современном международном праве	108
Буромейский М. В. Специальные сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению в системе механизма для переговоров о разоружении	112
Галанов Ю. Н. Правовые формы реализации продукции подсобных предприятий и промыслов колхозов	116
Чувахлова Л. М. Некоторые вопросы правового положения подсобных сельских хозяйств производственных объединений и предприятий	120
Пономаренко Л. Г. О правовой природе актов прокурорского надзора при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции	124
Волобуев А. Ф. Интегративная функция следственной тактики и методики в криминалистике	128
Князев В. А. Ситуационная сущность тактических операций при расследовании хищений	132
Потеряйко А. И. О правовом положении вузовских экспериментально-производственных предприятий	135

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

В Издательстве при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа» в 1984 году выходят в свет такие книги:

Г а ц и й В. Я. Ответственность за хозяйственные преступления: объект и система. 12 л.

В монографии проведено комплексное исследование проблем объекта и системы хозяйственных преступлений, определена их структура. Проанализирован механизм причинения ущерба социалистической системе хозяйства этими преступлениями. Сформулирован ряд предложений по совершенствованию действующего законодательства, в частности всей системы Особенной части УК УССР, и практики его применения.

Для научных работников, преподавателей юридических вузов и факультетов, работников суда и прокуратуры, следственных органов.

В о л о ш к о С. Д. Гражданско-правовое регулирование отношений в народном хозяйстве. 10 л.

В монографии на основе комплексного, целевого подхода, обоснованного XXVI съездом КПСС и декабрьским (1983 г.) Пленумом ЦК КПСС применительно к Продовольственной программе СССР, разработана новая модель договорного сотрудничества звеньев народного хозяйства для всех сфер хозяйственной деятельности. Раскрыты роль автоматизации управления как составной части мероприятий по совершенствованию хозяйственного механизма, социально-экономическая природа отношений в народном хозяйстве как предмета правового регулирования, а также социальная ценность гражданско-правового регулирования этих отношений в условиях совершенствования развитого социализма.

Для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов.

**Заказы на издания присылать по адресу:
310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16,
Издательство при Харьковском университете**